

Рудольф Штейнер

СУДЬБЫ ЛЮДЕЙ И СУДЬБЫ НАРОДОВ

*Четырнадцать лекций, прочитанных в Берлине
С 1 сентября 1914 по 6 июля 1915*

GA 157

Перевод с немецкого Александр Демидов

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ, Берлин, 1 сентября 1914

О судьбах людей и судьбах народов

Незавершенное строение в Дорнахе и начало войны. О вере в победоносность духовной жизни. Требование понимания мировой необходимости этого сурового времени (ссылка на Бхагават-Гиту). Лишь позднее станет понятной речь правящей в этом мировой кармы. О силе и о любви, которые могут взрасти из духовнонаучного образа мыслей, чтобы правильным образом прийти на помощь событиям эпохи. Мантрические изречения.

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ, 31 октября 1914

Национальности и национальное в свете духовной науки

Особая необходимость в современности - посредством духовной науки проникнуть во внешние явления. Вечное в человеке и его земная конфигурация, к которой принадлежит национальное. Ненависть народов и устранение всего национального вследствие смерти. Европейские нации как представители отдельных членов существа человека. Ненависть, как ярость по отношению к собственному высшему «Я», которое в будущем связано с другими национальностями. Особенный характер народов Европы. Их различное отношение к тем, кто принадлежит чужим нациям. Их различный опыт при прохождении врат смерти. Их отношение к

ведению войны. Особое положение России, основное настроение молитвы на Востоке; Мережковский. Оккультный опыт в период развязывания войны. Как духовная наука должна оправдать себя в суровое время.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ 28 ноября 1914

О сущности европейских Народных Душ

Трудность рассматривать земную жизнь как майю. Утверждение, что симпатия и антипатия в отношении исследования и характеристики Народных Душ исключается. Отношение души во сне к другим Народным Душам. О власти духовной истины. Деятельность Народных Духов в земном развитии, от которой индивидуальная душа высвобождается со смертью; смысл смерти в сражении. Различная форма французских и русских душ из-за их Народного Духа. Борьба высших духовных существ за проникновение спиритуального потока в развития человечества с помощью душ, прошедших через смерть. Современное превращение духовной конфликтной ситуации в земные союзы и конфликты. Антропософия как требование духовного мира по отношению к людям. Вопрос о том, кто виноват в войне и потребность соотнести его с кармой Народных Душ. Значительный вклад для будущего посредством спиритуального обновления мышления.

ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕКЦИЯ 17 января 1915

Сущность импульса Христа и служащего Ему михаэлического Духа. I

Величие импульса Христа, превосходящее все имеющиеся до сих пор рассудочные возможности и Его живое действие в истории. Борьба в Риме между Максенцием и Константином в 312 году. Период до 879г (по Р.Х.). Столетие в Западной и Южной Европе многие души были связаны с христианством только в эфирном теле. Пятая послеатлантическая эпоха и особая задача Англии с одной стороны, и континентальной Европы - с другой. Вступление импульса Христа вследствие деяния Жанны д'Арк. Различие народного и индивидуального развития; в общем не многочисленные инкарнации в одном и том же народе; исключение в Средней Европе. На нынешнем Востоке: многие души, которые прежде несли христианство в своём эфирном теле, образуют эмоциональную связь с ним. В Средней Европе; в течение столетий подготавливается познавательной связи импульса Христа с «я» и астральным телом. Гёте, Фауст. Дополняющие друг друга задачи на

будущее в Средней и Восточной Европе; ущерб для обоих, если Средней Европе будет нанесен вред посредством внешнего насилия.

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ 19 января 1915

Сущность импульса Христа и служащего Ему михаэлического Духа. II

Великие исторические связи всегда будут регулироваться из духовного мира. Отличие, как это происходило во времена Жанны д'Арк, и как происходит сегодня. Нынешний мир машин, чья демонически-ариманическая духовность разрушительно действует на человека. Раскрывающееся изнутри духовное импульсирование девушки-пастушки; христианизация древнеримского ясновидения; тайна её рождения; характер её смерти; Жанна как победительница люциферического супостата. - Как сегодня вследствие человеческих деяний Божественно-духовные силы могут влиться в ариманический мир; о существовании Михаила; его силы могут действовать вплоть до физического рассудка. Противодействие ариманическому началу посредством спиритуализации истинных сил понимания. Согласованность задач эпохи с немецким Народным Духом. Характер германской душевности; жертвенная сила; в эпоху Гавриила - более основанная на кровном родстве, в эпоху Михаила - относящаяся к познавательной воле. Безвредность ариманических сил, если их увидят.

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ 26 января 1915

Время требует духовного познания

Тенденция нынешнего исследователя к существованию духовного мира; неспособность к обобщениям; О.Винсвангер; связь нервного процесса и морально-духовного; сущность религиозной системы: сообщать представления, которые выводят из чувственного мира и подкрепляют в отношении духовного мира; необходимость глубокого духовного усиления в настоящее время. О смысле войны. Большое число молодых умерших; неиспользованные силы их эфирных тел могли бы послужить человеческому развитию, если люди осознают связь с духовным миром. Культивирование отношения к умершим. Тенденция к некоторой опасной спиритуализации вследствие войны. Необходимость кризиса может быть понята лишь на спиритуальном уровне. Время требует духовного напряжения. Причина для стремления к удобству: скрытый страх перед большим бодрствованием в отношении как земной, так и посмертной реальности. Увеличение нервных

нарушений (Достоевский против Гамерлинга). Целебная сила духовной науки.

СЕДЬМАЯ ЛЕКЦИЯ 2 февраля 1915

Личное-сверхличное

Три конкретных переживания с умершими в связи с процедурой их погребения. Необходимость после смерти прийти к самопознанию, выступающая тремя различными способами. Ослепляющий переизбыток духа после смерти, которые должен быть приглашен, чтобы стало возможно сознание. Помощь посредством духовной науки. Духовная наука не как теория, но как водитель к исполненному жизнью пониманию духовного мира. - О многих неиспользованных эфирных телах павших, чьи силы входят в Народную Душу; их стремления, помогая, соединиться с духовными силами живых ради земного прогресса. Переживание одного такого взаимодействия с умершим в связи с Дорнахским зданием.

ВОСЬМАЯ ЛЕКЦИЯ 2 марта 1915

Три решающих ступени на имагинативном пути познания.

Оставление тела на пути познания через трое врат. Врата смерти: оживление мысли в медитации; преодоление внутренних препятствий; превращение мысли в некое существо -голову с крыльями; заинтересованность Аримана препятствовать, тому, чтобы его увидели; необходимость преодоления земного начала в своих мыслях. - Врата элементов: надо охватить волю в море ожившей мыслительности, стать господином мыслей; имагинация наводящего страх льва; возможность преодолеть его, идентифицируясь с судьбой. Опасность эгоизма; Люцифер заинтересован в том, чтобы замаскировать её; серая магия. - Врата Солнца: встреча с драконом, образующимся из низшей органической и низшей душевной природы человека. Разница между «головным ясновидением» и «ясновидением живота». Охватывание высших сил низшей природы посредством ещё более глубокой идентификации с судьбой. - Трудности во вратах смерти. Необходимость духовного познания сегодня. Значение смерти как наставника души, особенно в случае ранней гибели.

ДЕВЯТАЯ ЛЕКЦИЯ 9 марта 1915

Ритм сна и бодрствования в великом ходе развития мирового существа.

Высший познавательный процесс: осознание переживаний во сне. Естественная эволюция от (древней) Луны к Земле и к Юпитеру с точки зрения, что «сон» способствует определенному органу пробуждения в мышлении. Реальный мировой процесс в медитации: тонкое расходование тепла и света, оставляющее после себя тенью, холодный оттиск в мировом эфире. Отпечаток этого рода, произвольно оставляет после себя любое переживание «я». Посмертная привязка к этим отпечаткам и их дальнейшее формирующее карму действие в последующей земной жизни. - Сон и пробуждение в отношении к духовной истории: переход в глубокий сон материализма в 19 столетии (Ж.Мозен, В.Йордан, Ж.фон Ауффенберг). Тесная, уже более не расшатанная естественным образом связь духовно-душевного начала с началом телесно-физическим. Задача медитативно выработать из свободной воли сознание духовного мира. Необходимость контакта спиритуального познания с неиспользованными эфирными силами погибших на войне.

ДЕСЯТАЯ ЛЕКЦИЯ 16 марта 1915

Трудности духовного пути. Напечатление характеров европейских наций посредством их Народных Духов

Главная трудность духовного пути: прочная связь души с телом. Сравнение процесса воспоминания с духовным познанием: сигнальный оттиск каждого чувственного переживания в телесном, который посредством процесса подсознательного чтения на душевном уровне вновь оживляется в процессе воспоминания; оттиск каждой медитации в мировом эфире. Первые переживания в сверхчувственном; познание принадлежности духовно пережитого к собственному высшему существу. Медитация как работа в этом существе. Отношение иерархических существ к человеку; особенное отношение Народных Духов к европейски народам. Ход развития немецкого Народного Духа; основа родства немецкой духовной жизни с путем духовной науки. Современные события как укрепление духовной связи и как призыв к преодолению материализма.

ОДИНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ 20 апреля 1915

Эфирный человек в физическом человеке

Опыт души при оставлении физического тела по отношению к земному миру; её живая связь в существом земного организма. Соответствие бодрствования и сна в течение одного дня для человека зиме и лету в течение года для Духа Земли. О силе,

которая живет в Духе Земли с Мистерии Голгофы. Сложность человеческого существа. «Жизненный возраст» душевных способностей: память, мышление, чувство и воля в связи с планетарными ступенями развития Земли, и телесные основы душевных способностей, возникавшие в соответствии с этими ступенями. Воспоминание. Человеческая воля и карма. Возможное созерцание кармы посредством молчащей воли (сон Эразма Франческа) . Реалистическое наблюдение жизни как основа для познавательного срастания с духовным миром. О смысле земной жизни; предостережение посредством событий современности.

ДВЕНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ 10 июня 1915

О скульптурной группе для здания в Дорнахе

Здание в Дорнахе; акустические аспекты. Изображение трёх фигур в скульптурной группе. О силах средней фигуры, делающихся видимыми на основе познания Существа Христа. Изображение Христа в картине Микельанджело «Страшный Суд». Неизбежное в человеческой жизни качание маятника между люциферическим и ариманическим. «Фауст» Гёте и двойственность образа Мефистофеля. Самостоятельная задача Средней Европы между люциферически направленным Востоком и ариманически ориентированным Западом. Серьёзность, требуемая современными событиями.

ТРИНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ 22 июня 1915

О пророческой природе сна. Человек (древней) Луны, (древнего) Солнца и (древнего) Сатурна.

Человеческая жизнь между прошлыми и будущими формами бытия. Пророческий характер сна в одеянии прошлых переживаний; возникновение сновидений из взаимодействия астрального и эфирного тела. Скрыто продолжающие жить в человеке планетарные причины земного бытия: «лунная жизнь» как «сновидения» в человеке (пример: как Эмерсон изображает Шекспира и Гёте); воздействие Ангелов в «сновидениях», но также воздействие Люцифера и Аримана (пример: Южаков) (?). Сатурнический человек как основа земной жизни и внешней науки; его значение для грядущего образования минерального костяка Юпитера. Воздействие посредством духовной науки на «солнечного человека», как подготовка к тому, чтобы на Юпитере был возможен рост растений. Воздействие грядущих форм духовной науки, как подготовка к тому, чтобы на Юпитере стали возможны животный мир и основа для человеческой культуры. Бессмысленность чисто

физического атомизма. Макрокосмическое значение мысли, слова и моральности человека. Лекция как разъяснение одного слова Христа.

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ 6 июля 1915

О космическом значении наших чувственных восприятий, нашего мышления, чувства и воли.

Человек как мировое и земное существо по отношению к той малой части, которая вступает в сознание. Космический аспект чувственного восприятия; «зрение» как то, что делает Землю видимой для других планет. Человеческое мышление и его отношение к ткущему эфирному морю мыслительного мира, текущего в образах. Ещё более всеохватывающее космическое значение чувства и воли: возникающие в человеке зеркально отраженные образы качеств и деяний (чувств), в соответствие с существом (волей) инспирирующих, созидающих мир иерархий. Чувство и воля как строительные камни грядущего мира. - Утрата прежнего ясновидения ради свободы воли. Развитие самостоятельного мышления благодаря всё усиливающемуся захвату физического тела. Необходимое равновесие посредством духовной науки. Опасность того, что хотя и отрицаемые, но существующие спиритуальные силы человека будут захвачены Люцифером и Ариманом. Пример из итальянской истории (Кола ди Риенци и д'Аннунцио)

ПРИМЕЧАНИЯ

ПЕРВАЯ ЛЕКЦИЯ Берлин, 1 сентября 1914

Мои дорогие друзья, моё сердце глубоко тронато тем, что я в эти суровые часы некоторое время могу находиться среди вас, и могу

говорить с вами. Но пусть наша первая мысль будет направлена к тем дорогим друзьям, которые часто соединялись с нами здесь, и которые сейчас призваны на поле, где столь ошеломительным образом идет борьба за человеческие судьбы и за судьбы народов. Чтобы мы с верной любовью вспомнили этих друзей в этот час и послали к ним мысли, обладающие силой укрепить их там, где они сейчас - в знак этого мы на мгновение встанем!

Духи ваших душ, деящие стражи,
Ваши крылья могут донести
Наших душ молящую любовь
Вашей защите доверенным людям земли,
Чтобы, соединяясь с вашей мощью,
Наша просьба, помогая, сияла
Душам, которые она, любя, ищет.

Мы хотим окликнуть наших друзей, чтобы Христос, о Котором так часто говорилось здесь, усиливая их, правя над ними на том поле, где сейчас решаются судьбы людей и судьбы народов, был с ними!

Мои дорогие друзья, вы знаете, что первоначальным намерением было, чтобы *здание, которое мы хотели воздвигнуть подобно стражу духовной жизни нового времени,*(1) как она представлялась нам, это здание должно было быть готовым к августу этого года. Карма изъявила иную волю. И мы должны, само собой разумеется, невозмутимо смириться с этой кармой. Какое-то время мы думали, что именно теперь могло бы случиться так, что в этом здании должны были бы прозвучать слова о той победной уверенности духовной жизни, в которой мы вес больше и больше убеждаемся благодаря нашей духовной науке. Однако в это время наше здание в Доранхе у Базеля стоит или стояло незавершенным. Но его обшивка уже есть. Колонны, которые должны нести его купол, представляющий духовные небесные миры, стоят на своих местах, они связаны с символом небесной кровли. Ожидается завершение. В июле, на определенной стадии нашего здания я мог почувствовать, что наступает нечто, что меня озадачивало: то, чтобы это здание стало пробой для того, чтобы благодаря форме и расположению можно было достичь хорошей слышимости, создать поистине акустическое пространство. Надеюсь, - сказал я, - это получится. Ибо с того места, с которого я словами мог проверить, как вся обшивка реагирует на звук, звук подавал надежды на осуществление намерения, чтобы подходящем месте звучание было правильным. Нашей надеждой было, чтобы слова посвященные нашему образу мыслей могли звучать в этом помещении.

Первым звуком, который услышали наши друзья, работавшие в Дорнахе, был отголосок огня, который велся в непосредственной близости, огня, который раздавался как первые мероприятия в ходе тех суровых событий, в которых мы теперь живём. Ибо наше здание смотрит вниз на тот участок в верхнем Эльзасе, где на отграниченной по суду от Швейцарии равнине, он расположен. Не только эти звуки стали сигналами суровых событий нашего времени, но можно было видеть с разных точек нашего здания артиллерийский огонь в Верхнем Эльзасе. То, что происходило там, доносилось как эхо до наших мест. Когда мы среди работ встречались для наших обсуждений, в нас жила мысль, что из суровых событий, в которых мы живём, человечество могло бы возродить мирную почву, на которой могли бы расцвести исцеление и благословения для развития человечества.

Как разразились такие события, которые мы теперь переживаем, события, которые порой говорят для некоторых подобно символам! Может быть в руки некоторым из вас, мои дорогие друзья, попадал первый том моей книги «Загадки философии», в котором я хотел изобразить ход развития человечества в поисках разрешения великих мировых загадок, в котором я хотел изобразить ход мысли через сердца людей и народов. Второй том, как вы знаете, еще не появился: но в печати он уже готов до тринадцатого листа. Этот тринадцатый лист на последних страницах, которые еще печатаются, посвящен философии Бутра и Бергсона, далее следует Пройс, как последнее, что ещё было напечатано перед тем, как начались великие события, и что посвящено Пройсу, стоящему отшельником в немецком натурфилософском развитии, и по моему ощущению гораздо глубже охватившем то, что хочет философ Бергсон. В этой мыслящей личности, в Пройсе, находят высказанным с мощной силой то, что могут сказать о духовной жизни естественнонаучно мыслящие. Так в этом тринадцатом листе объединено то, где должны трактоваться мысли, взращиваемые на Западе, и мысли, взращиваемые в сердце Европы. Мое печатание завершилось на половине фразы, как бы символически разделяя духовную жизнь тех людей, между которыми теперь на физическом плане разгорелась тяжелая борьба, борьба, так сильно затронувшая нас. В первые дни августа мне приходилось смотреть на чистые страницы оставшихся ненапечатанными листов, что действовало на мою душу как некая многозначительная символика.

Мои дорогие друзья, сейчас наше время не таково, чтобы решающими стали подчиненные события человеческой жизни. Как быстро разразились эти события: как глубоко вторглись они, будучи порождены необходимостью, подобной той, с которой когда-то, во времена великого переселения народов жестокой, тяжелой борьбе

складывалась судьба Европы. В это время последователь духовной науки должен быть уверен в победе и в победоносности духовной жизни, иметь твердую веру, что правящие миром духи разрешат события так, как необходимо на благо человечеству.

Тот, кто сегодня нуждается в утешении вследствие того, что тесно сплотившиеся благодаря духовной науке люди противостоят друг другу в огне, пусть попытается найти такое утешение из слов, которые звучат нам в Бхагават-Гите. Они указывают нам на древние времена человеческого развития, туда, где из первоначальной примитивной жизни человечества выступала позднейшая жизнь, в которой по известным нам духовным законам объединялись те, кто раньше жил как брат с братом, как сестра с сестрой. Совершился переход к другой жизни человечества, к распространению человечества, так что при новом порядке человечества в борьбе противостали друг другу те, кто знал себя как братьев. Но дух, который проходит через человеческое развитие, находит верные слова, чтобы излить уверенность, убежденность и веру в противостоящие друг другу души.

Сегодня мы снова переживаем времена, когда из разных местностей Земли благодаря тому духовному потоку, который мы называем своим, сошлись люди, которые благодаря своим чувствам, благодаря тому, что они тесно связаны в глубине души, называют себя братьями и сестрами. И вот они снова должны противостоять друг другу. Так хочет карма человечества. Однако, мои дорогие друзья, мы, благодаря тому, что мы принимаем в свои сердца и души из нашего духовного потока должны увериться в том, что Дух, текущий через развитие человечества в эти бурные времена укрепит нас и наполнит нас уверенностью, так что мы сможем нести в себе веру в то, что мировая карма совершает все правильно, в то, что борьба необходима, что должна литься кровь и кровь для того, чтобы было достигнуто то, что Мировой Правитель судеб хочет сделать с земным человечеством. Также и жертвенная кровь такова, священная жертвенная кровь! И те из наших любимых, кто пролил такую жертвенную кровь, станут в духовном царстве сильными помощниками человечества ради прекраснейших, величественнейших целей. Ибо мировые духи разными способами говорят к человеку. Они говорят нам определенным образом, как и мы обычно делаем это в нашем кругу с помощью слов, заимствованных из наших духовных исследований и из нашего духовного образа мыслей. Но они также говорят нам посредством суровых знаков военной грозы. Некоторые души, естественно, с сожалением смотрят на то, что речь такого рода исходит от мирового правления человечества, одухотворенные души должны помнить о том, что такая речь необходима в мировой карме. Это

такая речь, понимание истинного смысла которой в отдельных случаях является задачей последующих времен, когда смогут оглянуться назад, на то, чем они стали благодаря тому, что их предки приносили в жертву своё тело, для того, чтобы вследствие этой жертвы на поле битвы просветленные души на благо человечества поднимались вверх в духовные сферы. С этой искрой духовного умиления в сердце мы можем укрепленными предстать перед всеми заботами, всеми глубокими печалью и скорбями, но также и со всеми надеждами, со всей убежденностью, которые раскрывают и демонстрируют перед нашими внешними глазами столь суровые события как современные.

Мои дорогие друзья, *26 июля в Дорнахе, обращаясь к собравшимся там друзьям я, завершая лекцию о делах нашего здания (2)*, мог сказать слова, которые указывали на суровые времена, предстоящие нам. Среди тех слушателей 26 июля были также и те ещё находящиеся там друзья, которые теперь находятся вовне, на полях суровых, в высшей степени суровых событий. Тогда я около нашего здания в Дорнахе, которое должно было бы стать духовным стражем, обратил к сердцу наших друзей такие слова: пусть то, что мы усвоили благодаря нашему духовному течению и благодаря нашему духовному образу мыслей, в каждом отдельном из нас действует так, чтобы он нашел возможность в подступающем сейчас сильно и уверенно стоять в том месте мира, на которое его поставит судьба.

Это было вещественным доказательством того, что наше духовное движение в состоянии дать настоящую силу даже в такие времена, в которых мы теперь живем и в таких суровых событиях, в которые мы поставлены теперь. И возможно, к выковыванию этих сил относится также и то, что те, мимо которых там пролетают пули, те, кто должен жить в рокоте боёв военной грозы, знают, как мы чувствуем себя соединенными с ними в верной любви, и, лелея в себе все мысли, которые могут укрепить и помочь им, думаем о них. Как будет обстоять дело с нашим движением, если оно окажется непригодным, чтобы поддержать душевные силы там, где эти душевные силы подвергаются сильным испытаниям! Пусть сила, которой мы овладели сами долго и прочно соединяет нас с теми дорогими друзьями, которые стоят там вовне, пусть эта сила будет настолько мощной, чтобы и в духовном мире содействовала тому, чтобы дух, который мы пытались принять в себя, мог стать чем-то в мировых деяниях; пусть любовь, соединенная с нашими духовными стремлениями, особенно сильно проявит себя там, где наши друзья в физическом мире приносят священную жертву!

Мои дорогие друзья, ещё многое выступит перед нашими глазами вследствие того, что началось сейчас. Но мы часто говорили слова

об исполненной силой невозмутимости. Пусть она наполнит теперь наши души. Пусть эти слова будут не о той удобной невозмутимости, которая смотрит на вещи с безразличием, но пусть эти слова будут о той деятельной невозмутимости, спокойствии, которое ищет средства и пути, ищет и находит их в правильном духовном поиске, чтобы в правильном месте совершить то, что правильно. Мне часто приходилось спрашивать себя в этом августе, не лучше ли было бы нашим друзьям задержаться в Дорнахе на (строительстве) нашего здания, не мог ли кто-либо в другом месте в это время прилагать исполненные значения усилия. И всё же кажется, хорошо, что соединившись с известными силами, в которых в наше время нуждается дух, это строительство не остановилось. Также и в это тяжелое время работы наверняка продолжаться. Всё же надо живо сохранять в мыслях, что здание должно быть символом правильного понимания тех великих деяний, которые совершаются в наше время, символом понимания того, что во всём, что происходит в наше время, должна быть духовная сила. Мы питаем веру, что все друзья, которые остались исполнять свой долг в Дорнахе, - поскольку это казалось их кармой, - во всем, что как самое важное вытекает из стремительных событий, к которым мы причастны, смогут занять своё место: каждый займет то место, на которое его ставит карма. Попробуем, мои дорогие друзья, - подобно тому, как после дня, оставившего в нашей душе впечатления, после того, как день выявил для нас наш возможный долг в данное время, и мы пытаемся этот долг выполнить, - попытаемся исполнять каждый долг, который мы можем рассматривать как долг самоотверженной человеческой любви, как долг самопожертвования в то время, когда от людей требуется столь много жертв. Примем участие в жертвенной службе человеческому развитию в соответствии с тем, какими силами наделены мы от кармы, поможем всюду, где мы можем помочь.

Изыщем возможности, позволяющие нам помогать, и не будем забывать, о нашем убеждении в том, что для духа действенным инструментом является человеческая помощь, является любовь, поставленная на службу человеку.

Когда наши друзья в Дорнахе захотели понять, в чем состоит внешнее оказание помощи, узнать о первых перевязках, тогда в нашем здании был не только дан *ряд уроков, инструктирующих в отношении таких перевязок на случай(3)*, что однажды карма кого-либо из нас призовет к применению таких навыков, но сердце велело мне сказать нашим друзьям слова, которые, исходя из духовного созерцания чувствовала любящая, желающая помочь душа; слова, которые, - духовным образом, - могли перенести активную духовную любовь из перевязывающей руки, из тела

помощника в того, кому оказывалась помощь. Как в самой человеческой организации заложены целебные силы, как в крови, текущей из раны живет то, что целебно действует на рану, - вот на что следовало прежде всего обратить внимание. А затем было сказано, что оказывая помощь нуждающемуся в ней человеку хорошо наполнить сердце словами:

Кровь, теки,
Действуй течением,
Движущий мускул
Семя подвигни,
Любовь заботы
Жаркого сердца
Стань целебным дыханьем.

Я полагаю, что знаю: душа, наполненная таким настроением, рука, желающая помочь, в состоянии дать помогающие силы. Разве мы, после всего, что за годы прошло через нашу душу, не должны быть убеждены в том, что наполненность Духом Христа в это время наделяет нас способностью правильным образом вмешиваться там, где этого требует судьба, там, куда мы поставлены судьбой. Как часто мы можем оказаться в обстоятельствах, которые может преподнести нам ближайшее время, когда нас испытывают; проникнуты ли мы Христом должным образом, Христом, Который из нашего сердца действует на сердце других людей, Который нас самих сплетает в единство со страдающими, испытывающими боль людьми. Как часто мы говорили о том, что к развитию души в духовном мире относится умение связать собственное чувство с болью, которая живёт в другом. И именно в тех местах, где события нашего времени вызывают боль, одно или другое место должно быть нашим: там можем мы проверить, достаточно ли мы сильны для того, чтобы по-настоящему сопережить в чувстве боль другого, проверить, может ли боль, живущая в другой душе, стать болью, которую ощущаем мы.

Чтобы человечество могло постепенно придти к тому, что боль, живущая в другом не избегала нас самих, но ощущалась, вплетаясь в нас самих, - для этого пролилась кровь на Голгофе. Поэтому мы, именно в это время стремимся усилить в наших душах образ мыслей, обозначенный здесь. Это можно сделать посредством таких слов, которые человек как бы говорит самому себе мысленно, как можно чаще; слов, которые связывают нас с серьезностью этого времени, в первой строке которых человек обращается к своим ближним. Слова гласят:

Как долго ты боль ощущаешь,
Меня эта боль минует;
Неузнанным Христос
Действует в сути мира.
Ведь дух ещё так слаб,
Чтоб, чувствуя страданья,
Их в одиночку в теле одолеть.

Да, мои дорогие друзья, настали времена, когда каждая душа, научившаяся смотреть вверх в духовный мир, должна направлять молящие мысли к духам, которых она считает своими защитниками, чтобы эти духи могли помочь нам правильно вести себя в это время. Мы будем чувствовать правду в нашем сердце, праведные силы в нашей душе, если мы обратимся к духу, который должен провести нас через нашу земную инкарнацию к нашей собственной правде. Но как можем мы узнать, что наша просьба обращена к правому духу? Мы можем почувствовать это, если обратимся к этому духу так, как это надлежит в смысле истинного импульса Христа.

Ибо дух, ведущий нас к правде, - в котором мы можем быть уверены, мои дорогие друзья, - этот дух связан со Христом. Он ведет диалог со Христом. Он ведет такой диалог со Христом в духовном мире, чтобы из того, за что теперь сражаются, за что льётся кровь, возникла правда на благо человечества. В Духе Христа мы обращаемся к духу, от которого мы хотим защиты. Тогда это правомерный дух.

То, что является сущностью какого-либо духа, на языке духовной науки называется возрастом, древностью духа. Поэтому это слово входит в ту формулу, о которой теперь вам будет сообщено. Слово возраст, древность означает тут то же самое, что и сущность духа. Ибо по тому, какой возраст имеет дух, мы учились их различать. Мы говорим о люциферических и ариманических духах именно в этом смысле, зная: они развивают в неподходящем возрасте то, что в соответствующую эпоху развивается в соответствии с миром. Поэтому, говоря о существовании духа, мы говорим о возрасте духа. Формула, которая должна быть сообщена теперь, гласит:

*О ты, дух моего земного пространства,
Раскрой свет своей древности (возраста)
Душе, преданной Христу,
Чтобы стремясь она могла найти тебя
В хоре мирных сфер,
Звуча хвалой и мощью
Чувств человека
Верного Христу.*

(О ты, Душа моей земли,
Яви свой древний свет
Верной христианской душе,
Чтоб в хоре мирных сфер
Она, стремясь, могла найти Тебя,
Звуча в могуществе и свете
Чувств человека верного Христу)

Попробуем сделать плодотворным то, что может взрасти в наших душах по ходу наших духовных стремлений, попытаемся сделать это настолько плодотворным, чтобы мы могли надеяться выдержать испытания. Попытаемся доказать, что нашим духовным стремлением является любовь, доказать в то время, когда необходима любовь, любовь, любовь!

Мои дорогие друзья, вот то, что лежало у меня на сердце, чтобы стать высказанным для ваших душ в сегодняшней вечер. Пусть же любовь, к которой мы так часто апеллировали прочно пустит в нас корни. Да обретем мы возможности в суровое время верно держаться вместе самим и держаться вместе со всем святым достоянием человечества. Я же обещаю вам, мои дорогие друзья связать это достояние со своим чувством и всегда все снова и снова соединять мои мысли с вашими в последующие времена. Пусть нам будет суждено пережить как символ то, о чём говорилось сегодня вечером во вступительном слове, после того как в нашем Дорнахском здании прозвучали отголоски войны, отразились отблески войны, пусть нам будет суждено, чтобы в скором или долгом времени в этом здании прозвучало слово об уверенности в победе и победоносности духа, прозвучало в сознании, что это здание со своей возвышенности смотрит вниз на человечество, которое в тяжелых испытаниях, в тяжелой борьбе этого времени завоюет себе право, достояние, красоту и истину в человеческом развитии. Пусть дни борьбы протекают так, чтобы в грядущие дни мира можно было с удовлетворением взглянуть назад, на те жертвы, которых потребовало это время.

Мне хотелось бы надеяться, что те слова, которые я попытался сказать сегодня вечером, затронут ваши души с той глубиной, которая, как я думаю, свойственна вам. Пусть они объединят вас в то время, когда некоторым из нас приходится переносить столь многое. Но пусть они смогут способствовать для вас тому, чтобы все сердца, которые теперь уже наполнены благородным одухотворением и радостным мужеством борцов, наполнялись этим благородным одухотворением и радостным мужеством борцов так, чтобы духи, знающие правду, с удовлетворением смотрели в эти

сердца. Если мы исполнимся таким настроением, мы будем иметь возможность в правильном месте делать правильное. Вот то, для чего нам наша духовная работа, которую мы пытаемся выполнять в течение лет, должна дать силу и может дать силу.

До свидания, мои дорогие друзья, до свиданья в том же настроении и с теми же сердечными чувствами!

ВТОРАЯ ЛЕКЦИЯ **Берлин 31 октября 1914**

Мои дорогие друзья! Также и сегодня наши первые мысли должны воздать должное тем, кто стоит на поле битвы, кто своим телом и всем своим бытием выступает за то, что требует от них наше время. Поэтому мы направляем мысли к тем духовным существам, которые берут под защиту стоящих на поле битвы.

Духи ваших душ, деящие стражи
Ваши крылья могут донести
Наших душ молящую любовь
Вашей защите доверенным
Людям Земли,
Чтобы соединяясь с вашей мощью
Наша просьба, помогая, сияла
Душам, которых она, любя, ищет

А для тех, кто вследствие этих событий уже прошел через врата смерти, мы говорим:

Духи ваших душ, деящие стражи
Ваши крылья могут донести
Наших душ молящую любовь
Вашей защите доверенным
Людям сфер,
Чтобы соединяясь с вашей мощью
Наша просьба, помогая, сияла
Душам, которых она, любя, ищет.

И Дух, Которого мы в наших стремлениях ищем многие годы, Дух, прошедший через Мистерию Голгофы, Дух Христа, Дух мужества,

Дух силы, Дух единства, Дух мира - пусть правит Он всем, что Он должен совершить в эти дни!

Более, чем в иные времена, в эти дни, в эти недели тяжелые события наши души должны проникнуться серьёзностью наших духовных стремлений, серьёзностью, благодаря которой мы должны ощутить, как то, к чему мы стремимся посредством нашего духовного течения, связано со всем истинно человеческим. Мы стремимся к тому, что говорит не только к преходящему бытию человека, к тому бытию, которое человек проводит в физическом теле; мы говорим о законах, мы говорим о душевных и духовных силах, которые ориентированы на то высшее «Я» в человеке, которое больше, нежели то, что увядает вместе с телом и его бытием. Мы часто употребляли слова «майя» относительно внешних явлений, и мы часто подчеркивали, что внешние явления, связи физической жизни стали майей потому, что человек неверно вникнул в них, рассмотрел их посредством познания, посредством своих познавательных возможностей, и вследствие этого не почувствовал, не услышал того, что говорит нам как самое значительное, самое существенное из внешних явлений; напротив, своими познавательными возможностями сам человек набрасывает на внешние явления покров, паутину заблуждений. Поэтому они и становятся майей.

Некое суждение, прежде всего в эти дни, должно выступить перед нашей душой, поскольку мы ищем понимающую любовь и исполненное любви понимание того, что происходит вокруг нас; некое суждение может особенным образом выступить перед нашей душой, некое познание, которое, в сущности, стоит в центре всего, к чему мы стремимся на познавательном уровне. Однако это познание должно выступить перед нашей душой со всей серьёзностью и нравственным достоинством, которые в ней есть. Это познание, - оно является для нас простейшим, элементарнейшим познанием духовной жизни, - о возвращении земной жизни, об истине, что наша душа в ходе времени шагает от одного тела к другому. По отношению к тому, что как вечное в человеке спешит от одного тела к другому в следующих одна за другой инкарнациях человека, встает то, что связано с физически-телесным бытием человека на физическом плане, то, что дает этому физически-телесному бытию человека конфигурацию, формацию, отпечаток. И во всём том, что дает этот внешний отпечаток, отпечаток, что обуславливает характер человека покуда он живёт в физическом теле на физическом плане, в особенности принадлежит то, - об этом мы не смеем забывать ни на мгновение, особенно в наше время, - что человек обобщает под выражением «национальность». Если мы направим душевный взор на то, что мы

обозначаем как высшее «Я» человека, то там это выражение «национальность» теряет своё значение. Ибо ко всему тому, что мы слагаем, проходя через врата смерти, принадлежит и весь объем того, что относится к национальному. Если мы серьёзным образом хотим быть тем, что мы знаем как духовно стремящегося человека, то нам подобает думать о том, что человек, когда он проходит через различные инкарнации, принадлежит не одной, но разным национальностям, и то, что связывает его с национальностью принадлежит к тому, что должно быть отброшено в тот момент, когда мы проходим через врата смерти.

Истины, идущие в область вечности не таковы, чтобы их было легко понять. Они могут быть такими, которым в течение известного времени может противиться чувство; которых, особенно в трудное время, трудно усвоить и в это трудное время трудно сохранить во всей их силе и ясности. Однако настоящий антропософ должен это делать, и именно благодаря этому он будет приходить к правильному пониманию того, что окружает его во внешнем физическом мире. Краеугольные камни такого понимания уже внесены в наши антропософские стремления. Вы найдете, что в *цикле лекций о Народных Душах(5)* содержится все то, что может дать понимание о связи человека, - насколько этот человек является существом в вечности, - с его национальностью. Эти лекции были прочитаны в период мирного времени, когда души в большей степени подходили и были готовы к принятию неприкрашенных истин. Сегодня, возможно труднее сохранить эти истины столь же объективным образом, как принимались они тогда. Но мы подготовим свои души к необходимому для них сегодня укреплению наилучшим образом благодаря тому, что мы и сегодня сможем объективно воспринять эти истины.

Поставим перед своими душевными глазами образ бойца, прошедшего через врата смерти на поле битвы. Поймём, что это совершенно особый случай прохождения через врата смерти. Мы поймём, что при этом следует вход в тот мир, который мы всеми фибрами своей души отыскиваем посредством духовной науки, для того, чтобы она внесла ясность и в физическую жизнь. Подумайте о том, что вследствие смерти мы входим в тот духовный мир, в который не могут быть взяты непосредственно иные импульсы, нежели те, - поскольку иные были бы неплодотворны, - которые оживляли наши душевные стремления и которые, в конце концов, были направлены на то, чтобы «связать братскими связями всех людей земного шара». В более высоком свете является нам народная поговорка, которая проста, если освещена с позиции антропософской мудрости. Поговорка такая: смерть уравнивает всех. Всех она делает равными: французов и англичан, немцев и

русских. И это верно. Сопоставив это с тем, что происходит сегодня на физическом плане, мы почувствуем причину для того, чтобы на этом поле подняться над майей и искать в событиях то, что составляет их сущность. Сопоставим то, какой ненавистью, каким чувством антипатии наполнены в эти часы народы Европы. Сопоставим с этим всё то, что в отдельных областях европейских земель ощущают народы по отношению друг к другу и с тем, что они выражают устно и письменно. Поставим перед нашими душевными очами всё то, что здесь изживается в наше время как антипатия.

Как нам придти к истинному рассмотрению этих вещей? Где в этой области лежит то, что выводит за пределы майи, за пределы великого заблуждения? Мы не научимся на Земле знать друг друга, если рассматриваем друг друга так, что общечеловеческое начало представляется нам абстракцией; мы научимся узнавать друг друга только будучи в состоянии по настоящему понимать отличительные свойства людей, распространившихся по Земле, понимать в их конкретике, в том, чем они являются в отдельности, как и в обычной жизни один человек знакомиться с другим человеком не потому, что просто говорят: он человек, как и я, и он должен иметь все человеческие свойства, как и я, но благодаря тому, что отвлекаются от самого себя и рассматривают специфические отличительные свойства другого человека.

В цикле лекций о Народных Душах (том 121) показано, как то, что существует в нас как душевные члены, - душа ощущающая, душа рассудочная или характера, душа сознательная, «я» и Самодух - подразделяются на европейские нации; как каждая национальность, в сущности, представляет собой некую односторонность. Далее там говорилось, что как отдельные члены души должны взаимодействовать в нас самих, так поистине должны взаимодействовать отдельные национальности в общеевропейской Душе. Если мы посмотрим на итальянский, на испанский полуостров, то мы найдём, что там национальное изживается как душа ощущающая. Во Франции национальное изживается как душа рассудочная или душа характера. Отправившись на Британские острова, мы увидим, что национальное изживается как душа сознательная. В Средней Европе национальное изживается как «я». И если мы взглянем на Восток, то там находятся те области, где национальное изживается как Самодух, - хотя это выражение не вполне правильно, как мы это увидим после. То, что изживается так, находится в национальном. Но то, что в человеке вечно, выходит за пределы национального, это человек находит, духовно углубляясь в себя. По отношению к нему национальное является всего лишь одеждой, оболочкой, и человек поднимается тем выше, чем больше

может он пробиться к такому взгляду. Но поскольку человек живёт в физическом мире, он живет в национальной оболочке, в том, что задает конфигурацию его внешней телесности, что, в сущности задает конфигурацию некоторым отличительным свойствам, характерологическим особенностям его души.

Теперь посмотрим на взаимную антипатию, ненависть друг к другу у принадлежащих различным национальностям. Я сейчас говорю не о том, что происходит в вооруженной борьбе. Я говорю о том, что происходит в чувствах, в страстях человеческих душ. Рассмотрим одну душу: она должна готовиться к тому, чтобы быть принятой в духовный мир, через который она должна будет идти между смертью и новым рождением, мир, ведущий её к инкарнации, которая будет принадлежать совершенно иной национальности, нежели та, которую эта душа оставила. Именно на этом факте мы лучше всего, яснее всего и сильнее всего видим, как противится человек тому, что является в нём его собственным высшим «Я». Взглянем сегодня на какую-либо «национальность», на какого-либо национально чувствующего человека, который особенным образом обращает свою антипатию против тех, кто принадлежит к другой национальности, человека, который проявляет ярость по отношению к другой национальности, возможно даже в собственной стране: что означает эта ярость, эта антипатия? Она означает предчувствие: в этой национальности состоится моя следующая инкарнация, моё ближайшее воплощение! Уже в подсознании высшее «Я» связано с другой национальностью. Против этого высшего «Я» противится то, что на физическом плане запутано в национальности физического плана. Эта ярость человека направлена против его собственного высшего «Я». И там, где эта ярость сильнее всего, где по большей части ненавидят другую национальность и лгут о ней, там - для тех, кто видит вещи не как майю но в их истине, - заложены истинные причины того, что принадлежащие к одной нации, те, кто больше всего ярится по поводу другой нации, кто ведет себя наиболее ужасно, кто больше всего лжет, подвержен факту, что большая часть принадлежащих той (*ненавидящей*) нации в ближайшей инкарнации должна будет перейти в ту другую (*ненавидимую*) нацию.

В этом состоит серьезность нашего учения, его нравственное достоинство. Многие люди противятся признанию своего высшего «Я», своего вечного начала; многие, бесконечно многие. Поэтому, говоря объективно, современность столь необычно тяжка. Это своеобразное явление, весьма своеобразное явление, что перед тем, как началась эта война, весьма признанные в Англии голоса уделяли внимание немецкому характеру, немецкому усердию, и особенно немецкой духовной жизни. Примеры тому я попытался

дать в последних открытых лекциях. Эти примеры могли бы быть многократно умножены, и они должны умножаться все более. Что же это было?

Рассматриваемое с оккультной стороны, что фактически в фаустовском складе души, рассмотренном в последних открытых лекциях, фаустовском душевном характере, развиваемом в Средней Европе, заложено нечто омолаживающее,⁽⁶⁾ нечто спиритуально ищущее, нечто спиритуально подготавливаемое, нечто, к чему обратиться вся Европа, действительно обратиться; и это инстинктивно чувствовалось во время, предшествовавшее нашему. Хотели понять что-либо из того, что происходит в Средней Европе. Но, будучи облечены в национальное, связать себя с этим на рассудочном уровне можно было только в жизни между смертью и новым рождением. Только так можно было связать себя с этим на уровне понимания; так можно было отыскать путь в учителям Средней Европы. Даже неприятно говорить об этом теперь, поскольку это со стороны принадлежащих к Средней Европе выглядит как бахвальство, хвастовство; но необходимо высказать эту объективную истину. Но то, что чувствовалось столь инстинктивно, что будет отыскиваться в жизни между смертью и новым рождением, - это соединение с душами, которые были устремлены к общечеловеческому: с душой Гёте, с душой Шиллера, с душой Фихте. Предчувствовался факт, что человек, пройдя через врата смерти будет, в первую очередь отыскивать душу Гёте, душу Фихте и душу Шиллера и другие души, имевшие свою последнюю инкарнацию в Средней Европе; этому, столь инстинктивно выражаемому факту противятся в последний раз бесконечные националистические страсти.

Если мы почувствуем это сопротивление облеченное в слова, которые так часто звучат к нам с Запада и Северозапада, то на место майи, заблуждения мы поставим понятую действительность. Тогда мы поймём, как земной человек, имеющий в себе вечного человека не хочет, того, что хочет в нём этот вечный человек; как любовь, которую он должен ощущать в вечности, превращается в ненависть во времени.

Мы наилучшим образом придём к понимающей любви, к исполненному любовью пониманию, если будем давать информацию о характере европейского человечества в том смысле, который может дать нам наша духовная наука. Мы это смеем, поскольку мы постоянно говорим, обращаясь к высшему «Я» человека. И тот, кто хочет мыслить и чувствовать вместе с нами, тот признаёт это высшее «Я» и поэтому может слушать всё, что должно быть сказано о внешней оболочке: ибо он знает, что речь идет о внешней оболочке.

В некотором смысле каждому народу предназначена определенная миссия. Когда-нибудь, вступив в наше здание в Дорнахе, мы обнаружим, как в последовательности колонн, их капителей и архитравов, в их формах выражено то, что выражается в европейских импульсах. И всё же сегодня я не хочу говорить об этом, поскольку было бы хорошо, говоря об этом, иметь здание перед собой. *Это я делал там несколько дней тому назад*(7). Но если мы помимо названного, поставим перед глазами то, что оказывает впечатление на нашу душу, тогда в первую очередь мы узнаем в жителях южных полуостровов - Италии и Испании - народы, которые в своей современной миссии повторяют всё то, что в древности разыгрывалось в течение третьего послеатлантического культурного периода, в египетско-халдейской культуре. Только поняв это, мы правильным образом заглянем в душу итальянской или испанской национальности. Это можно исследовать до отдельных подробностей. Так что можно сказать: то, что представляется нам духовно, мы находим в действительности. Что же как наиболее характерное - мы уже часто говорили об этом, - происходило в египетско-халдейской эпохе? Это то, что ощущалось как великая космическая астрология! Звёзды и созвездия не рассматривали тем же образом, как рассматривают их сейчас, но видели духовных существ, которые в этих созвездиях имели своё внешнее воплощение; видели, как повсюду простирается духовное. Если это как национальная задача должно было повториться в времена после Мистерии Голгофы, то это должно было повториться, будучи углублено до душевного уровня, так, чтобы великая космическая панорама Египта и Халдеи выступила бы из души как рожденная заново. Где это проявилось более ясно, как не там, где культура итальянского полуострова достигла своей высшей точки в «Божественной комедии» Данте? Вплоть до отдельных подробностей дело тут обстояло так, как если бы рожденное из души внутренне заново восстало то, что существовало в древней египетско-халдейской культуре.

А то, что было существенным в греческой культуре, выступило во французском народе, вплоть до характера его ведущих личностей. Например, *Вольтера* можно понять правильно только тогда, если сравнить его с настоящим греком. Если рассматривать формы художественных произведений *Корнеля*, *Расина*, можно увидеть как ведется борьба за греческую форму. Это имеет большое культурно историческое значение. Борьба с внешней формой, с тем, что *Аристотель* сообщал о форме, продолжает жить в Корнеле и Расине дальше. И если мы снова ищем во французской культуре то, что задавало тон в четвертом послеатлантическом периоде как культура души рассудочной или души характера, тогда мы должны

найти как то, что величественно высказывается в этой культуре, должно было способствовать принятию в мире души рассудочной или души характера. Величайший поэт, который не мог выразить себя в той форме, должен был быть тем, кто творит из души рассудочной или души характера. Тут народ достигает величия, когда он своё несравненное выносит на поверхность. Кто во французской поэзии был непревзойдённым? Это *Мольер*! Тут французская душа достигает своей сущностной характерной высоты; тут она не может быть превзойдена. Отблеск этого ещё действует в Вольтере.

То, что не является повторением древности, но относится к пятой послеатлантической эпохе, что является как бы новообразованием этой эпохи – это британская душа. Эта пятая послеатлантическая эпоха стремится преимущественно к раскрытию души сознательной: она выявляет её. Душа сознательная особенным образом запечатлена в отличительных признаках британского народа. Отличительным свойством британской души является некое предстояние перед событиями. Уже лет четырнадцать, пятнадцать тому назад, когда я писал то, что стало первым изданием книги *«Загадки философии»*(9), мне удалось найти выражение для британских философов; тогда мне представилось: они – зрители жизни; они предстают пред ней, как душа сознательная предстает перед жизнью в качестве её зрителя. Кто же является величайшим творцом британской души, кто до глубины души выражает характерные отличительные свойства этой британской души? Это *Шекспир*! Тут британская душа неповторима в качестве зрителя.

Если же мы пойдем в Среднюю Европу, то обнаружим то, «что всегда становится и никогда не существует», как я это уже характеризовал в открытых лекциях: собственное «я», самое внутреннее у человека. Как относится оно к этим душевным членам? Оно образует своё отдельное отношение к душе ощущающей, душе рассудочной или характера и к душе сознательной; оно протягивает нити ко всем. Нечто подобное мы наблюдаем у Гёте! Мы видим как он страстно стремится в Италию, чтобы найти там то, что оплодотворяет «я» и что вбирается из души ощущающей. С душой рассудочной или характера «я» тоже обоюдно обменивается силами. Попробуем на протяжении столетий увидеть, как на деле реализуется тесная связь между «я» и душой рассудочной или характера. Обратим внимание, как ещё *Фридрих Великий*, немецкий курфюрст говорит и пишет только по французски, как он особенно ценит французскую культуру, что выявляется в его отношении к Вольтеру. Точно также мы видим как немецкий философ *Лейбниц* пишет свои труды на французском языке. Это и есть именно то, что делает «я» с душой рассудочной

или характера. Если же «я» из глубины души ищет то, сообразно чему оно стремится, тогда из глубин «я», из глубинных подоснов «я» поднимается нечто: оно пытается охватить душу сознательную. Это мы видим у Гёте. Я часто излагал, что он пытался понять как друг из друга происходят организмы; эта попытка порождалась из глубины «я». Тем не менее, это понять нелегко; человечество нуждалось в более легком понимании; ему нужно было понимать эти вещи так, как они даются из души сознательной. Человечество не приняло того, что дал Гёте, но оно приняло то же самое в интерпретации души сознательной, человечество приняло *Дарвина*. Сегодня мы ещё не настолько далеко ушли, чтобы признавать хроматику, - учение о цвете - по Гёте. Но интерпретация того же учения посредством души сознательной, которую мы находим у Ньютона, расценивается сегодня как общепринятое физическое учение.

Эти вещи показывают нам, каким образом и в какой форме противостоят друг другу отдельные национальные характеры, и мы возвышаемся над внешней майей, которой захвачен человек, до истины, если учимся духовнонаучно рассматривать эти вещи, до той истины, которая может показать нам, что как отдельные душевные силы ведут между собой войну в человеке, так же и отдельные инкорпорированные в Народных Душах душевные силы ведут войну друг с другом. Не случайно, что в наше время - когда то, что только что было сказано, выступает как учение, - выступает великая школьная наставница - война, которая говорит человечеству столь кровавым, столь страшным образом, говорит то же самое, что мы говорим людям духовно. Не случайно то, что в то время, когда мы смеем здесь обсуждать все это, вовне правит самая кровавая борьба, что, в сущности, она соответствует тем же истинам, для действительного понимания которых надо только проникнуть сквозь майю.

Чтобы говорить об этих вещах, мы должны удалить из слов все нюансы ощущений антипатии и симпатии, используя эти слова лишь как характеристику: тогда мы будем правильным образом понимать эти вещи. Ведь речь тут идет о вещах, которые «я» человека несёт в себе, поскольку оно облечено в национальность. Это мы можем проследить вплоть до отдельных подробностей. Я хочу прежде, чтобы подготовиться к тому, что нам следует понять, сказать следующее.

Возьмем тех, кто принадлежит Средней Европе, тех, кто живёт в культуре «я». В открытых лекциях я говорил: житель Средней Европы стремится к своему Богу так, что он связывается с этим Богом; он хочет совместного бытия со своим Богом. Глядя на мышление, мы можем высказать общую фразу: человек мыслит. Но

этой общей фразой «человек мыслит» сказано слишком мало, поистине мало сказано. Надо с помощью духовной науки учиться видеть точнее. Надо постепенно учиться насаждать истинное вместо того, что говорится бессмысленно. Для тех, кто не проявляется особой заботы о реальных отношениях, высказываемое так кажется правильным. Но правильно то, если говорят: «житель Средней Европы или Скандинавии мыслит» - рассматривать это «мыслит» как деятельность, ибо здесь дело идет о раскрытии мышления. В Средней Европе вплоть до северных стран дело обстоит так, что существо души мыслит. Совместное бытие души с мыслью таково, что эта мысль является изначально собственным продуктом душевной деятельности, что деятельность души состоит ни в чём ином, как «опутыванием» души мыслями.

Было бы неправильно говорить в том же самом смысле о французе. Тут мы должны сказать: он *имеет* мысли. Ибо «мыслить» и «иметь мысли» при тонком различении не есть то же самое. Пониманию вопроса может помочь то, что высказано в книге «Загадки философии». На Западе Европы человек «имеет мысли»; мысли есть нечто приходящее, то, что даётся человеку, как даются ему ощущения чувств. Так обстоит дело и с мыслями: они вступают в душу, они изживаются в ней, человек имеет их, он увлекается, опьяняется ими, он счастлив их иметь. Немца даже упрекают в том, что его мысли несут нечто холодное. Это может быть оттого, что он должен сначала образовать их в своей индивидуальной душе; они должны сначала там согреться, но они остаются теплыми только до тех пор, пока находятся в непосредственной деятельности.

Это - для подготовки. Ибо на деле: в отдельных национальных проявлениях мы повсюду воспринимаем реализацию того, что дано в положениях духовной науки, которые вы можете найти в лекциях о Народных Душах. Возьмём отдельные проявления национального характера.

Итальянский, испанский характер определяется душой ощущающей. Вплоть до отдельных подробностей вы можете это проследить в жизни. Мы повсюду находим - это, конечно не относится к жизни в высшем «Я» - душу ощущающую. Как скоро человек изживает эти страны в национальном элементе, он изживает себя в душе ощущающей. Она особенно предана всему, что является родиной, и ощущает чужих, как противоположность родине. Пытаясь понять, что, например, живёт в итальянской национальном элементе, вы найдёте, что итальянец ощущает других, не итальянцев, как чужаков, которые живут в чужом. И вся борьба, которая велась в Италии в девятнадцатом столетии, велась в полной мере за родину. Это является повторением египетско-халдейской культуры.

Теперь взглянем на жителей Западной Европы, на французский регион. Как говорилось, мы должны при этом отстранить всё, что является симпатией или антипатией! Этот регион повторяет греческую культуру. Поэтому приезжего иностранца француз ощущает так, как ощущал бы его грек: он называет его варваром. - Это повторение эллинизма! - Это можно понять, несмотря на то, что это выливается в чувство яростной антипатии. Но при этом всегда присутствуют нюансы того, как в Древней Греции говорили о человечестве не греческого происхождения.

На английский народ возложена особая забота о душе сознательной, которая изживается в материализме. Здесь надо особенно отстранить всё, что является антипатией. Культивирование материализма приводит к тому, что люди просто находятся рядом друг с другом в пространстве. В этом проявляется то, что в прежние времена не ощущалось таким образом: ощущают конкурентов. Душа сознательная ощущает другого в физическом бытии как конкурента.

А как обстоит дело у жителей Средней Европы, вплоть до Скандинавии? В другое время было бы весьма заманчиво привести всё это во всех подробностях. Что ощущает немец, когда он противостоит другому, в том случае, когда итальянец ощущает чужака, француз - варвара, англичанин - конкурента? Для этого можно найти меткое слово: для немца, тот, кто ему противостоит - враг, как это бывает, например, на дуэли, где дело может быть даже совсем не связано с какой-либо антипатией, но где борьба ведется за существование или за что-то связанное с существованием. Враг ни малейшим образом не должен быть принижен. Это снова можно было бы проследить вплоть до отдельных подробностей. Именно эта война показывает, что немец противостоит врагу как на дуэли.

Взглянем на Восток. Мы говорили о том, что на двух южных полуостровах изживается душа ощущающая, у французов - душа рассудочная или душа характера, на Британских островах - душа сознательная; в Средней Европе и далее вверх вплоть до Скандинавии национальный элемент изживается в «я», причем это дифференцируется по отдельным областям, но в целом изживается в том, что называют «я»-душой (Ich-Seele) - так это ощущается. На Востоке, как я говорил, это изживается как Самодух. Каков характер Самодуха? Он подступает к человеку, сходит на него сверху вниз. Когда-нибудь на Востоке сойдет истинный Самодух. Вещи, которые мы часто подчеркивали, истинны. Но для этого нужна подготовка. Подготовка такого рода, чтобы душа принимала, чтобы она осваивалась в принятом. Что, в сущности, сделал до сих пор русский народ иного, кроме принятия? *В нашем движении был*

переведен великий русский философ Соловьев(11). Если мы углубляемся в него, оказывается, что всё это - западноевропейская духовная жизнь, западноевропейская культура. Она выглядит несколько иначе, поскольку рождена из русской Народной Души. Но, что же парит там, в русском народе в противоположность западноевропейской культуре? Италия, Испания есть повторение третьей послеатлантической культурной эпохи, французский народ - есть повторение культуры Древней Греции. Бриты обнаруживают то, что возникло заново, но чем, совершенно несомненно человек овладевает на физическом плане. В Средней Европе «я» должно выработать нечто из самого себя. В России мы видим нечто принимающее, воспринимающее. Прежде всего, было принято Византийское христианство, которое опустилось, подобно облаку и затем распространилось; уже при *Петре Первом* была принята западноевропейская культура. Сначала материал, можно сказать, для принятия. То, что тут есть, является отражением западноевропейской культуры, а работой души является подготовка к принятию. Русское начало только тогда окажется в своём истинном элементе, если зайдет так далеко, что познает: надо воспринять то, что есть в Западной Европе примерно так, как германцы восприняли христианство, или как германцы восприняли христианство в себя, как это было у Гёте. Это должно продлиться некоторое время. И поскольку против того, что должен принять человек на Востоке, противится его физическое, то и Восток противится тому, что должно придти к нему. Должен снизойти Самодух. Однако то, что переносится туда с Запада, не есть Самодух. Но душа хранит себя от этого, она уже как бы готовит себя к тому, чтобы принять. Как же поэтому рассматривает русский другого? Как того, кто «противостоит», кто, паря, спускается на его сознание. Вот почему другой, который у итальянцев - чужак, у французов - варвар, у британцев - конкурент, у немцев - враг, тут является как еретик, язычник. Вот почему русские до сих пор вели, в сущности, только религиозные войны! Все войны тут были до сих пор только религиозными войнами. Все народы должны быть освобождены или приведены к христианству; Балканские народы и так далее. А сейчас русский крестьянин ощущает другого как «зло». Он ощущает другого как еретика, язычника; он всегда считает, что надо вести религиозную войну. Также и теперь! Эти вещи доходят до отдельных подробностей, и мы учимся их понимать, если имеем на это добрую волю. Действительно всматриваться в вещи. Мы можем также спросить: как видится нам то, что противостоит нам на Востоке?

Человек, в некотором смысле, как он поставлен в физической жизни, неправомерно противостоит своему собственному высшему

«Я». Кто живет в душе рассудочной или характера, у того особенно сильно развита фантазия, он «имеет» мысли; то, чем он кажется самому себе, в связи со своей национальностью, представляется ему как его высшее «Я». Он ощущает это как свою честь, свою славу, как то, что действительно является третьим «я», национальным «я», которое занимает место между тем, чем является он как высшее «Я» и тем, чем является он как человек национальности. Исходя отсюда, он ведет борьбу. И после смерти он должен, прежде всего, преодолеть это, если он ещё не преодолел этого посредством духовной науки. Он должен пройти через то, что в первую очередь предстает перед его душой как инспирации того, как он представляет самого себя.

А тот, кто в связи с национальностью живёт в душе сознательной? Он, прежде всего, склонен к тому, что усваивает душа сознательная в физическом мире. В мире, который простирается между смертью и новым рождением, это встает как причиняющее скорбь воспоминание.

Житель средней Европы ищет. Это осуществляется даже тогда, когда он неблагоосклонно осуждается противниками, когда говорят, что он годится только на то, чтобы пахать землю и витать в облаках. Как бы далеко он не заходил, он уже ищет здесь духовное «я». Поэтому он в некотором смысле ещё в своих стремлениях в течение земного пути пытается устранить то, что всегда приходится устранять, если человек через врата смерти вступает в духовный мир.

Кто провел свою последнюю инкарнацию в русском теле, тот, в первую очередь, переступив через порог смерти, принимает сознание Ангела, как бы входя в лоно одного из Ангелов, - если он посредством духовной науки не был подготовлен к чему-то иному, - он вживается в то, что нисходит от ближайшей ступени высших Иерархий.

На основании всего этого мы можем сказать: глядя на Запад, мы находим естественным, что западные люди, поскольку они связаны с национальным элементом, вступают в борьбу, ибо там национальное связано с тем, что составляет именно внешнюю оболочку. Вполне естественно, что возникает борьба. То, что тут правомерно, может беспрепятственно распространяться в духовном мире. То, чем человек представляется себе в его фантазии, должно быть подвержено оценке с помощью внешних средств. Это необходимо, чтобы выдвинуться вперед, чтобы иметь возможность распространиться. То, где ищут конкуренции, само собой разумеется, должно желать распространиться. Мы не считаем непонятным, что борьба была инициирована представителями души сознательной. Если мы в Средней Европе действительно ищем «я»,

мы хотим видеть, а являются ли уже свойства «я» применимыми? Я, например, уже подчёркивал, что «я» каждое утро должно вновь воспламеняться, должно возбуждаться заново. Когда мы вместе с «я» вступаем в сферу сна, то оно в ней гасится, оно не воспламенено; каждое утро при побуждении надо заново воспламенить это «я». Если я решусь заговорить об Австрии: ведь ещё в дни моей юности говорили о том, что Австрия когда-нибудь, при каких-либо обстоятельствах должна будет распасться. Мы знали нечто иное: она может иметь в себе ещё столь много центробежных сил, но она сплачивается, удерживается вместе извне, она не должна распадаться. Посмотрим на Германию. Есть ли в её окружении характер «я», в его формах? Это, всё же многозначительный факт, что на протяжении столетия Германия двигалась к объединению. Внутренне она его не создала. Благодаря внешнему напору, повторявшемуся не раз в Германии, но извне, из Франции, реализовалась сегодняшняя Германия так, как это соответствует «я»-характеру. Мир понимают только тогда, когда понимают его духовнонаучно. «Я», в сущности, не имеет тенденции наносить удары вокруг себя; так как избыточные силы физического плана переходят тогда в духовное. Это всё снова и снова подтверждает немецкая история, история Австрии, история скандинавских народов. Поэтому правильным сознанием было бы такое: немец или житель Средней Европы должен быть прежде вызван на войну, принужден к войне; сам по себе он её не начнет. Если же он ведет воню по (собственной) инициативе, тогда он делает это так, как это присуще инициативе, исходящей из «я»; такие войны носят довольно-таки внутренний характер. Так следует ощущать отношение Средней Европы к войне.

Но как для того, кто может ощутить народный характер, обстоит дело на Востоке? Самое, что ни на есть противное природе, это когда русский ведёт войну. Если он понимает, знает самого себя, ведение войны он ощущает как самое, что ни на есть противное природе. Мы на Западе, если мы даже хорошо понимаем всё русское, не смогли бы быть толстовцами. Но для русского противоестественно вести войну. Война должна быть сначала навязана ему, ибо она есть нечто противоестественное для глубочайшего народного характера. Русский относится к войне как к религиозной войне, как к чему-то такому, что приходит извне. Ему невозможно объяснить приемлемость войны; он гораздо охотнее хотел бы молитвенно умиловить, то, что должно подступить к нему. Вот почему, само собой разумеется, что не следует искать мотивы к войне в самом внутреннем русском народном характере, но только в том, что, как таковое, навязано русскому извне. И более, чем где-либо в данном случае следует сказать: там не народ

делает войну, - народ причастен лишь внешне и только в соответствии со своей верой, - но это то, против чего народ по большей части обращается. В России война всегда есть в наихудшем смысле мая, заблуждение. По этой причине можно ясно и точно сказать, - что я выдвинул в открытых лекциях в качестве вопроса, - кто мог бы предотвратить войну? - если вообще есть желание говорить о том, что войну можно было предотвратить. Для французов война 1871 года была естественна, и говорить о том, что они могли бы предотвратить её, было бы неестественно. Кому навязывают конкурентную борьбу, тот, само собой разумеется, не имеет права (просто) возмущаться, если где-то нарушается нейтралитет и возмущение в этом случае переадресовывается национальному элементу; но, само собой разумеется, он должен вести войну. Это не делает его беднее. Тут войну можно было бы столь же мало игнорировать, как и в том случае, если бы, интерпретируя природу живого существа, исходя из элемента души сознательной, надо было бы найти другое слово, нежели «я»-позиция», «то, что исходит из «я», а стали бы говорить о «борьбе за существование». (автор сравнивает английский и немецкий взгляд на войну - примечание перевод.) Гёте не создал этого словосочетания, - борьба за существование, - поскольку с «я»-позиции оно неприменимо. Но там, где речь идет о том, что война есть нечто неистинное, что она сначала должна быть перетолкована в религиозную войну, - тут необходимо сказать, что эта война, поскольку она пришла извне, могла бы быть также извне заторможена. Если заглядывать в те глубины, куда можно заглянуть, - само собой, война стала необходимостью, но дело в другом, - надо сказать: истина состоит в том, что Россия могла бы остаться зрителем, и война могла бы быть остановлена. Если бы Россия осталась зрителем, можно было бы воспрепятствовать войне. Ибо в России война вращивалась на таком народном характере, для которого она была, в сущности, совершенно противоестественной. Говоря о таких вещах, мы берем из духовного мира, выводим их оттуда; но они всегда могут быть проверены, могут найти подтверждение во внешнем мире, и то, что было открыто из духовного, подтверждается во внешнем мире. Мы могли бы сказать: для русского национального характера было бы естественным жестом, молитвенно ожидать того, что должно к нему прийти. Весьма своеобразно, что русские интеллектуалы, - я уже указывал на это, - ожидали, а также ощущали, что к ним должно подойти нечто грядущее, нечто из будущего. Хотя это ещё дело очень далекого будущего, то, что должно подойти, подступить к ним; и мы видели, как отрицается то, что должно быть воспринято сейчас. Возможно, это более, чем внешний символ, то, что в то время как

теперь происходит борьба на Чёрном море, русский всегда смотрит туда, вниз, чтобы как бы увидеть воплощение того, что он должен ожидать на духовном уровне, ожидать духовно, указывая на Святую Софию (*на храм Хагия София* - прим. перев.). Мережковский рассказывает о двух путешествиях, которые он проделал к (храму) Святой Софии. В (храме) Святой Софии он как бы ощутил внешний символ того, что было незнакомо его чувствам, но чего он ожидал, и что он назвал христианством, приближающемся к русским. Он понял бы это правильно, если бы знал о том, что русские должны охватить христианство, прошедшее через натуру Фауста. Но этого он ещё не знал. Он верит, что это христианство он имеет перед собой в храме Хагия София. Какую позицию занимает он по отношению к христианству? Если мы посмотрим на то, о чём говорит Соловьев, то это нечто такое, про что можно сказать: он до некоторой степени это понимает. Ибо когда ему создавали затруднения из Петербурга и от Священного Синода, он считал так: да, так происходит с человеком, если с трудом вникают в то, что он хочет сказать. Один обвиняет меня в либеральном западноевропейском атеизме, другой - как православного ортодокса, еще другой даже видит во мне иезуита. - Он делает вывод, говоря: да, человек может стать кем угодно, если судить о нём будут эти негодяи из Петербурга! - Это не мои слова, но слова одного доброго русского человека, русского, на примере которого можно увидеть как это нелегко, - безоговорочно отбросить чувства симпатии или антипатии. Мы говорили: это мир, исполненный ожидающего настроения, что естественно для того, что должно придти, что не должно воевать мечами и пушками. Вот почему панславизм ложен. Если он предоставлен самому себе, то Мережковский предаётся тому, что он чувствовал, находясь в Хагия Софии, храме Святой Софии. Только он перепутал с западноевропейским христианством то христианство, которое должно пройти через фаустовское стремление. Но как он говорит об этом?

Я попытался вывести точную формулу того, что ощущают отдельные народы по отношению к войне и говорил: русский верит, что воевать надо за религию, англичанин - ради конкуренции, француз - ради славы, итальянец и испанец - за родину, немец ведёт борьбу за существование. Мы могли бы сказать: Италия хочет сохранить родину, Франция воспринимает своё собственное представление о славе как национальный идеал, англичанин торгует; немец стремится; русский молится - и это естественно. Я не имею в виду внешнюю молитву, но сердечный настрой. *Что говорит Мережковский в конце книги, которую я приводил вчера?*
(12)

«Святая София, ясная и грустная, полная янтарным светом последней тайны, поддержала мою падающую, испуганную душу. Я смотрел на свод, подобный небесному своду, и думал: ведь вот есть же она, человеческими руками созданная, она — человеческое приближение к Троициному Богу на земле. Это было — и будет больше этого. Как не придут к Отцу-миру истинно верующие в Сына? Как не придут к Сыну любящие мир, который и Отец так возлюбил, что Сына отдал за него? А они душу свою кладут за него и за друзей своих. У них есть уже Сын, если есть любовь. Они только имени не знают.»

Они не имеют общей связи! И затем он заключает:

«И мне хотелось молиться за всех, молиться в этом, до срока языческом, но единственном храме будущего о даровании моему народу истинной, побеждающей силы: сознательной веры в Бога триединого».

Итак, здесь перед вами молитва! Здесь перед вами вся противоестественность борьбы, которая ведется с Востока на Запад!

Если мы пытаемся придти к внутреннему пониманию того, что теперь выступает нам навстречу, если мы пытаемся выбраться из майи и подступить к истине, тогда мы должны сказать себе, что мы развиваем не абстрактную антропософию, которая страшится познания. Ибо это называется - иметь страх перед познанием, если некто, *вследствие нашего первого (уставного) положения(13)* стал бы отступать перед тем, чтобы познать народный характер в его истинных основах. Этот характер мы исследуем именно тогда, если сближаемся с человеком, каков он есть и действительно хотим заглянуть ему в душу. Затем мы говорим также о непреходящем в человеке, мы ищем то, что поднимается над национальным, что идет к вечному, и находим чувства и ощущения, которые могут в человеке направить к вечному. Затем мы находим возможность добавить то, что должно быть добавлено. Ибо, представьте себе, разве человеческое благо и человеческий прогресс не пострадают, если должно будет сохраниться то настроение, которое охватывает теперь все европейские народы? Тем более, что это настроение порождено исключительно майей! С точки зрения необходимости, состоящей в том, чтобы люди снова научились понимать, что продолжение того, что уже в некотором смысле, зародилось в Средней Европе, требует, чтобы эта атмосфера, в которой мы живём - эта духовная атмосфера, в которую сегодня внесена столь страшная сумятица, - должна иметь и другие элементы, кроме тех, которые вносят сумятицу. Мы не можем не ощущать этого, если мы причастны духовной жизни. Оккультист может испытывать многое. Но столь многое, столь потрясающее и проникновенное не испытывалось никогда, как в эти три месяца.

Как часто я подчеркивал оккультную истину, что вещи, которые в физическом мире являются такими, в духовном мире обнаруживают противоположный характер. Некоторые наши друзья помнят, как часто я говорил о том, что война продолжается в духовном воздухе, и может быть сдержана только благодаря тому, что и в физической жизни означает духовный импульс: это страх. Сила страха сдерживали войну, пока она была астральной. Страх удерживал её, чтобы она не разразилась раньше. Внешним образом война произошла из-за покушения в Сараево. Это тоже имеет свою исполненную значения сторону. Это самое потрясающее. И поскольку мы собрались здесь вместе между собой, возможно высказывать такие вещи. *Индивидуальность, которая тогда была убита(13)* и затем прошла через врата смерти, выглядела после этого ни так, как видел я её самое прежде, ни так, - как я слышал, - её описывали другие. Я приводил различные описания того, как выглядят души, прошедшие через врата смерти. Но эта душа обнаруживала нечто достойное внимания. Она была подобна центру кристаллизации, вокруг которого - до того как разразилась война - кристаллизировалось всё то, что было элементом страха. После этого она обнаруживала нечто совершенно иное. Если до этого она была некой великой космической силой, которая притягивала весь страх, то после, то есть теперь она стала чем-то противоположным. Страх, который правил здесь на физическом плане, сдерживал всё. Но после того как эта душа поднялась на духовный план, она стала действовать противоположным образом и принесла войну.

При переживании этих вещей душа испытывает потрясение. Есть много вещей, находящихся сейчас в волнообразном подъеме и опускании тех астральных импульсов, которые из душ людей поднимаются в духовный мир. И я смею сказать вам: ничего подобного, как в эти последние месяцы, я не переживал прежде; это нечто, приводящее душу в страшное волнение. Но из этого можно сделать вывод о том, что разыгрывается там, в духовной атмосфере. И если должно будет придти то, что должно придти в духовной атмосфере, это должно войти в те мысли, которые могут придти только от тех душ, которые поняли духовный мир. Столь интенсивно и пылко как только можно, пусть будут ваши души молиться, чтобы охватить мысли, которые мы пытаемся возбудить посредством таких рассматриваний, как нынешнее, или как то, которым мы занимались в последний раз. Они происходят из духовного познания, и посылают их вверх, в духовный мир, могут лишь те души, которые освоили духовную науку. Ибо во время войны и сразу же после неё, души будут нуждаться в таких мыслях. Ведь мысли - это реальность! Хотелось бы послать свои самые горячие молитвы в духовный мир,

чтобы то, что произойдет из этой воны и после неё, не попали под иное покровительство, как только покровительство тех мыслей, которые проистекают не из человеческой майи, а из истины и спиритуальной действительности. Чем больше таких мыслей вы будете посылать вверх в духовный мир, тем больше сделаете вы для того, что должно возникнуть из этой мировой борьбы, тем больше вы сделаете для того, что необходимо всей эволюции человечества.

На этой молитве мне хотелось бы закончить то, что я хотел донести до ваших душ посредством данного рассмотрения. И если то, что мы рассматривали, действительно перешло в наши души, если наши души, как души, живущие теперь в духовной науке, направят вверх в духовный мир то, что умиротворяет людей, тогда наша духовная наука пройдет проверку на прочность в наше судьбоносное время! Тогда она пройдет проверку на прочность, тогда мужество наших бойцов там, вовне, будет не напрасным, и не напрасно будет литься кровь в сражениях! Тогда не напрасны будут в мире страдания и страдающие, не напрасны те жертвенные деяния, которые совершаются. Тогда из наших, несущих тяжелую судьбу дней будет взрастать духовный плод, тем больший, насколько люди окажутся в состоянии посылать верх в духовный мир вышеуказанные мысли.

Я выразительно отмечу, что те слова, которые я сейчас скажу, являются семиричными, и представляют собой род мантры, причем следует заметить, что в последней строке «направляют души» надо читать: «если души направят».

Об этом я хотел поговорить, чтобы эти события, говорящие о действительности, обратили нас к истинному свету благодаря тому, что мы от майи поднимаемся к истинной действительности. О, души будут обретать себя, те души, которые смогут увидеть и понять нашу современность. Души будут обретать себя, если это обретение состоится в смысле учения Кришны(14) о воюющих душах. И если действительно окажется возможным, чтобы, испытав себя в наше, несущее тяжкую судьбу время, души, прошедшие через духовную науку, были в состоянии посылать вверх в духовный мир духовно плодотворные мысли, истинный плод возникнет из того, что происходит в такой тяжкой борьбе и с такими жестокими жертвами. Вот почему я могу, завершить то, что я сегодня хотел сказать вашим душам, тем, что я с такой охотой увидел бы как сознание, как внутреннее сознание тех душ, которые прошли через духовную науку:

Из мужества бойцов,
Из крови павших,
Из страданий оставленных,

Из жертвенных дел народа,
Взрастёт духовный плод -
Если, сознавая Дух,
Души направят свои чувства
В царство Духа.

ТРЕТЬЯ ЛЕКЦИЯ **Берлин 28 ноября 1914**

В этот раз наши первые мысли должны быть снова направлены к тем духам-защитникам, которые охраняют тех, кто сражается на полях, где разыгрываются события нашего времени; мы направляем их к духам-защитникам тех, кто был с нами в нашем движении, но сейчас находится вне нас, и всей своей жизнью, всем своим физическим бытием участвует в том, что требует от него время:

Духи ваших душ, деящие стражи
Ваши крылья могут донести
Наших душ молящую любовь
Вашей защите доверенным
Людям Земли,
Чтобы соединяясь с вашей мощью
Наша просьба, помогая, сияла
Душам, которых она, любя, ищет

А для тех, кто вследствие этих событий уже прошел через врата смерти, мы говорим:

Духи ваших душ, деящие стражи
Ваши крылья могут донести
Наших душ молящую любовь
Вашей защите доверенным
Людям сфер,
Чтобы соединяясь с вашей мощью
Наша просьба, помогая, сияла
Душам, которых она, любя, ищет.

И Дух, Которого мы ищем посредством нашего движения, Которого мы искали многие годы, собираясь вместе, пусть правит над вами, пусть простирает над вами свои крылья, чтобы вы смогли завершить задачи в соответствии со своей кармой!

Мои дорогие друзья, я не знаю, как много из наших друзей ощутили то, что *в наши нынешние дни в открытых лекциях, как это было вчера и позавчера* - и особенно *смысле учения Кришны* (14)- говорить стало ещё труднее, чем обычно, поскольку то, что должно было быть сказано, очень легко могло оказаться непонятым, понятым неправильно. Если мы участвуем в нашем движении всем сердцем и чувством, мы должны все больше вносить в глубину души то слово, о котором я также и в последний раз, говоря здесь, давал подобные намеку указания; это слово о том, что, в сущности, вся внешняя жизнь, жизнь физического плана, - не сама по себе, - а как она обычно выступает навстречу человеку - есть майя, своего рода фантасмагория, что истина, действительность стоит только за ней. Мы должны уяснить себе, что истину о майе мы должны принять не только посредством теории, или вообще посредством нашего рассудка, нет, эта истина должна быть постигнута посредством всех наших душевных сил, посредством всей нашей душевной жизни, и, в первую очередь импульсами наших чувств и ощущений. Ибо, как наш рассудок, направленный на чувственное, находит непонятым, что этот, окружающий нас мир оказывается нереален, недействителен, так в ещё большей степени непостижимой оказывается эта истина для наших чувств и волевых импульсов. Вживаясь в духовную науку надо не только учиться думать иначе, надо учиться чувствовать иначе и иначе спускаться к источникам своей воли.

Легко может случиться, как это случилось вчера, - поскольку трудно бывает вполне адекватно выразить те вещи, так как речь не приспособлена для отношений духовного мира, - легко могло случиться, например, вчера, что сказанное было понято так, будто характеристика той или иной Народной Души подпала в большей или меньшей степени чувству симпатии или антипатии; в наше время, когда кругом само время порождает так много симпатий и антипатий, говорящих в человеческом мышлении и чувстве. Тем не менее, если духовная наука говорит, исходя из правильного образа мыслей, уже пора поверить, что эти вещи, даже если они должны быть остро охарактеризованы, как, например, характер Народной Души, не должны быть высказаны с симпатией или антипатией в обычном смысле слова. Если они высказываются с симпатией или антипатией, они как раз не могут быть истинными, тогда они становятся неистинными, они должны стать фальшивыми, ложными. Но почему?

Как легко верят в то, что человек, посредством соответствующего развития пытающийся возвысить свою душу до созерцания духовных миров, к объективному созерцанию этих духовных миров, может стать внутренне черствым, сухим в отношении чувства и воли. Таким он поистине не становится. Человек, который оказался бы высушенным в отношении своей жизни чувств и воли, в отношении тех импульсов, которые в ином случае проявлялись бы в мире человеческого чувства, ощущения, в мире страстей, такой человек, будучи прежде иссушенным внутренним огнем, наверняка не смог бы подняться к объективному созерцанию духовного мира. Напротив: должно быть сплочено, соединено вместе во внутренней жизни чувства, во внутренней жизни воли, должно находиться в наиболее возможной готовности. Но оно должно претерпеть преобразование в душе; оно не должно оставаться таким, каково он в обычной жизни. Оно должно быть сначала преобразовано так, чтобы человек посредством импульсов этой жизни чувств и воли получил нечто подобное новому перестроению мира его чувств и воли. Именно благодаря этому может развиваться то, что может быть названо внутренним глазом, внутренним ухом. Тот, кто ищет духовного мира, не может стать внутренне высушенным человеком. Однако тогда, когда духовный мир становится видимым, когда благодаря всей внутренней силе, внутреннему борению, подходят к этому духовному миру, тогда он, как духовный мир представляется так, что может, например, вызвать в нас симпатию и антипатию. Однако духовный мир характеризует себя так, что возникающих симпатий и антипатий в нём изживается столь же мало, как мало живет в розе от симпатии, которая возникает, если мы на неё смотрим. Мы можем благодаря ей ощущать симпатию и антипатию, но она остается при своей объективности, и мы, желая охватить её в её сущности, можем лишь характеризовать её. У того, кто, в некотором смысле вынужден характеризовать духовный мир, в каждом отдельном случае проявляется невозможность говорить из симпатии или антипатии.

Вчера была сделана попытка характеризовать итальянскую, французскую, британскую, немецкую Народную Душу. Несомненно, что среди слушателей были такие, кто посчитал, что тут говорит не объективная характеристика, но симпатия или антипатия. Но если бы говорили симпатия и антипатия, то сама характеристика должна была бы быть фальшивой, ложной, она, ни в коем случае не была бы надежной. Вы на примере этого отдельного случая понять, если я скажу следующее. Вы все знаете, является не только тем существом, как он предстает перед вами, когда вы наблюдаете его «дневными глазами». Так как он в соответствие со своей сущностью, живет в своём физическом теле, то он становится видимым для нас

посредством этого физического тела. Но то существо, которое по определенным, известным вам причинам в обычной земной жизни не осознается, это существо, живущее, в сущности, внутри «я» и астрального тела, от засыпания до пробуждения живёт совершенно обособленно от физического тела и эфирного тела. У духовного исследователя дело обстоит так, что он приходит к результатам своих исследований благодаря тому, что он высветляет в себе то, что в ином случае остается неосознанным между засыпанием и пробуждением. Вследствие этого он, - посредством внутреннего переживания, - переживает то, что в ином случае оставалось бы сокрытым за внешними впечатлениями мира, оставалось бы сокрытым за фантазмагорией мира.

Вчера в открытой лекции было сказано, что Народный Дух, Народная Душа живет в теле человека. Сегодня я могу сказать: Народная Душа особенным образом живёт в эфирном теле человека, в котором мы находимся от пробуждения до засыпания. При пробуждении мы при нашем погружении в тело как бы ныряем в Народную Душу. Во время сна мы не находимся в Народной Душе, но только от пробуждения до засыпания.

Возникает вопрос: если духовный исследователь внутренне оживляет и освещает именно то, что не живёт в физическом теле, как обстоит тогда дело с его отделенной от тела жизнью в Народной Душе? Когда мы погружаемся в тело, Народная Душа действует разделяющим образом, разделяет. Тут духовный исследователь не может жить в Народной Душе, если он сознательно переживает то, что человек переживает во сне. Своеобразие состоит в том, что для каждого времени для всякой современности имеется известное, можно сказать, правящее число Народных Душ, и форма, в которой эти Народные Души относятся друг к другу, в целом определяет общую земную жизнь человечества, насколько она протекает физически. Когда человек погружается в физическое тело, он, тем самым, погружается и в Народную Душу. Когда он выходит из своего физического тела наружу и имеет сознательные переживания вне этого тела, тогда он, - помимо всяких иных переживаний, испытываемых им, - он точно также погружается, но теперь уже не в собственную Народную Душу, но в другие Народные Души за исключением собственной, той, в которой он живёт в течение дневной жизни в физическом теле. Воспримите всю весомость того, что я сейчас говорю вам. То, что при засыпании мы погружаемся не в отдельную Народную Душу, но погружаемся во взаимодействие, как бы в хоровод, вереницу других Народных Душ, единственно только в этом хороводе не участвует та Народная Душа, в которую мы погружаемся, входя в наше физическое тело. При своём исследовании духовный исследователь фактически

переживает с другими Народными Душами, - лишь в их взаимодействии, - то же самое, что в ином случае переживают на физическом плане в отношении к отдельной Народной Душе, принадлежащей народу, в котором человек обычно состоит.

Но я спрошу вас: если духовный исследователь фактически знает, что человек живёт не только в собственной Народной Душе, но живёт и в других Народных Душах, если он должен испытать это, то есть ли у него особая причина описывать собственную Народную Душу с иной объективностью, нежели другие Народные Души? Причины нет. В этом заложена возможность подняться над предвзятостью симпатии и антипатии и описывать объективно. Само собой разумеется, что не только духовный исследователь, который испытывает это осознанно, испытывает то, что и все люди, но каждая человеческая душа от засыпания до пробуждения живёт во всех Народных Душах, в их взаимной деятельности, за исключением той Народной Души, в которой душа живёт в течение дневного бодрствования. Вот то, что даёт нам духовная наука, для того чтобы действительно расширить горизонт нашего чувства и ощущения. Часто мы говорим о том, что духовная наука усваивается посредством рода познания, которое она даёт, что она даёт любовь без различия народа, расы, социального положения, и так далее. Это положение глубоко обосновано; ведь тот, кто видит, что если он частично воспринимает себя как духовного человека в себе, не может замыкаться в ненависти и антипатии по отношению к человечеству. Он должен сказать себе: ведь это, в сущности, бессмыслица - ничего не любить! Но чтобы сказать: ведь это бессмысленно - не любить, он должен охватить духовную науку как жизнь, а не просто как знание. Поэтому мы развиваем эту духовную науку не как чистое знание, но развиваем её так, чтобы она в многолетней совместной жизни в наших ветвях действительно стала единой с нами как духовная пища, которую мы принимаем и перерабатываем в себе.

Я говорил: обычно человек от засыпания до пробуждения живёт в согласованной игре, в гармонии Народных Душ, иных, нежели та, которая является именно его Народной Душой. Так происходит обычно. Но есть средство, чтобы некоторым образом односторонне жить в одной или в другой Народной Душе. Есть одно средство, которое принуждает человека в состоянии между засыпанием и пробуждением жить не со всей гармонической игрой, не со всем хороводом других Народных Душ, но в большей или меньшей степени быть связанным совместной жизнью с одной или другими Народными Душами, выделенными из целого совместного бытия всех Народных Душ. Такое средство есть, и оно состоит в том, что мы одну или большее число Народных Душ - народов - особенно

ненавидим. Эта ненависть, которую мы питаем, даёт особую силу, заставляющую нас в нашем состоянии сна жить с той Народной Душой, которую мы ненавидим больше всего, или которую мы вообще ненавидим. Итак, нельзя подготовить себя лучше к тому, чтобы в бессознательном состоянии между засыпанием и пробуждением полностью войти в одну Народную Душу и быть вынужденным жить с ней как с той, с которой человек живёт в физическом теле, нежели посредством того, что этот человек ненавидит её, но ненавидит честно, с чувством, а не только внушает себе, что он ненавидит.

Если высказываются такие вещи, можно заметить, насколько глубоко и серьёзно надо принимать истину о майе. Ибо не только наш рассудок, сконструированный однажды, не желает признавать того, что вещи в их глубине являются иными, нежели в их внешней фантазмагии, но и наше чувство, наша воля восстают против того, что является истинным для духовного мира. Если человек принимает такие истины, как о жизни в других Народных Душах и особенно в тех, которые ненавидят, тогда он должен будет сказать себе, что большое число людей отклоняют от себя духовные истины не только по той причине, что не могут их постигнуть рассудком, но потому, что вообще не желают иметь с ними дело, ибо они им мешают иметь те ощущения, которым предаётся обычный земной человек. Как скоро человек глубже и серьёзнее входит в истины духовного мира, они оказываются для него неудобными, они оказываются совсем не тем, что любит человек, желающий жить исключительно в физическом мире. Эти истины неудобны. Они потрясают, ошеломляют нас и, чем глубже они являются, каждое мгновение требуют от нас, что мы должны стать иными, нежели какими мы являемся обычно на физическом плане. И то, что они как некий живой внутренний мир требуют от нас чего-то иного, когда мы находимся на физическом плане, и является по большей части причиной, почему люди отстраняют духовные истины. Мы не можем ничего иного, как поддерживать связь не только с одной частью мира или человечества, нет, мы должны быть связаны со всем миром и со всем человечеством. Наше физическое бытие означает, в сущности, лишь откачку маятника в одну сторону; откачка в другую сторону во многих отношениях является чем-то противоположным. Однако в обычной жизни человек этого не знает. Можно сказать, это становится серьёзным, лишь, когда человек приступает к более глубоким истинам духовной жизни. Эти более глубокие истины духовной жизни могут стать, в высшей степени директивными, направляющими в смысле того, что именно в наше время требует от нас человеческая эволюция, прогресс человечества. Позвольте нам привести пример из духовного

исследования, который может быть особенно важным для современности.

Вы с легкостью признаете, что если вещи таковы, как я только что говорил о них, если при погружении в физическое тело и эфирное тело мы переживаем совместно с тем, что в обычном смысле называют Народным Духом, Народной Душой, то такое сопереживание судьбы отдельного Народного Духа принадлежит к тем переживаниям после смерти, которые мы постепенно стираем. Часто говорилось про многие вещи, которые человек стирает после смерти; однако к этим вещам относится и бытие, связанное с Народным Духом. Народный Дух действует в прогрессивном развитии Земли, он действует в том, как поступательно развивается человечество на Земле от поколения к поколению. После смерти, между смертью и новым рождением мы должны высвободиться из Народного Духа также, как высвобождаемся мы от остального. Это имеет значение в случае героической смерти, например, смерти на поле битвы, это ощущается. Кто правильно чувствует эту смерть, - а её чувствуют весьма правильно те, кто проходит через эту смерть с правильным образом мыслей, - тот знает, что такая смерть - есть смерть по любви, что он страдает не ради личного, не ради того, что он может удерживать во время между смертью и новым рождением; но он страдает ради Народной Души, когда самоотверженно отдаёт физическое тело и эфирное тело. Нельзя представлять себе смерть на поле битвы, не зная о том, что такая смерть пронизана истинной, наиболее внутренней любовью, она является поддержкой для людей в том, что вносит вклад на благо человечества в будущем. Такая смерть на поле битвы становится особенно великой, значительной и несравненной, если она переживается посредством правильного образа мыслей. Она немислима без связи с любовью.

Однако, между смертью и новым рождением мы должны стереть связь с отдельным Народным Духом. Это должно отпасть от нас. Мы должны войти в регион, где мы не живём в отдельным Народным Духом как таковым. Но в любом случае, дело обстоит не так, что мы можем непосредственно перейти в других Народных Духов. Это происходит в случае между засыпанием и пробуждением. Мы вообще должны стать свободны от чисто земного, должны вступить в жизнь, которая освобождается от того, что реализуется в развитии человечества на Земле. Следовательно, мы должны также освободиться от всего того, что связывает нас с Народными Духами. И это опять-таки то, что, будучи усвоенным как познание, расширяет, увеличивает горизонт наших ощущений, позволяет нам взглянуть на нечто другое, чего мы ищем, на то, чего нет вокруг нас, если мы живём, будучи ограничены горизонтом физического бытия.

В сознании этих Народных Духов, - это вы можете взять из вчерашней характеристики отдельных Народных Духов, - заложено то, что один имеет более склонности к индивидуальности человека, к тому, чем является человек как индивидуальность, другой же менее склонен к этому. Я сравнивал это с тем, что один человек больше вглядывается в свой внутренний мир, другой же в большей степени живёт во внешнем мире. У Народных Духов дело обстоит так, что один занят с отдельной человеческой индивидуальностью больше, а другой - меньше. Это опять-таки обуславливает, если мы принадлежим одному или другому Народному Духу, обуславливает нашу связь с ним, то, что этот Народный Дух особенно внедрен в наше эфирное тело, то, что он там подготавливает. Вот почему имеется некоторая разница в том отстранении, посредством которого после смерти мы освобождаемся от того, что делает в нас Народный Дух.

Например, мы имеем дело с французским Народным Духом. Это Народный Дух, чьи инспирации связаны с высокоразвитой культурой, с культурой, которая мыслима лишь постольку, поскольку этот Народный Дух оглядывается назад на древнюю Грецию, на эллинизм, как я уже сообщал об этом. Этот Народный Дух так работает над человеком, принадлежащем данному народу, - это именно в природе тех Народных Духов, которые соответствуют высокоразвитым культурам, - что в эфирном теле человека возникает глубокий оттиск, что печать Народного Духа четко отпечатывается в эфирном теле. Это связано с тем, на что я обращал внимание вчера, с тем, что француз зависит от того образа, который он составляет себе о самом себе. Ибо вследствие того, что под действием Народного Духа в эфирном теле возникает отпечаток, существуют четкие следы, отпечатки в эфирном теле и даже в астральном теле человек, когда душа оставляет тело во время смерти. Если человек принадлежит такому народу как французский, душа выходит из физического бытия с четкими оттисками в астральном теле, с четко оттиснутым астральным телом. Следствием отсюда является то, что человеку приходится много работать, чтобы стереть то, что после смерти осталось от Народного Духа.

Сравним такое стирание природы Народного Духа, как происходящее у французского народа, с тем, что, например, обусловлено русской Народной Душой; в последнем случае мы имеем нечто противоположное. Русская Народная Душа является как бы юной, и Она меньше занята теми человеческими индивидуальностями, которые Ей доверены. Поэтому эти человеческие индивидуальности, проходя через врата смерти, в отношении своих эфирного и астрального тел мало прочеканены,

«проштампованы» со стороны русской Народной Души. Если мы видим всю ситуацию в духовном мире, мы находим, глядя на души, проходящие через врата смерти, что души французского народа встречаются нам с четко проштампованными эфирными телами и также четко проштампованными астральными телами. Напротив, русские души мы обнаруживаем с эфирными и астральными телами, которые мало проштампованы, прочеканены Народным Духом. Следствием отсюда является то, что эти различные души могут быть по-разному использованы теми ведущими Духами, которые должны продвигать вперед человеческую эволюцию.

Наше время таково, что действительно нельзя продвинуться вперед, если человечеству не будет открыта известная сумма спиритуальных истин. Ведь уже часто сообщалось, сообщалось до известной степени, говорилось о том, что в некоторый период времени в нашем столетии в духовном мире человеку будет открываться откровение Христа. Но мы можем принять это так, что скажем: спиритуальное должно придти в мир. Это спиритуальное, то, которое должно войти в эволюцию человечества, сначала завоевали духи в сверхчувственной сфере; в этой сверхчувственной сфере ещё более высокие духи, духи более высоких иерархий боролись за проникновение спиритуального течения в человеческую эволюцию. Но в своей борьбе они в качестве вспомогательных сил брали на службу то, что приходит от людей, проходящих через врата смерти. Человек в жизни между смертью и новым рождением всегда работает и действует над тем, что происходит в мире. И поскольку люди сформированы по-разному, то и воздействуют они совершенно различно, в зависимости от того, например, пришли ли они из французского или из русского тела. Вот почему Духи различных высших Иерархий могут различным образом ставить себе на службу эти души.

То, что предстоит в эволюции человечества в любом случае связано с тем, что в настоящее время в духовном мире ведется мощная борьба. Только борьба в духовном мире означает нечто иное, нежели борьба в физическом мире. Борьба в духовном мире означает взаимодействие ради создания чего-то плодотворного. Эта борьба является необходимой для эволюции человечества; короче, это борьба, которая к чему-то ведет. При этом некоторые Духи высших Иерархий прекращают борьбу, перестают бороться. Они перестают бороться, ставя себе на службу души, приходящие с Востока и более юные, и души, приходящие с Запада. Эта борьба продлится ещё долго, борьба русских душ, прошедших через врата смерти и французских душ, прошедших через врата смерти; война духовной России против духовной Франции. Это страшная война, если использовать слова физического плана. Тот, кто сегодня

направляет взгляд в духовный мир, тот видит эту борьбу духовной России против духовной Франции, которой наполнен духовный мир. Это потрясающая борьба!

Теперь, предпослав вышесказанное, посмотрим на то, что происходит на физическом плане: тут заключается союз. Это отражение борьбы в духовном мире. Эти вещи относятся к трудностям, с которыми приходится иметь дело духовному исследователю. Только не считайте, что все это можно генерализировать, придать всему этому всеобщий характер, когда говорят: можно с легкостью выводить духовные истины, если мыслить всё наоборот, мыслить как противоположное вещам, происходящим на физическом плане. Можно придти к наиболее ложным, глупейшим выводам, если желают использовать это как (общее) правило. Ибо среди ста случаев в пяти это может быть так, а в девяноста пяти - не так. Все духовные истины носят индивидуальный характер и всегда должны рассматриваться индивидуально; они не могут быть открыты посредством чистой диалектики. Но истина, высказанная мною сегодня, относится к тем, которые сегодня особенно потрясают, ибо она снова может обратить наше внимание на то, насколько иначе построен мир, если мы глядим за покров майи, и как то, что является внешним человеческим действием, может оказаться противоположностью по отношению к тому, что, как духовное, является реальностью.

Если мы рассматриваем вещи так, то совершенно невозможно, чтобы при рассмотрении происходящего вовне, не изменились наши чувства. Ведь мы приходим к понятию, насколько во внешних процессах необходимо различие, чтобы увидеть истинное. Как какие-нибудь образы облаков, выглядящие неясно, если мы видим их издали, вблизи представляют собой нечто совсем другое, так выглядят в действительности и международные события. И посередине, я мог бы сказать, между борющимися партиями на Востоке и на Западе духовно находится немецкий регион, необходимый, чтобы сообщаться с обоими сторонами, действительно общаться с обоими сторонами, что он и делает. И в то время как между обоими сторонами происходит общение в духе, в физическом мире мы видим, как обе стороны наносят удары друг другу.

В некотором смысле то, что сейчас переживается, связано с глубочайшими импульсами эволюции человечества в наше время. Я часто говорил: почему, в сущности, мы развиваем антропософию? Мы развиваем её потому, что она является мировой задачей, требованием, которое предъявлено человечеству из духовного мира. Некоторое число имагинаций должно быть сообщено человечеству; люди должны в течение ближайшего времени воспринять некое число духовных истин. Так, я бы сказал, предначертано в ходе

эволюции человечества. Это, конечно, противоречит, действительно противоречит, спорит с тем, что человек только постепенно должен созревать, и это происходит долго. Но имажинации хотят войти в эволюцию человечества. В эволюцию человечества хочет войти, я бы сказал, некая часть, лежащая выше физического плана. Люди сегодня ещё отклоняют это, отклоняют в самом широком смысле. Поэтому является противоположностью. И противоположностью имажинаций являются страсти, извержения чувств, исходящих из глубины человеческой природы, которые так же глубоко лежат под физическим планом, как имажинации лежат над ним. Если сегодня мы, встречая людей, видим в них ненависть, настоящую ложь, чем являются эти ненависть и ложь? Это отражение имажинаций, стремящихся излиться наружу, имажинаций, которые выходят в такой форме, поскольку люди противятся им. То, что лежит на известном расстоянии над физическим планом, выходит наружу как продукт своего преобразования, как то, что на таком же расстоянии лежит под физическим планом; оно должно высвободиться. Мы можем найти, что даже происходящее таким безрадостным образом имеет обоснование в общечеловеческой карме.

Почему должно происходить так, что люди именно сейчас, в нашу эпоху, должны воспринять некоторую сумму спиритуальных истин? На это мы хотим дать ответ следующим образом.

Возможны два случая. Первый - если человек кое-что понимает относительно спиритуальных истин, что его ухо не остается глухим по отношению к ним, он воспринимает их в своё сердце и в свою душу, он до некоторой степени становится антропософом, как можно стать антропософом в наше время. Возможен и другой случай, когда человек отстраняет спиритуальные истины, когда он говорит, что всё это глупый, идиотский вздор; всё это происходит из головы, от пары глупых фантазёров, которые поступили бы умнее, занявшись чем-нибудь другим.

Ну, а когда человек проходит через врата смерти, тем самым он, само собой разумеется, вступает в духовный мир. И если бы каждый стал говорить: вступает ли человек в духовный мир только потому, что между рождением и смертью он овладел знанием о духовном мире? - то ему можно было бы в некотором смысле сказать: само собой разумеется, в духовный мир приходит также и тот, кто ничего не знал о нём; само собой разумеется, что и он входит в духовный мир. - Но в чём состоит разница между этими двумя типами людей? Разница велика. Теперь я всегда говорю о нашем времени, так как духовные истины носят индивидуальный характер. И если бы кто-то по отношению к первому из приведенных мною стал бы говорить: что же, имажинации, которые не могут выйти наружу, всегда превращаются в тяжелую войну, которая господствует теперь? - то

это было бы неверное воззрение; ибо в другие времена имажинации вели бы себя совсем иначе. Духовные истины всегда носят индивидуальный характер, и то, что хочу сказать сейчас, составляет лишь одну индивидуальную истину для нашего времени.

Человек, который проходит через врата смерти, не позаботившись о возможности воспринять в наше время спиритуальность, проходя через врата смерти, передаёт свою душу высшим мирам почти так, как он её ощущал, входя через рождение в физическое бытие; высшие миры не имеют от него ничего, кроме того, что они передали ему при его воплощении. Однако тот, кто не только благодаря вере, но благодаря переживанию в духовных мирах усвоит здесь то, что может быть получено из духовных миров, тот, умирая, передает свою душу духовным мирам не такой, какой он её принял при рождении, но он передает сверхчувственным существам также и то, что он разработал здесь в понятиях, представлениях и ощущениях, и что принадлежит не только ему, но принадлежит и этим сверхчувственным существам. Кто не приносит этого с собой, тоже, естественно, вживается в духовный мир, но для прогресса человечества он ничего не привносит. Если бы человек всегда жил так, или если бы он жил так, начиная с определённого времени, никакого прогресса не могло бы осуществиться вообще, или же, начиная с определённого момента человечество оставалось бы тем же, чем оно было. Чтобы осуществлялось поступательное развитие, прогресс, чтобы души всегда могли найти нечто новое, вступая в новую инкарнацию на Земле, - это находится в зависимости от того, чтобы души находили условия для принятия в себя того, что является особой миссией времени. Это, в конце концов, является своего рода решением: вступит ли человек в отношение с духовным миром, или нет. Каждый мог бы, например, сказать: что мне за дело до прогресса человечества? Что мне за дело до земной эволюции? Ну и пусть Земля остановится! Я это переживу. У кого нет никакой настоящей любви, никакого интереса в земному успеху, прогрессу, тот может говорить так. Но тот, кто несет в себе любовь к прогрессу человечества как высший долг, тот не может выбрать такой путь. Свобода заложена также и в этой области. Поэтому души могут придти к антропософии только через свободу и любовь к истинному человеческому прогрессу и человеческому благу. Никак нельзя стать антропософом из чистого эгоизма; ибо становясь им, человек содействует прогрессу, от которого он в ином случае уклоняется. Итак, он действует из любви, не только для себя, но для чего-то другого.

Это то, что мне всегда хотелось осветить посредством всех антропософских изысканий той духовной науки, которую мы ищем: что эта духовная наука является живой, деятельной силой. Я говорю

не о видении, я говорю об этой науке; видение возникает лишь как её результат. Я говорю о переживании этого результата в человеке. Духовная наука есть нечто живое, деятельное, нечто вживающееся в душу, то, что действует и творит в наших душах. Поэтому я часто приводил сравнение; просто говорить о любви, - а такие речи ведутся особенно в Теософском движении, - равносильно тому, как встать перед печкой и проповедовать, что она должна стать горячей, ибо в этом состоит её долг как печки. Даже от самой прекрасной проповеди о печной задаче, теплее не станет. Печка станет теплее, если положить в неё дрова и зажечь. Так, в сущности, обстоит дело со всякой проповедью о человеческой любви, и такая проповедь по отношению к человеку едва ли принесет успеха больше, чем проповедь, обращённая к печке, чтобы та стала горячей. В конце концов, такая проповедь звучала во все времена, а успех её можно наблюдать. Но то, что является не только знанием перед духовным миром, не только представлением, словом, но что является в слове живым, действенным - и есть те дрова, которыми мы наделяем наши души, и которые горят, если приняты в душу правильно. Изложения такого рода как сегодняшнее позволяют это признать; возжигается познание и оно становится любовью, ибо человек преобразается благодаря духовной жизни, познанной в своей глубине, в своей основе. Такое глубокое преобразование может порой оказаться для него неудобным; он отстраняет спиритуальную истину и хотел бы с охотой остаться в майе.

В этом, собственно, состоит ближайшая причина того, отчего так часто говорят, что не следует делать достоянием гласности слишком много духовных истин. Ведь эти истины не таковы как те, которые, будучи высказаны, действуют нейтрально как физика или химия, эти истины, по отношению к которым человеческая душа не может остаться нейтральной; она должна их либо отрицать, либо понимать. Но чтобы принять. Она должна некоторым образом изменить то, что она собой представляет в обычной физической жизни. Поэтому мир немного возбуждается, волнуется из-за сообщений более глубоких духовных истин. Однако наше время призвано к тому, чтобы не бояться такого волнения, но испытывать его. Ибо только так может быть подготовлено поле для новой духовной жизни, жить навстречу которой мы должны и в начальном пункте которой мы находимся. Знамена времени указывают нам на то, как необходимо понимать некоторые вещи. Ибо по отношению ко многому, что происходит сегодня во внешнем мире, человек оказывается непонятым и непонимающим. Попробуйте как-нибудь обобщить разные вещи. Моя задача здесь - говорить вам более доверительным образом, нежели я могу это делать в открытых

лекциях. Моя задача в том, чтобы то, что сказанное мной в открытых лекциях в связи с событиями современности, сформулировать так, чтобы оно стало действенной истиной; отчеканить так, чтобы об этом в наше время говорилось правильно. Попробуйте тут кое-что подытожить, и вы увидите: вам придется приложить некое усилие, чтобы в связи с непосредственными современными событиями вызвать хоть немного правильных понятий правильных чувств и ощущений, в сравнении с тем, с какой легкостью это распространяется обычно.

Попробуйте, например, утверждать то, на что я имел труд указывать в первой открытой лекции, что немецкий народ, в сущности, действительно был полон тенденцией к миру, к мирному развитию, как имело место то, о чем можно сказать: немецкий народ как таковой не хотел войны. Но если прислушаться направо и налево, то все говорят, все подчеркивают: они не хотели войны! Французы не хотели войны, англичане не хотели войны, они предприняли её «по моральным причинам». Но это «моральные причины» возникли в течение всего лишь восемнадцати часов! Все отмечают: они не хотели войны. Остановимся на этом, - это в этом, конечно, есть много, очень много правды, - и исследуем то, на что я указал прежде: немецкий народ не хотел войны. Но из этого я не допускал вывода, что её хотели другие. Однако я в первой открытой лекции настоятельно указывал: в лучшем случае следовало бы задать один вопрос, а именно вопрос: кто мог бы предотвратить войну? - и я указывал на русский Восток; ибо он мог бы предотвратить войну.

Но я особенно обращал внимание на то, что правильный ответ зависит от правильной постановки вопроса. Если кто-либо подчеркивает, что он не хотел войны, из этого не следует, что её хотели другие. И тот и другой могли не хотеть её, и всё же она возникла. Если не принимать во внимание своеобразное поведение России, можно, в сущности, сказать: действительно, никто не хотел войны, если при слове «хотеть» подразумевать физический план. Но эта война непонятным образом возникла со стихийной необходимостью из-за противостоящих друг другу сил, из-за сил, стихийно противоборствующих друг с другом. Ведь никогда ещё не бывало, чтобы такое всемирно историческое событие в несколько дней выпрыгнуло как из ящика и показало, как то, что разыгрывается во внешних событиях, является тем, что выступает из духовных отношений и сообщает о себе на физическом уровне.

Будучи рассмотрено так, сегодняшние события являются тем, что представляет собой пример, приводящий мысли людей в замешательство: если поставлен вопрос, что делал тот, что делал этот? - то ты никогда не получишь правильного ответа. Но ты

должен предположить, что здесь содействует нечто другое, ты должен как-нибудь решиться, зайти поглубже. Только тогда человек научиться правильно говорить об этих событиях.

Ещё по одной причине надо решиться на более глубокий взгляд на эти вещи. Мы переживаем, что сегодняшней мир обнаруживает противоречие с самим собой. Люди не способны ни на что иное, как только понимать вещи так, чтобы приписывать вину другому. Если когда-нибудь придёт время, когда глубокие истины карме смогут перейти в человеческие души, тогда уже не будет иметь место обычай вваливать на других вину за то, что приходится переживать. Ибо тогда будут знать, что каждый народ переживает в своей карме то, что ему следует пережить из-за него самого. Народ переживает необходимость укрепить силы в борьбе не ради другого, но ради самого себя, чтобы продвинуться вперед; другой же является в некотором смысле лишь исполнителем. Вследствие этого рассмотрение переводится на карму Народной Души. И высказывание: здесь стою я, а здесь стоит другой, который виноват, который сделал то, что я должен пройти через эти события, через эту борьбу, который затеял эту войну, - это высказывание с более высокой точки зрения выглядит так, как если бы пятидесятилетний мужчина, глядя на ребенка, - ребенок ещё молод, а он стар; когда ребенка ещё не было, он был ещё не стар, когда же ребенок вырос, мужчина состарился, - как если бы пятидесятилетний пожелал сказать: это ребенок виноват в том, что я состарился; ведь если бы ребенок не вырос и не становился старше, то и я бы не старился! Однако ребенок может всего лишь обратить его внимание на то, что он становится старым.

Надо принять к сведению то, что каждый народ то, что он переживает, пусть это даже очень тяжёлые события, должен пережить исходя из своей кармы. Вы же не скажете, что если такая истина переходит в души людей, она могли бы стать чем -то неутешительным, при переходе в душу; скорее она ведёт к героическому представлению о жизни, к смелому пониманию жизни, такому пониманию жизни, которое включает в себя эволюцию. Человек, охваченный таким пониманием жизни, будет смотреть как на напрасную трату сил на то, когда вину постоянно видят в другом и всегда поступают в соответствие с обычными выводами. Человек будет апеллировать к силам, которые могут повести его вперед. Он научится в каждой области идентифицировать себя со своей судьбой. Мы видели в открытых лекциях, что эта судьба, которую человек охотно рассматривает как нечто внешнее, только тогда будет понята правильно, если мы как бы вытекаем в эту судьбу. Так обстоит дело и с народной кармой.

Когда на Землю придёт любовь, тогда к людям придёт и этот образ мыслей.

Сегодня я хотел бы снова апеллировать к вам, мои дорогие друзья, к тем, кто посвятил себя духовному движению, - апеллировать, как это было раньше, - чтобы подумать, как в будущем станет необходимым, чтобы духовный горизонт, в пределах которого мы живём, был наполнен не только такими мыслями, которые были тут и раньше, но чтобы он наполнился новыми мыслями. Но это могут быть только те мысли, которые происходят из спиритуального мира. Это не всё равно, будет ли здесь в ближайшее время некое число людей или не будет; людей, которые посылают свои мысли в духовный мир, наверх, мысли, подобные тем, которые возникли в рассмотрении, предпринятом сегодня. Если вы решили медитировать об этих истинах, вы вносите вклад, чтобы то, что должно придти в будущем, пришло правильным образом и на благо человечеству. Вы не бездеятельны по отношению к прогрессу человечества, если медитируете те мысли, которые требуются в настоящее время для того, чтобы человечество продвинулось вперед. Пусть же среди нас многие, наряду с теми трудами, которые совершаются в крови и смерти, займутся духовной работой, состоящей в том, чтобы наполнять мир правильными мыслями, такими мыслями, которые соответствуют миссии нашего времени. Тогда мы будем чувствовать, что это поистине мысли любви. О, сколь многие из тех, кто сегодня разыскивают цитаты, хватаются за любимых авторов, чтобы сказать что-либо правильное, *приводят в эти дни слова древнего Гераклита, который считал войну «отцом всех вещей»(15)*. Это Гераклит говорил справедливо, и те, кто это повторяет, тоже говорят справедливо. Но благодаря одному отцу ребенок не возникнет. Для ребенка нужна и мать. И как война есть отец, так то, что происходит в мирной работе - есть мать. Для того, чтобы отец не оставался стерильным, нужна мать. И она должна изойти из душ тех, кто духовным образом понимает задачи нашего времени и кто умеет из познания достигать любви.

Вот то, что я при этом нынешнем совместном пребывании хотел заложить в ваши души, для того, чтобы в соответствии с потребностями нашей современности наша духовная наука не оставалась удовлетворением нашего любопытства или нашей жажды знания, но для того, чтобы она давала поистине живые силы, формируя которые, мы получили бы истинное утешение тех страданий, которые несёт с собой наше время. Ибо истинным утешением является то, вследствие которого мы не слабеем, но усиливаемся, благодаря которому мы накапливаем силы для дела - духовного или телесного. Всё снова и снова следует думать о том, как необходимо в наше время, чтобы некоторое число людей обрели

стремление к спиритуальному углублению. Ибо оно означает, что не отдельный человек, но всё человечество продвинулось вперед. Имея такой образ мыслей, вспомним ещё раз в заключении те мысли, которые мы посылаем в указанном смысле тем, кто находится вовне:

Духи ваших душ, деящие стражи
Ваши крылья могут донести
Наших душ молящую любовь
Вашей защите доверенным
Людям Земли,
Чтобы соединяясь с вашей мощью
Наша просьба, помогая, сияла
Душам, которых она, любя, ищет

И имея в виду тех, кто уже прошел через врата смерти:

Духи ваших душ, деящие стражи
Ваши крылья могут донести
Наших душ молящую любовь
Вашей защите доверенным
Людям сфер,
Чтобы соединяясь с вашей мощью
Наша просьба, помогая, сияла
Душам, которых она, любя, ищет

ЧЕТВЕРТАЯ ЛЕКЦИЯ **Берлин, 17 января 1915**

Мои дорогие друзья, как и в других случаях, когда, начиная с переломного момента, приведшего к нашему суровому времени, я говорил вам, пусть и в настоящий момент наши первые мысли будут направлены к тем, кто стоит на поле сражений, кто приносит в жертву свои души и свои тела, в жертву великим требованиям нашего времени, кто возмещает эти требования времени всем своим физическим бытием:

Духи ваших душ, деящие стражи
Ваши крылья могут донести
Наших душ молящую любовь
Вашей защите доверенным
Людям Земли,
Чтобы соединяясь с вашей мощью
Наша просьба, помогая, сияла
Душам, которых она, любя, ищет

И для уже прошедших через врата смерти мы скажем:

Духи ваших душ, деящие стражи
Ваши крылья могут донести
Наших душ молящую любовь
Вашей защите доверенным
Людям сфер,
Чтобы соединяясь с вашей мощью
Наша просьба, помогая, сияла
Душам, которых она, любя, ищет

И Дух, Который прошёл через Мистерию Голгофы, Кого мы долгое время ищем в нашем движении, да будет с вами и ведет вас к целям, к которым вы должны стремиться!

При нашем последнем рассмотрении здесь мне особенно хотелось излить в сказанных тогда словах то, что было духовнонаучно познанной истиной: как именно на великих суровых событиях человек в состоянии увидеть, что внешние явления надо рассматривать в свете, который даёт нам духовная наука. Только тогда они предстают перед нами не как майя, не как великое заблуждение; они являются нам тогда в их глубинной истине. Не то, чтобы эти явления сами были майей или обманом, как это может с легкостью неправоммерно преподносить душам восточное мировоззрение, но дело тут обстоит так, что наши органы чувств, наш рассудок ошибаются при понятийном истолковании внешних явлений, если мы не освещаем эти явления тем светом, который приходит к нам благодаря познаниям духовной науки.

Сегодня мне хотелось бы исходить из одного факта, которого уже приходилось касаться за годы наших антропософских устремлений, и который я сегодня хотел бы соотнести с перспективой, соответствующей нашему времени. Ведь мы прониклись тем, что с тех пор, как Мистерия Голгофы вступила в земные события, те импульсы, те силы и существа, которые пришли благодаря этой Мистерии Голгофы, как живые силы вмешивались во все события эволюции человечества на Земле. Другими словами, мне хотелось

бы, говоря конкретно, сказать: во всех значительных событиях, во всём, что совершалось важного и существенного, действовал импульс Христа, действовал благодаря тем, кто был Его служителем, Его спиритуальным помощником. В настоящее время христианством называют только то, что могло быть понято людьми. Но я часто подчеркивал: то, что пришло в мир благодаря христианству, столь велико, столь могущественно, что человеческий разум, человеческий рассудок вплоть до нашего времени не был в состоянии действительно понять даже самое элементарное из сил импульса Христа. Если бы Христос должен был действовать только посредством того, что смогли понять о Нём люди, Он мог бы сделать мало. Но тут дело не в том, что могло стать достоянием человечества благодаря понятиям человеческого разума, не в том, что люди смогли себе составить как представление о Христе, а в том, что Он после Мистерии Голгофы находится здесь, действуя непосредственно среди людей, в образе из поведения. Дело не в том, насколько Он был понят людьми, а в том, что Он, как живое Существо находился здесь, вливаясь во всё, что как многозначительные факты происходило в земном развитии. Конечно, мы только благодаря духовной науке можем сегодня немного понимать глубины импульса Христа; грядущие времена будут всё больше и больше понимать и видеть это. Это не должно предрасполагать нас к высокомерию, то, что мы сегодня можем понять нечто от импульса Христа. Духовная наука хочет понять несколько больше, нежели смогли понять об импульсе Христа в истекшие времена. В истекшие времена об импульсе Христа могли размышлять с помощью только тех средств, которые предоставляли внешний рассудок, внешний разум, внешние исследования. Получив духовную науку, мы видим теперь благодаря ей в сверхчувственных мирах, и из сверхчувственных миров можем давать ответ о значении Мистерии Голгофы. В наименьшей степени было в состоянии сразу же понять, Кем является Христос, и чем являются те спиритуальные силы, которые как Народные Души и другие, состоят у Него на службе, менее всего могли это понять те люди, в области которых Христос должен был выступить в первую очередь. Тем не менее импульс Христа должен был влиться, например в римский мир. И именно на этом примере, который мы уже приводили в другой связи, мы можем лучше всего увидеть, как Христос действует как живое Существо, ведя за Собой своих спиритуальных служителей, если речь идет о том, чтобы содействовать тем фактам, которые должны влиться в развитие ради истинного прогресса человечества.

Я уже указывал на факт, котрый я имею в виду. В 312 году нашего летоисчисления случилось так, что тот, благодаря которому христианство стало государственной религией в Римской Империи,

Константин(16), сын Констанция Хлора, должен был противостоять со своим войском тогдашнему правителю Рима *Максенцию*. Поскольку оба войска должны были противостоять друг другу, несомненно надо сказать: обстоятельства наименее всего благоприятствовали Константину, так как его войско было в пять раз меньше, чем у Максенция. Однако мы могли бы представить себе, что в соответствии с состоянием тогдашнего военного искусства в обоих войсках были достойные полководцы. Но дело тогда решалось не человеческим искусством, а тем, что продолжающий течь дальше импульс Христа давал возможность в необходимой для тогдашнего времени форме вмешиваться в дела человечества. То, что могли тогда понять об импульсе Христа, то, что могло быть принято от импульса Христа в сердце человека, исходя из сознания в то время, мы могли бы убедиться, рассмотрев то, что происходило в Риме и направлялось из Рима пару десятилетий спустя; если мы рассмотрим, как Юлиан Отступник боролся с христианством, следуя честным убеждениям в том, что было тогда достигнуто людьми на уровне знания. Кто рассмотрит ту форму, в которой Юлиан и его последователи боролись с христианством, скажет: совершенно очевидно, в области человеческого знания Юлиан и его последователи были на высоте своего времени; с этой точки зрения они были гораздо более просвещенными, нежели христиане того времени, несмотря на это, они снова перешли в язычество. О них можно сказать: они были представителями человеческого знания того времени. Однако то, чем является человеческое знание не было решающим в 312 году, нет, но была дана возможность, чтобы Христос и его служители вмешались в историческое развитие человечества. Ведь если бы Максенций и его приверженцы смогли опираться на военное искусство своих приближенных, опираться на то, что можно было достичь посредством человеческого знания и человеческой мудрости, если бы не произошло ничего иного, то без сомнения, не смогло бы выявиться то, что должно было выявиться. Что же произошло?

Произошло следующее: продолжающийся импульс Христа втекал в ту деятельность души, которая не признавала человека, о которой люди не знали. Фактически он направлял человека так, чтобы осуществилось то, что должно было осуществиться. Ведь битва, состоявшаяся между Константином и Максенцием 28 октября 312 года в Сакса Рубра решилась не посредством человеческого искусства; нет, она решилась, - как бы не противилось современное просвещение признавать это, - благодаря сну, то есть, тому, что называют «сновидением», хотя для нас оно таковым и не является. Ибо в души обоих полководцев втекало

благодаря сновидению то, что не могло бы втечь в эти души при посредстве человеческого разума. Максенцию перед этим приснилось, что он должен оставить свой город. Он также обратился к оракулу сивилл; ему было сказано, что он достигнет того, что должно произойти, если отважится вести борьбу не внутри, а вне города. Это было наименее умное из всего, что он мог сделать, особенно вследствие того, что его войско было гораздо сильнее, чем у Константина. Он должен был бы знать, что полученное им из высших миров следовало сначала истолковать. И что изречение оракула ввело его в заблуждение. Константин тоже видел сон, который сказал ему, что он победит, если поведет свое войско в битву под знаком Христа, в соответствии с чем он и поступил. То, что на окольном пути сновидения втекало в души, перешло в дело и способствовало тому, что мир тогда изменился настолько, так что лишь немного поразмыслив, следовало бы сказать: чем бы стал западный мир, если бы сверхчувственные силы не вмешались столь наглядным образом?

Но рассмотрим события более близкие. Тогда на Западе и Юге Европы инкарнировали души, которые должны были принять христианство, которые должны были бы стать носителями христианства. При посредстве своего разума, при посредстве своего рассудка как раз просвещенные души не могли тогда придти к тому, чтобы стать носителями импульса Христа, поскольку время не предрасполагало к этому. Они должны были приходить к христианству с помощью того, что было создано вокруг них. Об этих людях можно сказать: они облакались в христианство как в одеяние, они совсем не проникались им до глубины своего существа. Они становились в большей степени служащими членами, но импульс Христа не охватывал глубины их существа непосредственно. Это, в сущности, происходило в течение долгого времени с лучшими душами в западных областях Европы вплоть до восьмого, девятого столетий и даже дольше. Для них было необходимо воспринять христианство как одеяние, носить это одеяние христианства так, что оно было несомо ими в эфирном теле, но не в их астральном теле. Вы взвесите, что означает, если я говорю, что они носили христианство в эфирном теле. Это означает, что они приняли его так, что были христианами в состоянии бодрствования, но что они не могли взять с собой это христианство, если они выходили из своего физического и астрального тела. Так проходили они и через врата смерти, и мы можем сказать о них: они могли из царства, которое человек проходит между смертью и новым рождением смотреть вниз на то, чем они были в истекшей жизни. Но взять с собой в дальнейшую жизнь христианские импульсы, происходящие

из прошлой жизни, было тогда для них невозможно. Они несли христианство в большей степени как одеяние.

Обратим внимание на рассмотрение, которое я хочу сделать сразу же потом в связи с тем, как эти души принимали христианство во внешней жизни, и как это христианство не имело отношения к тому, что души людей, проходящие через врата смерти, могли перенести в духовный мир, чтобы подготовиться к новому земному бытию. Обратим внимание, что эти души могли войти в это новое бытие только так, что о христианстве они забывали. Ибо человек в своей более поздней жизни не вспоминает сознательно о том, что в прошлой жизни он носил как одеяние. Если бы это имело место, то нашим гимназистам не надо было бы учить заново греческий язык, так как многие из них были воплощены в Греции; однако они не помнили о своей греческой инкарнации и поэтому должны были заново учить греческий язык. Однако благодаря жизни, которую между смертью и новым рождением проводили души когда-то инкарнированные на Западе Европы, они не могли пронести христианство дальше, поскольку эти импульсы не проткали их внутренне, на уровне «я» и астрального тела. В этом состоит отличительное свойство того, как эти души вживались в более позднюю инкарнацию.

Вы знаете, что эпоха, в которую мы теперь живём, пятый послеатлантический культурный период начался, главным образом в пятнадцатом, шестнадцатом столетии, тогда, когда для европейского мира должно было быть подготовлено то, что преимущественно в наше время должно было привести к развитию души сознательной. Это то, о чём идет речь в нашем пятом культурном периоде. То, что должно будет содействовать при этом, должно будет содействовать применительно к тому, чтобы даже во внешнем земном бытии наступили земные условия, которые были бы благоприятны для развития души ощущающей, той души, которая может развиваться, будучи направлена на материальное земное бытие, на внешние факты физического бытия. Это должно было начаться и оно началось. Нам только надо вспомнить о том, как раздвинулся горизонт Европы по всей Земле благодаря великим (географическим) открытиям, и благодаря тому, что было их следствием, чтобы душа сознательная могла развиваться преимущественно под материальным влиянием. Нам надо при этом только подумать о том, на что мы так же указывали; к раскрытию, к развитию души сознательной особенным образом, в одностороннем порядке призваны то, что относится к области британской Народной Души. И едва ли можно было бы думать, проверив все отдельные подробности, что где-либо столь планомерно осуществлялась бы нечто подобное этой направленности британской Народной Души на

материальные задачи жизни. Так предназначено в сфере развития человечества.

Представим как-нибудь себе, что Англия в пятнадцатом столетии была бы отклонена от своего влечения к тем областям Земли, на которые она направилась вследствие открытия огромных областей вне Европы, и что британская Народная Душа в пятнадцатом веке стала бы изживать себя в значительных территориальных приобретениях на европейском континенте. Представьте себе, что географическая карта Европы была бы изменена подобным образом. Тогда было бы невозможным, во-первых, развить в этой области материальную культуру, и, во-вторых, достичь того, что должно было быть достигнуто в Европе благодаря тому отступлению жизни вовнутрь, интровертированию жизни, которое именно в то время, среди многих препятствий происходило при содействии протестантизма, находившегося под влиянием немецкой мистики. Если бы импульс Христа вмешался в развитие, он должен был бы позаботиться о том, чтобы британские интересы удерживались вдали от той области, где души ещё должны были подготавливаться к тому, чтобы стать внешними носителями импульса Христа.

Импульс Христа должен был влиться в деяния европейского континента. Он должен был действовать так, чтобы гораздо сильнее воздействовать на то, что могло произойти посредством человечества, посредством человеческого умения. Что же произошло?

Произошло нечто чудесное; всем тем, чем не смогли руководить те, кто стоял в свое время у верхов, руководила бедная пастушка из Орлеана, *Жанна д'Арк*(17). Именно импульс Христа, действовавший через своего михаэлического слугу в Жанне д'Арк, был тем, что препятствовало тому, чтобы Франция слилась с Англией; было обусловлено то, что Англия была отодвинута обратно на свой остров. Тем самым было достигнуто двойное: первое, что у Франции в Европе руки оставались развязаны, - это мы можем изучить, если исследуем последующие столетия французской истории, - так что то, что было заложено во французском Народном Духе могло совершенно беспрепятственно действовать в европейской культуре; и другое, что было достигнуто, - Англия была указана область вне европейского континента. Эти деяния, осуществленные через Жанну д'Арк стали благом не только для Франции, но и для самой Англии, которая была вытеснена в свою область.

Но если мы рассмотрим это в связи с тем, чем является продвижение импульса Христа на Земле, оказывается, что благодаря деянию Жанны д'Арк было обусловлено то, о чем мы можем сказать: то, что тут поддается пониманию посредством действительного человеческого рассуждения, - это всего лишь ноль

в сравнении с тем, что придало географической карте Европы её современный вид. Должны были совершиться события, для того, чтобы импульс Христа мог распространиться правильным образом. Тут мы видим как живой Христос вступает в исторические события из подземных основ человеческой природы; не Тот, Которого понимают люди. Ибо мы можем рассматривать импульс Христа двояко. В первый раз мы можем спросить себя: что понимало тогда человечество об импульсе Христа? Если мы раскроем историю, исследуем историю человечества, то найдём в истекших столетия спорящих теологов, которые защищали или опровергали всевозможные теории, которые пытались объяснить, как надо понимать человеческую свободу, Божественную Троицу, и так далее. Мы видим, как бесчисленное множество теологов спорят между собой, обоюдно признавая друг друга, то правомерными теологами, то, в ином случае, еретиками. Поэтому мы видим, что христианское учение распространяется в соответствие с возможностями того времени. Это одно. Однако дело не в том, - как и сейчас оно не в том, - что может сделать человек со своим обычным пониманием. Но дело в том, что Христос невидимо живёт среди людей как живое Существо, и из незримых основ может вливаться в дела человечества. Он делает это в том месте, куда Он не может влиться с помощью человеческого рассудка, но куда Он может влиться с помощью «неразумной» души, с помощью души Орлеанской Девы. Когда же Он вливается, то, как ведут себя те, кто может понять христианство как официальное учение? Они находят, что носителя импульса Христа надо сжечь! Потребовалось определенное время, пока это официальное учение поменяло точку зрения. Это имело ценность для официального учения, но его репутацию в тогдашних событиях канонизация Орлеанской Девы не улучшила.

Это как раз один из примеров, на которых мы можем видеть, как Христос через своих служителей, - я говорил, что через Орлеанскую Деву Он действовал посредством своего михаэлического Духа, - вмешивается в развитие человечества как живое Существо, а не только как то, что понимают о Нём люди. Но мы можем увидеть в этом примере и нечто другое. Христианство уже было здесь. Люди называли себя христианами, те, которые в некотором смысле окружали Орлеанскую Деву. Они кое-что понимали относительно своего христианства. Но том, что они понимали, следовало бы сказать: *Того, Кого вы ищете, здесь нет, Он там, где вы Его не ищете, ибо вы не знаете Его(18)*. Несмотря на это нам должно быть ясно, что это было важно, было существенно, - то что это развитие Христа (die Christus-Entwicklumg) даже в этих внешних одеяниях, в которых оно тогда

выступало, проходило совместно с развитием Европы. Души, имевшие отношение к этому, это те, кто могли принять христианство именно в этом внешнем одеянии, те, кто мог нести христианство как бы внешним образом. Они были остатками тех душ, которые были воплощены там раньше, то есть душ, которые ещё не приняли Христа в своё «я», но приняли Его всего лишь только в эфирное тело. Огромная разница между Орлеанской Девой и другими состояла в том, что она приняла Христов импульс в глубочайшие основы своего астрального тела, и из глубочайших сил астрального тела действовала ради импульса Христа. Именно здесь мы имеем один из пунктов, где мы можем прояснить для себя то, что должно быть нам ясно: различие между непрерывным развитием народов и непрерывным развитием отдельной человеческой индивидуальности.

Если мы, например, рассмотрим сегодняшних французов, то несомненно, в составе французского народа живёт некое число человеческих индивидуальностей. Эти индивидуальности не являются теми, кто, например, в их более ранней инкарнации жил в составе народа, который тогда на Западе Европы воспринял внешнее одеяние христианства. Ибо именно благодаря тому, что на Западе Европы некое число людей должно было воспринять христианство как внешнее одеяние, эти люди проходили через врата смерти так, что им было назначено в ближайшей жизни при других обстоятельствах соединиться с христианством в их астральном теле и «я». Именно вследствие того, что они были воплощены на Западе Европы, им было необходимо иметь следующее воплощение не на Западе Европы. Это вообще редкий случай, - я говорю редкий, но так должно быть не всегда, - чтобы душа в следующих друг за другом инкарнациях принадлежала той же самой земной общности. Души переходят из одной земной общности в другие.

Но мы имеем пример, - я это говорю не для того, чтобы возбудить какие-либо симпатии и антипатии, или чтобы кому-то польстить, - мы имеем пример, когда души на самом деле по многу раз проходят через одну и ту же народность. Это происходит в случае среднеевропейского народа. Этот среднеевропейский народ имеет много душ, которые живут в нём сегодня, и которые раньше тоже были воплощены в германских народах. Такие факты мы можем обнаружить. Мы не можем объяснить их вполне с помощью оккультного исследования, проделанного нами до сих пор, но они имеют место. *Такие факты, как, например, указанные мною в открытой лекции в последний четверг «Германская Душа и немецкий Дух»(19), освещаются, если мы знаем, что души повторно появляются в этом среднеевропейском народном сообществе. Это*

факт, что в среде этого народного сообщества мы имеем оборвавшуюся культурную эпоху. Надо только представить себе, что означает, что на заре германской культуры имела место эпоха, действовали поэты «Песни нибелунгов», *Вальтер фон Фогельвейде*(19) и другие; надо представить себе, что позднее началось время нового расцвета германской культуры. Ибо то время, когда Гёте ещё был молодым, о первом расцвете германской культурной жизни ещё не знали. Именно потому, что души возвращались в состав этого народного сообщества, то, что уже было однажды, должно было быть забыто, для того, чтобы души, когда они возвращались, могли найти что-то новое, а не примыкали бы непосредственно к тому, что осталось из прежних времен. Ни у какого другого народа дело не обстоит так, чтобы происходили такие метаморфозы как в среднеевропейском народе: от того подъёма, который имел место в десятом, одиннадцатом, двенадцатом столетиях к другому подъёму, который происходил с конца восемнадцатого и начала девятнадцатого столетий, и на продолжение которого мы смеем надеяться. От первого до второго момента не было непрерывного течения, что может быть понятным только тогда, если мы знаем, что именно в этот регион духовной культуры души возвращаются снова. Может быть это связано с тем, что я уже называл вам в отношении одного ошеломляющего факта: только в случае среднеевропейских бойцов было действительно заметно, что они, проходя через врата смерти, продолжают содействовать в борьбе; что вскоре после того как они прошли через врата смерти, можно видеть, как они борются дальше. Поэтому на основе данного факта можно питать надежды на будущее, если видно, что не только живые, живые в физическом смысле, но и умершие помогают в том, что происходит.

Зададим вопрос: как обстоит дело с теми душами, которые в то время, когда христианство воспринималось как внешнее одеяние, а именно в период шестого, седьмого, восьмого, девятого столетий были воплощены в Западной Европе и там, или же среди римлян приняли христианство, но не соединились с ним в их астральном теле и в их «я»? Как обстоит дело с этими душами?

Да, сколь гротескным является всё это для материалистически мыслящего человека современности, столь значительно будет учение духовной науки для жизни, если углубляться конкретные факты. Если сегодня кто-то говорит о повторных земных жизнях, люди ещё рассматривают это как измышления какого-либо глупого мечтателя. Эту идею не принимают; хотя находят простительным, если сегодня кто-либо снова говорит об этом после того как даже великий *Лессинг*(20) в трудные часы своей жизни принял эту идею о повторных земных жизнях. Но если действительно углубляются в

результаты оккультного исследования, то уж тут настырному глупцу нет прощения от высоко просвещенных людей. Но тем не менее мы должны входить в то, что даёт нам оккультное исследование; так как только благодаря этому проливается свет на то, что в ином случае оставалось бы великим заблуждением.

Достоинно внимания то, что довольно большое число душ, которые в течение истекшей римской эпохи, когда христианство постепенно обретало влияние и стало государственной религией, жили на Западе, выступает теперь против нас с Востока. Итак, это души, выросшие на Востоке и находящиеся среди воинов России. Я сказал: обратите внимание на факт, приведенный перед этим. Ибо среди людей, убитых на Востоке, тех, кто там сражается, или попал в плен, мы находим такие души, которые в последние времена Рима жили на Западе Европы. Они теперь выступают навстречу нам с Востока, те, кто тогда дал втечь христианству в свои эфирные тела, и кто сейчас, будучи в телах относительно нижестоящей культуры, посредством своеобразия жизни Востока, принимают в свои души христианство в бодрствующем состоянии, причём так, чтобы связать себя с ним на уровне чувства, инстинкта. Итак, именно в своих астральных телах связывают они себя с импульсом Христа, наверстывая тем самым то, чего им не удалось достигнуть в предшествующей инкарнации. Это весьма примечательный факт, который обнаруживается в результате оккультных исследований в наши дни. Среди многих ошеломительных фактов, которые, будучи вызваны событиями нашего времени, выступают на оккультном уровне, есть и этот. Что можем мы объяснить себе на основе этих фактов?

Мы должны прояснить для себя следующее. Мы должны вспомнить, что в прямом прогрессе средневропейской душевной жизни заложено то, чтобы сознательно связать германскую душевную жизнь с христианством, возвысить её до высот истинно христианской культуры. К этому чудесным образом были, столетия назад, предназначены её пути, потоки. Мы видим, как это зачинаялось. Если мы рассмотрим наше время со всеми его ошибками и заблуждениями, мы увидим, что в зародыше средневропейской культуры имелись предпосылки, чтобы всеми силами провести подготовку в немецком Народном Духе, в германской Народной Душе к сознательному принятию импульса Христа.

Бесконечно высокое значение имеет и тот факт, что в пятнадцатом столетии девушка из Орлеана спасла Францию, ибо тогда Франция имела некую значительную миссию. Итак, мы стоим перед значительным фактом, что в будущем немецкий Дух призван к тому, чтобы в полном бодрствующем состоянии усвоив факты,

имевшие место в немецкой духовной жизни, все более сознательно воспринимать импульс Христа. Этот импульс Христа должен был действовать, действовать на протяжении столетий, причем так, как мы это только что показали, когда он соединялся с душами посредством бессознательных процессов. И в будущем он должен соединиться с душами таким образом, чтобы нашлись люди, - они должны найтись в Средней Европе, - которые в бодрствующем состоянии, напрягая свои сознательные духовные силы, не только те, которые находятся в физическом теле и в эфирном теле, но своим «я» и своим астральным телом соединиться с импульсом Христа. Мы видим, как к этому стремились лучшие. Возьмём самое лучшее: Гёте. Но то, что в случае Гёте можно привести как особый пример, живёт во всех душах, даже если они стремятся во тьме, вслепую.

Мы видим, как Гёте изобразил в *Фаусте* представителя человечества(21), которого он устремил к высшему. Во второй части поэмы Гёте приводит Фауста в греческую культуру, вводит его во всё, что переживают народы, вводит его так, что Фауст значительнейшим образом заранее переживает будущее, когда он отвоевывает сушу у моря и хочет основать нечто такое, что является для него далёким будущим. И к чему же приходит он, в конце концов? Сам Гёте сказал однажды в одном разговоре с Экерманом: *он должен был взять на помощь наглядные представления христианства(21)*, чтобы показать, как Фауст воспаряет в духовный мир; и если вы рассмотрите такую чудесную, прекрасную сцену, когда Mater gloriosa принимает душу Фауста, то тут вы имеете противоположность того, что побудило Рафаэля(21) к его знаменитой картине «Сикстинская Мадонна»: там девственная Мать несет душу вниз. В конце «Фауста» мы видим, как Дева-Мать возносит душу вверх: это есть смерть-рождение души, рождение души в смерти. Так мы видим интимное стремление, совершенно сознательно исходящее из человеческого духа, стремление к тому, чтобы то, что должно быть достигнуто из христианства, достигать так, чтобы можно было пронести это через врата смерти в ту жизнь, которую человек, будучи подготовлен между смертью и новым рождением, проведет в новой земной жизни. То, что мы можем увидеть у самого Гёте, является характерной чертой немецкой нации. На этом основании мы можем измерить и то, какая задача стоит перед человеком. Это задача; это мы можем с полной ясностью записать перед своей душой: истинным благом для общечеловеческого прогресса могло бы стать только то, если в определенных кругах будет создано гармоничное отношение между Средней Европой и Восточной Европой.

Можно подумать, что Восточная Европа посредством грубой силы могла бы распространиться на Запад, над Средней Европой. Но это означало бы то же самое, как если бы в пятнадцатом столетии деяние Жанны д'Арк не совершилось и Англия захватила бы Францию. Если бы это тогда случилось, - я на этом настаиваю, - произошло бы нечто, что было бы несчастьем не только для Франции, но было бы несчастьем и для самой Англии. И если бы теперь немецкой духовной культуре был нанесен вред с Востока, то это повредило бы не только немецкой духовной культуре, но и самому Востоку. (*имеется в виду Россия - прим. перев.*) Наихудшее, что могло бы случиться с Востоком, это то, что он смог бы временно распространиться и навредить немецкой духовной культуре. Ведь я говорил: души, воплощённые раньше в Западной Европе или на италийском полуострове, которые теперь пробудились на Востоке, соединяются в подсознательных основах астрального тела, как бы инстинктивно, с импульсом Христа. Однако тем, чем должен стать в них импульс Христа, он не может стать на основе дальнейшего развития того, что нам уровне инстинкта живёт в душах под именем православия, ортодоксального католицизма, которое, в существенном, является византийским, и имеет имя, но не импульс. Для импульса Христа невозможно стать тем, чем он должен стать, как невозможно женщине без мужчины иметь ребенка. То, что подготавливается на Востоке, может реализоваться только благодаря тому, что в Средней Европе, с силой и сознанием, - то есть в состоянии полного бодрствования, - на основе исходящего из природы «я» душевного стремления, человеческая сила «я» и человеческие познавательные силы будут соединены с импульсом Христа. Только вследствие того, что немецкий Народный Дух найдёт души, у которых импульс Христа вырастет в астральное тело и в «я» так, как он может вырасти только в состоянии полного бодрствования, - только вследствие этого может возникнуть будущее для той культуры, которая должна возникнуть. Она должна возникнуть посредством гармонизации, посредством связи с тем, что будет сознательно, всё более и более сознательно достигаться в Средней Европе.

Для этого потребуется не одно- два столетия, но долгое время. Долгое время, относящееся сюда, можно приблизительно высчитать, - я хочу сказать, - к 1400 добавить примерно двадцать одну тысячу лет. Добавьте к одной тысяче четырехсотому году двадцать одну тысячу лет, и вы получите тот временной пункт, когда примерно в земном развитии проявится то, что в зародыше предварительно закладывалось в немецкой духовной жизни, с тех пор как такая немецкая духовная жизнь стала существовать. Но отсюда мы видим, что мы должны глядеть в будущее не на столетия,

а на тысячелетия, на которое среднеевропейский немецкий Народный Дух имеет свою задачу, свою задачу, которая уже поставлена и состоит в том, чтобы всё больше и больше заботиться о такой духовной жизни, посредством которой в бодрственном сознании, - вплоть до астрального тела и «я», - будет обретено понимание того, что в прежнее время, не будучи осознано, живо проходило через европейские народы как импульс Христа. Но если развитие примет такой ход, тогда на Востоке, мало-помалу поднимаясь к тому, что будет достигнуто в Средней Европе, поднимутся на ту ступень, которая может быть достигнута там благодаря особенным задаткам. Такова воля мировой Мудрости. Но мы только тогда в правильном смысле интерпретируем эту волю мировой Мудрости, если скажем себе: было бы величайшим несчастьем для Востока Европы, если он повредит той духовной власти, зацепляясь за которую он должен расти вверх, которую он должен уважать, дружески почитать, о которой он должен заботиться. К этому он должен прийти. Вначале ему ещё очень, очень много недостает для этого; именно самым лучшим всё ещё очень многого недостает. В своей недалёковидности эти лучшие люди всё ещё не берутся за то, что может дать Востоку именно среднеевропейская духовная жизнь.

Я уже излагал это в моей первой открытой лекции здесь в Берлине. Сегодня вечером вы могли видеть, какие глубокие оккультные основы лежат за тем, что я в открытой лекции мог сказать лишь внешне, экзотерически. Но всегда следует иметь в виду, что в открытых лекциях надо говорить в форме, наиболее доступной для понимания слушателей, надо, чтобы истинная причина сказанного указывала на то, почему в области оккультных фактов обнаруживается та, или иная связь. Но в любом случае, из того, что изложено сегодня, можно видеть: если мы просматриваем вещи столь внешне, они представляют собой для нас большое заблуждение, майю. Не то, чтобы внешний мир сам по себе был бы обманом, он таким не является; но понятным для нас он становится только тогда, если мы освещаем его фактами, взятыми из духовного мира. Для нашего случая факт, вытекающий из духовного мира, может с необходимостью показать нам, что сегодня Средняя Европа не должна быть завоеванной со стороны Восточной Европы, как и Франция не должна была быть завоёванной Англией в 1429-1430гг. Само собой разумеется, вышеприведенное показывает, что на Востоке Европы не могут понять, в чём тут дело; это могут понять, в сущности, только в Средней Европе, и мы должны это понять. Так что мы с полным смирением, без высокомерия должны смотреть на нашу задачу, и мы должны понимать её, хотя нас и не понимают. Мы должны найти понимание этой задачи. Ибо то, что

подготавливается на Востоке, на самом Востоке может быть правильно понято только в будущем.

Вот первое, что вытекает из наших рассмотрений. Другое то, что мы именно благодаря таким вещам обращаем внимание на великий переходный период в эволюции человечества, происходящий в наше время, - мы уже рассматривали его раньше с различных сторон, - и мы могли видеть, как то, что влилось в земное развитие человечества благодаря Мистерии Голгофы, должно быть всё более и более сознательно понято в наше время теми, кто в этой инкарнации может это понять. Во времена Константина или, например, Жанны д'Арк было невозможно, чтобы импульс Христа действовал посредством сознания; он действовал на бессознательном уровне. Но когда-то должно наступить время, в которое он сможет действовать на полностью сознательном уровне. Вот почему мы благодаря духовной науке получаем то, что мы можем принять в свои души всё более и более осознанно. И здесь мы можем указывать на факты, - поистине не ради симпатии или антипатии, которые могут возникать, не ради того, чтобы возбуждать либо льстить кому-то. Ведь всегда лучше составлять себе собственные мнения на основе фактов, чем на основе того, на чем их повсеместно составляют сегодня. Ведь немного посмотрев на мир сегодня, мы видим, что мнения образуются поистине не на основе фактов, а на основе эмоций, национальных страстей. Однако можно составлять себе определяющие настроение души мнения. Также и на основе фактов.

В то время как в *Анатоле Франсе*(22) мы имеем человека, который смотрит на Жанну д'Арк с позиции современного материалистического просвещения, великим деянием немецкой духовной жизни, начиная с Шиллера является то, что девушка из Орлеана была понята как посланница из сверхчувственного. Хотя в Германии есть ещё люди, которые рассматривают это как большую ошибку Шиллера, но эти люди - историки литературы, их отношение можно понять. Ведь их задача состоит в том, чтобы «понять» литературу и искусство, - вот поэтому-то они этого и не могут. Существенным является то, что мы имеем произведение, которое из подоснов спиритуальной жизни воскресило в славе этот образ, о котором *Шиллер говорил: «Мир любит светлое чернить и в прах великое повергнуть.»*(22)

Итак, именно в этом признании вмешательства импульса Христа посредством человеческой индивидуальности, не принадлежавшей к нашему народу, мы имеем факт, который может внушить нам доверие к тому, что я приводил в открытой лекции: что в немецкой духовной жизни можно видеть, по мере её развития, тенденцию к спиритуальности, к духовной науке, и что особенной, хотя и не

исключительной задачей является возвышение к духопознанию, к которому на протяжении столетий стремились в немецкой духовной жизни и достигали его. И эта задача, душевная задача немецкого народа, должна служить другим задачам, которые являются как бы телесным обрамлением этой душевной задачи, оказывать ей помощь. То, что должно происходить благодаря мировой Мудрости, произойдёт. Однако необходимо принимать меры, чтобы в будущем развилось поистине солнечное время, хотя сегодня мы живём, в своего рода сумерках. Для этого надо, чтобы в будущем находились люди, которые будут иметь связь с духовным миром, для того, чтобы почва, подготовленная столь многими из страданий и крови, не была подготовлена напрасно. Ибо благодаря тому, что здесь имеются души, которые могут нести в себе связь с духовным миром, будет оправдано всё, - пусть даже самое ужасное, страшное, самое жуткое, - будет оправдано всё, что произойдёт, если в духовной жизни будет выполнена средневропейская миссия. Но это зависит от того, что отдельные души, сумевшие благодаря своей карме подступиться к этой духовной жизни, проникнутся ею, и когда мирное Солнце снова засветит над полями Средней Европы, будут нести в себе духопознание и ощущение духа. Тогда благодаря наклонностям некоторых душ, проявившимся в последней инкарнации, может осуществиться то, что я хотел бы обобщить в словах, которые я хочу сказать вам, чтобы мы записали в своих душах девиз, под которым души правильным образом пробуждаются навстречу тому, что может возникнуть из нашего тяжкого времени:

Из мужества бойцов,
Из крови павших,
Из страданий оставленных,
Из жертвенных дел народа,
Взрастёт духовный плод -
Если, сознавая Дух,
Души направят свои чувства
В царство Духа.

ПЯТАЯ ЛЕКЦИЯ

Берлин 19 января 1915

Пусть первым для нас снова будет то, что мы пошлём мысли к тем, кто стоит на полях сражений в настоящее время и выступает за то, что требует от них время:

Духи ваших душ, деящие стражи
Ваши крылья могут донести
Наших душ молящую любовь
Вашей защите доверенным
Людям Земли,
Чтобы соединяясь с вашей мощью
Наша просьба, помогая, сияла
Душам, которых она, любя, ищет

И для уже прошедших через врата смерти:

Духи ваших душ, деящие стражи
Ваши крылья могут донести
Наших душ молящую любовь
Вашей защите доверенным
Людям сфер,
Чтобы соединяясь с вашей мощью
Наша просьба, помогая, сияла
Душам, которых она, любя, ищет

И Дух, Которого мы долгое время ищем в нашем движении, Который прошёл через Мистерию Голгофы, да парит над вами, да струится через вас и усиливает вас для вашей тяжкой задачи!

Как мне сообщили, кажется, что в отношении изречения, которое только что было произнесено, нет полной ясности. Я действительно отмечал, что правильное прочтение таково: «Духи ваших душ.» Изречение составлено так, чтобы оно могло быть использовано как многими для одного, так и одним для многих, или многими для многих, - что мы сейчас и сделали. Если оно адресуется одному, тогда надо изменить лишь только то, где говорится: «Дух твоей души, деящий страж» и так далее. Кажется, что в первый раз, когда я неделю назад произносил здесь это изречение, я оговаривал, что может возникнуть мнение, будто бы слова «Духи ваших душ» не совсем правильны. И всё же они правильны. Первая сточка - это как бы запрос к духам охраняемых душ; под словом «ваших» подразумевается те, на кого мы направляем свои мысли, в то время как во второй строчке слово «ваши» относится к слову «стражи». Я заметил, что такие изречения всегда носят характер, при котором возникают трудности чисто грамматического построения, но

изречения даются из духовного мира с целью, для которой они должны служить; речь тут идёт о том, что в таких изречениях конфигурация слов иногда создает трудности.

Мои дорогие друзья, тщательно взвешено и, кроме того соответствует задачам нашего времени в спиритуальном смысле то, что мы позавчера направили взор на события эволюции человечества, которые показывают нам, как спиритуальные, духовные импульсы, - причем именно те, которые связаны с Мистерией Голгофы, с импульсом Христа, - как эти импульсы живут в эволюции человечества как нечто живое, как жили они в эволюции человечества даже без того, чтобы люди посредством своего рассудка, своего разума могли вникнуть в сущность этого импульса Христа. В связи с темой уместно указать, - помимо других явлений, - на явление Орлеанской Девы, благодаря которому этот импульс Христа с помощью служащего Ему михаэлического Духа исполнил в течение пятнадцатого столетия великую задачу ради блага и прогресса человечества. В сущности, было совершенно необходимо указать на этот факт, поскольку, само собой разумеется, и в наше время актуально, насколько всё, что должно упорядочивать великие взаимосвязи, регулируется и упорядочивается из спиритуальных миров; мы же должны осознать, что силы и импульсы того, что должно произойти, приходят к нам из спиритуального мира. Так что в этом отношении и сегодня ценно все, - если можно так сказать, - что было ценно во времена Орлеанской Девы. Но времена меняются, они различны. И то, что известным образом могло произойти в времена Орлеанской Девы, должно было бы происходить иным образом в наше время или в последующие времена, оно должно было бы протекать иначе. Ибо с тех пор наше время стало совершенно другим. С пятнадцатого, шестнадцатого веков, последовавших за событием Орлеанской Девы, человечество было ведомо совершенно иным образом. Вот на эту разницу, а тем самым и на особый характер нашего времени мы хотели бы сегодня указать.

Когда мы с нашей душой находимся в состоянии между засыпанием и пробуждением, наше собственное существо находится вне нашего физического тела и нашего эфирного тела. Тогда, во время сна, мы живём в нашем астральном теле и в нашем «я». Мы должны совершенно ясно представлять себе, что тогда мы с тем, чем мы, собственно являемся, находимся вне нашего тела. Поскольку мы между рождением и смертью чрезвычайно привязаны к нашему телу, мы, прежде всего, не очень далеко удаляемся от нашего тела; мы с нашим душевным некоторым образом распространяемся в окружающей нас среде, во всем том, что является свойствами нашей среды, нашего окружения.

Уясним себе, насколько наше окружение, в течение последнего столетия, - по меньшей мере, для весьма большого числа людей, которых касается судьбы современности, - изменилось в сравнении с пятнадцатым, шестнадцатым веками. Надо только представить себе, что существовало во времена, когда действовала Орлеанская Дева, от той современной механизации, современных машин. Мы можем прямо сказать, что с того времени в отношении механизации Земля совершенно изменилась, ибо всё, что мы переживаем как машины, появилось после. Те из вас, кому, будучи внимательным, приходилось ехать ночью в спальном вагоне, могли бы испытать нечто примечательное, иметь переживание, что при пробуждении, - а в этих обстоятельствах человек может часто пробуждаться, - остается нечто от того грохота, шума, происходящего вокруг в механизмах поезда, и что при сонном пробуждении можно услышать нечто от этого писка или хрипения поезда или парохода, где человек находится при пробуждении. Это происходит оттого, что наша душа находится, в сущности, не в нашем теле, но в окружении тела, она внедряется в механизмы.

Не только лишь при таких исключительных обстоятельствах мы оказываемся внедренными во все механизмы нашего времени, но можно сказать: машинная жизнь распространяется в настоящее время по всей стране, и мы, в сущности, всегда внедрены в эту машинную жизнь времени. В состоянии сна наша душа входит во всё, чем являются механизмы. Но такие механизмы строим мы сами. Механизм, построенный нами, есть нечто совершенно иное, нежели внешняя, наружная природа, которая строится элементарными духами. На воле, если мы, например, находимся в лесу, где всё создано природными духами мы имеем вокруг совершенно иное окружение, иную среду, нежели когда мы находимся в окружении механизмов, которые мы построили. Ибо, что мы делаем, когда взятое нами у природы мы приспособляем, соединяем для нашей жизни в качестве механизмов и приборов? Ведь мы соединяем не только частицы материи. Но благодаря тому, что мы соединяем материальные части, мы создаём условия для того, чтобы ариманические демонические слуги соединялись с машиной. В каждой машине, в каждом механизме, во всём, что в этом смысле относится к современной культурной жизни, мы даём точку приложения сил демоническим элементарным духам, слугам ариманической природы. Когда мы живем в этом окружении машин, мы живём вместе с этими демоническими ариманическими элементарными духами. Мы пронизываем себя ими; мы проникаемся не только писком и скрипом механизмов, но и тем, что

для нашего духа, для нашей души является в высшей степени разрушительным.

Заметим, - при подобных обстоятельствах я часто делаю это замечание, - то, что я говорю, не следует воспринимать как критику нашей ариманической эпохи. Ибо это должно было быть; чтобы мы давали демонам втекать повсюду и окружать себя ими. Это заложено в эволюцию человечества. И поскольку мы должны признать это просто как необходимость, мы, понимая истинный импульс духовной науки, не будем хвалить тех, кто говорит: итак, надо насколько возможно, защититься от демонов и бежать от культуры, надо, насколько возможно строить уединенные колонии, чтобы не иметь дела с этими демоническими ариманическими элементарными духами. Это никогда не было темой, развиваемой мною в моих выступлениях; нет, я всегда говорил, что надо полностью принимать то, что как необходимость преподносит нам развитие, что человек не должен бежать из мира вследствие этого. Но надо принимать к сведению, надо понимать то, что наша эпоха предрасположена к тому, чтобы всё больше и больше пронизывали наше окружение, нашу среду демонической природой, чтобы мы всё больше и больше имели дело с тем, что механизует нашу культуру. Такая эпоха требует чего-то совершенно иного, нежели требовала та эпоха, когда Орлеанская Дева была призвана к своей деятельности. Та эпоха Орлеанской Девы требовала, я мог бы сказать, чтобы из самых нежных, самых субтильных сил человеческой души был рожден импульс, из которого должна была действовать Орлеанская Дева, - из самых нежных сил души. Подумайте: она была девушкой-пастушкой, её окружала самая простая, идиллическая природа. У неё рано появились видения, так что благодаря имагинациям, которые у неё были, она имела непосредственную связь с духовным миром. Она должна было выносить из своего внутреннего мира всё, давать распускаться из своего внутреннего мира всему, что должно было лечь в основу её действий. Не только это, но и совершенно особые обстоятельства должны были привести к тому, чтобы в её душе, в её интимном внутреннем мире благодаря нежнейшим силам, какие только есть в человеческой душе, напечатлелась её миссия.

Вы знаете, что в мире всё происходит циклически, что вещи разыгрываются так, что в соответствии с определенными циклами происходят важные события. Если мы возьмём год рождения Орлеанской Девы, - 1412, - то можем поставить определенный вопрос. Мы можем сказать: в год рождения Орлеанской Девы Солнце, само собой разумеется, было видно в каком-то определенном месте, астрономическом месте, оно покрывало одно из созвездий Зодиака. Истек важный отрезок времени, в котором

Солнце из одного такого созвездия перешло в следующее. Чтобы обойти по кругу весь Зодиак, Солнце проходит через двенадцать созвездий; но протекает важный отрезок времени примерно 2160 лет, когда Солнце из одного созвездия Зодиака переходит в другое, то есть созвездие меняется, сдвигается дальше. Если мы от рождения Орлеанской Девы возвратимся назад примерно на 2160 лет, то придём к основанию Рима.

Если человек в эпоху основания Рима хотел получить разъяснения относительно обстоятельств, касающихся основания Рима, он обращался к нимфе *Эгерии*(23) (*нимфа ручья, возлюбленная Нумы Помпилия, второго царя Рима, установившего культовые ритуалы Рима - примеч. перев.*); тут можно было получить разъяснения, получить разъяснения от ясновидящей. Но это, как сказано, было одним солнечным циклом назад. Так сменяются времена и все это основано на циклических процессах. Итак, если мы представим себе: Солнце стояло в определенном пункте созвездия Овна во время основания Рима, затем оно перешло вперед, перешло до созвездия Рыб, так что оно проходит двенадцать созвездий Зодиака. Так мы приходим через цикл, который должен был пройти в развитии человечества от нимфы Эгерии до инспиративного деяния Орлеанской Девы. Однако в древнем Риме мы имели дело с языческой инспирацией, с языческими деяниями. Если мы представим себе, что та же самая ясновидящая, которая действовала во время основания Рима, должна была бы действовать в христианскую эпоху, должна была бы действовать с помощью самых нежных сил человека, что должно было бы произойти тогда? Вы можете представить себе то, что должно было бы произойти нечто такое, что каким-либо образом связано с наиболее внутренними, с наиболее тонкими силами христианства.

Многие из вас вспомнят то, что я часто излагал; насколько различным бывает год в своём ходе по отношению к тем силам, посредством которых человек связывает себя с духовным миром. Летом, в Иванов День, когда солнечные лучи имеют наибольшую внешнюю силу, можно было посредством внешнего экстаза, что имело место в древних кельтских мистериях, придти к экстатическому подъёму в духовный мир. Но тогда, когда день был наименьшим, когда солнечные лучи имели наименьшую внешнюю силу, а зимние ночи были самыми темными, то есть в Рождество, давалась возможность в интимной душевной жизни проникать в духовные миры. Поэтому всё те, кто в это время года осознавали нечто, всегда с правом утверждали, что человек предопределенный к этому в дни от 21-23 декабря примерно до 6 января, - в эти дни и особенно в эти ночи, - может пережить внутреннюю связь с

духовным миром. Есть легенды, - здесь однажды зачитывалась норвежская легенда об Олафе Эстесоне(24), - которые показывают, как в эти дни люди получали глубочайшую инспирацию. Это опять-таки связано с тем, что в это время празднуется Рождество, рождение Духа, которое произошло благодаря Мистерии Голгофы, рождение, которое связано с наиболее тонкими, внутренними силами человеческого душевного развития. Итак, если бы инспирация древнего языческого Рима должна была восстать вновь, то такая инспирация должна была бы осуществиться посредством наиболее детских сил человека. Это значит, что душа Орлеанской Девы должна была быть тем, что охватывает души в самой глубине, когда они наиболее слабы по отношению к земному началу, когда земные впечатления ещё не препятствуют импульсу Христа, поскольку души ещё не охвачены земным, так что единственно импульс Христа может проникать в душевное. Стало быть, наиболее благоприятным временем, которое Орлеанская Дева провела бы непосредственно перед своим рождением, перед тем, как сделать первый вздох, были бы тринадцать ночей, проведенные в теле матери. Так с ней и произошло, ведь она родилась 6 января!

На этом примере мы видим, как действуют глубокие силы, проникающие из духовного мира в наш физический мир, как ищут они пути, пути, исполненные тайны. Для того, кто всматривается в такие связи, в этом нет ничего удивительного; духовная наука самым ясным образом поясняет, почему Орлеанская Дева свой первый физический вздох сделала в рождественское время, 6 января, тогда как Рождество она провела перед тем, как вступить на физический план. Так мы видим, что те, кто в девятнадцать лет прошли через смерть, оказываются охваченными там, где лежат наиболее нежным силы человека, наиболее интимные силы человека; вот почему мы смотрим на то время, в которое было необходимо, чтобы Божественно-духовные силы искали себе дорогу через самые интимнейшие глубины человеческой души. Однако то время было последним, когда должно было происходить нечто подобное. Это было время, когда Европа обретала порядок благодаря импульсу Христа, как я указывал на это в последний раз; время, в которое чудесным образом произошло то, что произошло благодаря Орлеанской Деве. Однако с тех пор времена изменились. Сегодня время не таково, чтобы столь интимным образом Божественно-духовные силы могли подступать к человеческой душе.

Что, в сущности, было задачей Орлеанской Девы? Рассмотрим сопровождающие явления, явления, сопровождавшие всю её жизнь. Благодаря им она была охвачена силами Божественно-духовного

мира. Силы, входившие в душу были люциферическими силами. Эти люциферические силы в то время были мощны и крепки. Посредством того, что несла в себе Орлеанская Дева, она была победительницей люциферических сил. Для каждого, кто хотел видеть она, со всей очевидностью была победительницей этих люциферических сил. Мы бросили взгляд на её чудесное рождение и видели, как она пережила в некотором роде бессознательное посвящение до дня Епифани, до дня, так называемого откровения Христа (Богоявления). Но мы можем также указать и на её смерть, наступившую вследствие того, что все люциферические силы сделали её врагами и способствовали этой смерти. Её поражение в одной из битв было обусловлено ревностью тех, кто как официальный начальник командовал этой битвой. Но затем стало действовать всё, ревновавшее к проявлениям той духовной силы и духовной мощи, которые выявлялись благодаря ей. Ей устроили процесс. Акты процесса существуют, так что каждый, посредством изучения этих актов процесс, - если он не предубеждён так как Анатолий Франс, - может видеть, что Орлеанская Дева, чудесным образом пришедшая в физический мир через тринадцать ночей, исходила из них. Ибо в актах процесса стоит, - то есть это подтверждено исторически, - что она скала: пусть она умрёт, но англичане после её смерти потерпят гораздо большее поражение, нежели терпели они прежде, и это сбудется в течение ближайших семи лет. - Если мы понимаем это в истинно спиритуальном смысле, то это значит ни что иное, как то, что душа Орлеанской Девы, когда она прошла через врата смерти, заявила о своей готовности совместно работать над дальнейшим формированием событий после её смерти, работать в любой форме своего бытия. И она сделала это! Произошло то, что должны были исполнить духовные силы, то и произошло, будучи оформлено во внешние условия. Противники Жанны д'Арк смогли обречь её на физическую смерть, то есть провести сильнейшую из атак; но помешать её миссии они не смогли.

Однако тем тонким образом, как действовали силы Жанны д'Арк, они могли действовать только в её время. Во всём, что бы она ни делала, она имела против себя люциферические силы. Мы в наше время тоже имеем дело с противодействующими силами, но это преимущественно ариманические силы, те ариманические силы, которые появились благодаря материалистической эпохе, которые мы обнаруживаем во внешней структуре всей нашей эпохи, если взглянем на механизмы и машины нашей эпохи, если подумаем, что мы, в сущности, фабрикация наши механизмы, определяем демонов на местожительство, предоставляем им место обитания и окружаем себя целым ариманически-демоническим миром. Но и в

других вещах мы видим, как в наше время повсюду трудятся ариманические силы. Мы увидим, если, например, заглянем, хотя бы на несколько лет назад и немного примем к сведению оккультные подосновы нашего земного бытия, что в нашем физическом земном бытии всюду действуют ариманические силы; не только те, которые являются своего рода демонами, которых мы воспроизводим в наших машинах, но и иные, прочие ариманические силы действуют в нашем земном бытии. И оккультист обязан высказать то, что я часто говорил перед этим или другим кругом наших друзей, что, в сущности, эти болезненные, трагические события, которые проходят через Европу и через большую часть Земли, долго подготавливались; что в астральном мире так называемая война велась уже долго, однако она снова удерживалась благодаря чему-то астральному, а именно благодаря страху, который испытывали все люди; страх является астральным элементом; он мог бы удержать войну, мог бы препятствовать ей; он мог содействовать тому, чтобы война столь долго не возникала.

Ибо страх имел место всюду! Страх вообще является тем, что самым ужасным образом распространяется в основах душ нашей эпохи. Насупило время, которое как время кое-что означало на внешнем уровне; об этом часто говорят, если речь идет о исходном пункте этой войны. Но это внешнее не является самым важным, оно всего лишь символ. Я уже излагал здесь это однажды, - совершилось убийство того австрийского эрцгерцога, и тут выявилось то, уже упоминавшееся однажды страшно потрясающее событие. Я никогда не испытывал такого раньше, ни непосредственно, ни посредством других оккультистов. Ведь мы знаем, что переживает душа, проходя через смерть. У этой души, которая тогда прошла через смерть обнаружилось нечто совершенно особенное: вокруг неё, как вокруг центрального пункта группировались все те элементы страха, в ней имелось нечто подобное космической власти. Мы знаем, как нечто, имеющее на физическом плане определенный характер, в духовном мире имеет обратный, противоположный характер. Так было и в этом случае: то, что сначала действовало, расстраивая войну, стало действовать как противоположное, стало действовать, подрывая, поджигая. Так мы видим, что некая метаморфоза элемента страха, ариманического элемента, вмещалась со всё, что, в конце концов, привело к болезненным и трагическим событиям нашего времени. Не протестовать против этого, не критиковать это, не обороняться против этого можем мы, но рассматривать это как необходимость нашего времени, как нечто такое, что должно быть в наше время. Только спросим себя: как обрести правильное положение относительно этого? Как найти то, что укажет нам, как следует

вести себя именно в нашу эпоху, если мы хотим сделать возможным доступ духовно-божественным силам и властям в наши поступки?

Тут я должен указать на одно событие духовного мира, которое произошло несколько десятилетий тому назад. *Я часто упоминал об этом в самых различных контекстах: это событие, которое состоялось за кулисами нашего бытия в духовном мире примерно в ноябре 1879г.(24)* Мы знаем, что от эпохи к эпохе (такие эпохи длятся примерно около 300 лет, в них поочередно правят 7 Архангелов; весь культурный период составляет 2160 лет -прим. перев.) в земном бытии всегда появляется новый регент, новый правитель: один регент сменяет другого. До 1879 года из духовных миров действовал Дух, которого мы, чтобы дать имя, называем Духом Гавриила. С 1879 года стал (править) Дух, которого мы называем Михаилом. Он тот, кто дирижирует эпохальными событиями нашего времени; кто может сознательно созерцать в духовных мирах, тот ощущает Дух Михаила как дирижирующий, ведущий Дух нашего времени. Михаил является в некотором смысле сильнейшим, из постоянно сменяющих друг друга ведущих Духов Времени. Он, как я сказал, в некотором смысле сильнейший из этих Духов. Другие преимущественно действуют в духовном и духовно. Михаил имеет силу внедряться вплоть до физического мира. Он был тем Духом, который подступал до Мистерии Голгофы, как бы предшествуя Христу спускался на Землю и тогда правил на Земле примерно в четвертом и пятом столетии (до Р.Х.). Он снова находится на Земле как ведущий Дух Земли. В качестве сравнения можно сказать: чем является золото среди металлов, тем является и Михаил среди тех Духов, которые принадлежат Иерархии Архангелов. Если все другие металлы действуют преимущественно на эфирное тело, а золото в качестве лечебного средства действует на наше физическое тело, так все другие ведущие Духи воздействуют в душе, тогда как Михаил, напротив, является тем, Кто может действовать на физический рассудок человека, на физический разум человека. Когда наступила его эпоха, тогда стало возможным действовать из духа на физический рассудок, на физический разум. Поскольку в пятнадцатом веке Он не был ведущим Духом, он должен был для Орлеанской Девы отыскать путь помимо человеческого рассудка, помимо человеческих понятий, без человеческих возможностей представления, - совершенно внутренний путь через интимнейшие душевные силы человека. Благодаря своему михаэлическому Духу на Орлеанскую Деву действовал Христос; прежде Он мог действовать через всё другое, кроме сил рассудка и разума.

Люциферические духи и сегодня находятся здесь, они преимущественно захватывают людей. Они стремятся возбуждать

всевозможные страсти, но не ошибки рассудка, не ошибки разума, с которыми мы должны бороться в нашу эпоху. Итак, мы должны сказать: то, чего мы хотим достичь в духовном, мы должны достигать в соответствии с силами, которыми внутренне обладает Михаил, ведущий Дух эпохи. Во внутренней связи с Михаилом стоит то, что мы пытаемся понять, когда пытаемся понять его явление, как мы это делали в последние дни; а именно, когда мы пытаемся понять то, что мы называем немецким Народным Духом; это две силы - Михаил и немецкий Народный Дух, но и находятся в согласии, они несут то, что должен выразить импульс Христа в наше время, выразить так, как это соответствует нашему времени. Ибо нельзя считать, что в нашу эпоху был бы правильным тот же самый интимный, тонкий характер действий, который ещё мог быть правильным в самом начале пятого послеатлантического периода. На нашем временном отрезке речь идёт о том, чтобы мы прежде всего поняли необходимость бытия, скованного Ариманом, бытия, прикованного к ариманическому, которое мы сами создаём в механизмах; есть необходимость понять эти связи правильно, иначе мы будем жить в страхе перед многим, что существует в наше время.

Поэтому возникает вопрос: посредством чего мы противостояем этому ариманическому в наше время, как противостояли люциферическому во времена Орлеанской Девы? Мы сможем противостоять ариманическому благодаря тому, что идем тем путём, который всё снова и снова акцентировался в нашем духовнонаучном движении: путём спиритуализации человеческой культуры, спиритуализации человеческих понятийных способностей и возможностей представления. Вот почему мы всё снова и снова отмечаем: есть возможность посредством рассудка, разума, которыми наделялось человечество с шестнадцатого века до сих пор, понять без остатка всё то, что приносит нам духовная наука, даже если это по большей части дается из духовных миров. И если мы говорим, что мы этого не понимаем, то это происходит только по той причине, что мы прислушиваемся к предрассудкам, предубеждениям, проистекающих из общепринятого материализма нашего времени. Кто всё снова и снова не прислушивается к тому, что порой громко, порой тонким, тихим шепотом звучит из материализма нашего времени, кто пытается строго принимать к сведению, то, что мы в силах понять, для того наступит день, когда созданное духовной наукой станет для него потребностью, станет тем, что может быть понято так же, как можем мы понять какое-либо событие внешнего мира. Однако мы сможем пробудить в себе мощные силы, в которых мы нуждаемся, чтобы противостоять ариманическим силам, только тогда, если мы будем подступать к

духу не только посредством тех интимных сил откровения и веры, как это было у Орлеанской Девы, но попытаемся самым интенсивным образом сконцентрировать силу нашего понимания на том, что приходит из духовной науки. Если мы сделаем это, тогда наступит час, наступит момент, когда мы сможем сказать себе: то, что выступает нам навстречу из духовной науки, есть единственно разумное, есть то, что делает мир вокруг нас понятным и светлым. Если мы достигнем такого понимания, то нам станет понятно и то, что даёт в наше время дух, чтобы мы стали действительно сильными по отношению к ариманическим силам.

Натура, как у Орлеанской Девы, поставленная в наше время, не смогла бы сделать ничего. Она была бы интересной личностью, была бы способна на чудесные откровения и пророчества. Однако, если такая интимная природа откровения могла активно встретить люциферические силы, то сегодня человек должен противостоять ариманическим силам, должен делаться сильным против этих сил, настолько сильным, как это надлежит в эпоху Михаила. Этой эпохе Михаила подобает солнечное начало, то, что мы принимаем в себя посредством спиритуализации тех сил, которые мы имеем внутри себя от пробуждения до засыпания: сил нашего разума, нашего осознания, нашего понимания. Ибо эти наши силы осознания, понимания преобразуются в нашей душе, если только у нас достаточно терпения для этого. Они преобразуются так, что из того, что выявляется для нас в духовной науке, возникает уверенность: то, что мы понимаем здесь, является непосредственным выражением мыслей духовного мира. Итак, речь сегодня идёт не о том, чтобы отступить перед ариманически насыщенным внешним миром, но о том, чтобы по необходимости устоять в этом мире, но, в то же время укреплять себя по отношению к ариманическим силам.

Затем речь идёт о том, чтобы мы нашли путь, на котором, благодаря обычному пониманию, посредством, которого мы постигаем внешний мир, мы понимали бы и духовный мир. Но именно в эти дни мы показали этот путь, как путь, который внутренне связан со всей миссией немецкого народа, особенно же он связан с этой миссией с конца восемнадцатого, начала девятнадцатого столетий. Однако и в более ранних столетиях эта миссия подготовлялась. Своеобразие состоит в том, что развитое немецким Духом в его поэзии, его искусстве и философии внутренне связано со спиритуальной жизнью. Тут поистине речь идет о том, чтобы без симпатий и антипатий смело глядеть в глаза фактам, как они подготавливались, как они постепенно проявлялись. Ведь и мы сами можем пережить то, как однажды мы должны были просто подчеркнуть необходимость содействовать непрерывному прогрессу духовной жизни. Но почему?

Попробуем бросить взор на то теософское движение, с которым мы некоторое время были внешним образом связаны, на английское теософское движение. Попробуйте как-нибудь построить мост между тем, что является английской духовной жизнью, вплоть до философии, и тем, чем является английская теософия: внешне они стоят рядом друг с другом, являются внешне двумя протекающими рядом потоками, и мост между ними обоими есть нечто, что может быть построено тоже исключительно внешним образом. И напротив, попробуйте взглянуть в глаза немецкой душевной жизни, на то, как она подготавливалась благодаря немецким мистикам в *Мейстере Экарте и Иоганне Таулере, как расцвела она затем в Якобе Бёме и Ангеле Силезском*(26), как в Лессинге она была приведена к признанию идеи о повторных земных жизнях, и как в «Фаусте» Гёте во всей своей славе проявилось восхождение в духовные миры, - и вот перед вами прямая дорога от внешнего мира в духовный мир. Если же вы добавите к этому то, что *благодаря Гётевской «Сказки о Зелёной Змее и Прекрасной Лилии» привело к драматическому выражению основных сил посвящения*(27), и соединило оба течения, то тут перед вами обнаруживается внутренняя связь. Есть внутренняя связь между тем, что, в конце концов, проявилось как духовная наука, и тем, что вполне экзотерически развивалось в физическом мире как духовная жизнь. Ибо, само собой разумеется, эта духовная жизнь, которая внешне расцвела как духовная наука, была достигнута силами головного мозга, но устремлена к тому, что находилось за пределами внешней жизни. Можно было бы сказать: миссия немецкого народа состоит в том, чтобы со всем, достигнутым им, в конце концов влиться в спиритуальную жизнь. Но это означает ничто иное, как, говоря спиритуально, то, что немецкий народ призван к тому, чтобы внутренне соединиться с тем, что пришло в мир под водительством Михаила. Само присоединение такого рода достигается не благодаря тому, что пассивно, фаталистически отдают себя во власть судьбы, а в том, чтобы познавать, в чем состоят задачи времени.

И не только внутренне, путем развития немецкой мистики, но и внешне, посредством всего хода немецкой жизни в связи с европейской жизнью, обнаруживается то, что я хочу сказать. В первой из последних открытых лекций «Германская Душа и немецкий Дух» я изложил, как германское душевное начало в форпостах германских народов, - через готов, лангобардов, вандалов, - влилось в народы Запада, Юга,, как на алтарь человечества было пожертвовано то, чем являлось германское душевное начало. Но затем это повторилось снова, хотя и менее явно. Посмотрим, прежде всего на внешний Восток Австрии, на

Саксонскую Трансильванию (Семиградье). Она населена переселенцами с Рейна, где тоже есть Семиградье. Постепенно они потеряли свои свойства. Душевная субстанция отдавала себя, чтобы влиться в те другие народные элементы, и потом от них не осталось ничего иного, кроме их собственной речи: но как народная субстанция они ассимилировались. Затем спустимся вниз в Банат: туда переселились швабы, их поглотил мадьярский элемент. Точно так же обстояло дело и в венгерской горной стране, Карпатах. Все эти переселенцы сегодня внешне почти исчезли, но во всех существующих там народных прослойках остаются живы, и иногда подобно коагуляту проявляются, как, например, в удивительном языковом острове готического элемента в Крайне. Но есть и другие случаи. Мы видим, - мы могли бы исследовать это гораздо дальше, - как это германское душевное начало посылается наружу, в мир, как оно действует. Это происходит вследствие внутренней необходимости. Это происходило благодаря более раннему отрезку времени, благодаря периоду Гавриила. И благодаря периоду Гавриила, это происходило в той форме, когда, я мог бы сказать, действовала кровь, кровь и смешение крови, и всё, что больше было связано с внешними условиями жизни, хотя и не было ощутимо внешне, но протекало более интимно.

Но вот, наступило время Михаила, время, когда должно быть понято, как вследствие всего хода духовной жизни немецкий Дух может облечься в солнечную силу Михаила. Именно это необходимо увидеть. Но увидеть это можно только благодаря тому, что человек посредством признания спиритуальной науки увидит, что постепенно благодаря рассмотрению спиритуальной науки, духовной науки получают представление и сознание действительности духовных сил, реальности духовных сил. Так постепенно понимают, сколь бессмысленно говорить: нет никаких духовных сил, я не могу их признать; и если здесь лежит подковообразный кусок железа, так это и есть кусок железа, и я нём не вижу ничего, кроме железа. - Но ведь это железо может оказаться магнитом, содержать внутри себя магнитные силы! А ведь во всём внешнем мире внутри есть нечто совершенно иное, чем магнетизм. Признание достигается, когда человек рассматривает то, что выявляется на его собственном облике. Благодаря этому человек в эпоху Михаила овладевает теми духовными силами, которые необходимы, чтобы противостоять ариманическим властям; а противостоять ариманическим властям - и есть наша задача. Ибо, в сущности, всё, что мы изучаем в духовной науке, это только подготовка. Благодаря изучению духовной науки однажды наступает пробуждение души, вследствие чего душа знает: в тебе живет духовный мир, начиная от импульса Христа, включая

Михаила, вплоть до Народного Духа, духовный мир, который создает то, что должно быть создано.

Я говорил, что для эпохи Орлеанской Девы было свойственно проникновение к самым слабым, физически наиболее слабым силам человека. Наша эпоха должна проникать к наиболее мощным силам человека, должна охватывать волю там, где этой воле наименее свойственно по-настоящему раскрывать свои силы. Мы видим снова и снова: раскрыть, развернуть волю там, где требуется внутренне разбудить те силы, которые являются нашими земными силами, нашими силами представления, - это самое трудное для человека. Использовать волю внешне ему ещё относительно легко. Но необходима иная воля, когда надо так направить мысли, чтобы они охватили духовный мир. Эта сильная воля и есть то, к чему, как к таковому апеллирует духовная наука, эта воля должна быть в наличии, если духовная наука в наш михаэлический век должна вести к тому, к чему она должна вести. Ибо мы призваны не к тому, чтобы рассуждать о механизации нашей эпохи; мы призваны не к тому, чтобы указывать на то, что это механическое в нашей эпохе понятно людям, нет, мы призваны к чему-то иному. Во всяком случае, если немного подгонять факты, можно, даже будучи до известной степени большим, безоговорочно признанным философом, глядя на механизацию нашего времени начать именно в этих механизмах видеть самое, что ни на есть вредное, особенно приписывая их (создание) своим внешним врагам. Если к тому же у человека есть задатки, - даже если его рассматривают как большого философа, - ругаться подобно рыночной торговке, тогда этот человек может поступать как *философ Бергсон(28)*, который совсем недавно снова стал односторонне указывать, - хотя такое одностороннее указывание во многом верно, - указывать на связь механического вида сил с немецким народом. Однако можно указать не только на то, что немецкий рассудок в некоторых областях внес кое-что для разумного применения механических сил; можно было бы указать и на нечто другое. Только не надо ругаться тоном рыночной торговки, если хочешь говорить о таких связях, но можно сказать: возможно, именно там, где рассудок был наиболее силён, чтобы конструировать механически-демоническое, именно в том же месте (*то есть в Средней Европе - прим. перев.*) механико-демонические силы могут быть преодолены благодаря особой спиритуальной миссии. Немца могут с легкостью понять неверно, если он в связи с ходом его духовной жизни считает, что в его задачу не входит остановиться на чисто механическом, которое ему в нынешнее время оказывает большую услугу при решении военных задач; не просто остановиться на механизации, на механизмах, чем он мог бы создавать демонов; нет, он должен развить внутри себя

мощные силы, которые могли бы смело противостоять этим демонам. Тут нужно не слепое, но поддержанное убеждением нахождение в духовном мире. Если мы начинаем видеть, что мы на всё будущее время окружаем себя демоническим миром, настоящим адом, когда конструируем машину за машиной, то мы можем понять и то, как люди, исходя из материалистического духа нашего времени, всё снова и снова говорят: эта естественнонаучная, материалистическая эпоха вознесла нас на самые высшие высоты, из тех, на которых стояло человечество до сих пор, - мы, хотя и в состоянии это понять, ибо это присуще современным материалистически мыслящим людям, но мы должны знать, что нашими машинами мы вносим в человечество настоящих демонов, и, кроме того, мы должны знать, как сможем мы развить настоящее сопротивление по отношению к этим демонам. Мы ставим себя в правильное отношение к духовному миру только тогда, когда познаём эти ариманически-демонические силы, когда мы осознаём, что они тут находятся. Ибо вредоносные силы вредны только оттого, что мы по отношению к ним остаёмся бессознательными, что мы ничего о них не знаем. Мне хотелось бы сделать это наглядным на следующем сравнении.

Вы знаете, что через некоторое время мы, надеюсь, если удастся кое-что, что до сих пор ещё не удавалось, будем иметь в Дорнахе у Базеля здание, где мы в соответствующей обстановке сможем культивировать наше духовное течение. При возведении этого здания дело будет не в том, чтобы ускользнуть от того, что в наше время необходимо, нет, оно будет построено в соответствие с современными потребностями. Освещение, например, должно будет создаваться на основе самых, что ни на есть ариманических сил современности, а именно: электрическое освещение, электрический обогрев и так далее. Тут речь идёт о том, чтобы посредством самих архитектурных форм сделать безвредным то, что при этом играет роль. Если позднее человек будет входить в здание, его окружало бы всё то, что несёт с собой ариманическая культура времени. Но дело не в том, что это тут существует, но в том, что человек этого не замечает. Человек как раз не должен замечать этого. Для того, чтобы достичь этого, нашлись некоторые друзья, которые разместили всё это в отдельном изолированном здании рядом, чтобы, придав ему особенную форму, связать в нём ариманически-демонические силы. Тем самым, у каждого, кто будет подходить к зданию, также и для тех, кто вступит в него, будет активизироваться сознание о том, что там господствуют ариманические силы. Как скоро человек знает о них, они уже не вредны. Дело в том, что вредные для человека силы теряют свою вредность, если мы внимательно смотрим на место, где они проявляют активность, если

мы не бессмысленно смотрим на машину и говорим: машина, она и есть машина, но, - машина есть место для демонически-ариманических существ.

Если мы поставим себя в мире так, что это знание присутствует в нашей душе, тогда мы правильно ставим себя в эпоху Михаила. Но это означает: мы приводим себя в такое отношение к духовному миру, что Михаил тоже может действовать в нас. Михаил может действовать с тем, чем является его современная миссия, которую мы характеризовали. Повсюду речь идет о том, чтобы мы по отношению к тому, что люди бессознательно построили как механизмы, можем или стоять бездумно, или быть проницательными. Если мы проницательны по отношению к ним, если мы замечем, как демонически-ариманические силы действуют в наших механизмах, тогда мы найдём путь к духовно истинным правомерным инспираторам. Они находятся в связи с тем Духом, который относится к остальным Духам-водителям человечества, как золото относится к другим металлам; они находятся в связи с Михаилом.

Сегодня я попытался объяснить, что наша эпоха в поисках божественно-духовных сил, которые должны послужить на благо земному человечеству, имеет иные задачи, нежели те, которые стояли перед теми человеческими душами, что жили в эпоху Орлеанской Девы. Тогда речь в большей степени шла о том, чтобы отодвинуть всё рассудочное, всё разумное. Сегодня напротив, речь идет о том, чтобы все то, что находится на уровне рассудка и разума развить выше до ясновидения, ибо оно и может быть развито, культивировано до ясновидения. Если найдутся такие люди, которые будут так заботиться о человеческой душе, тогда из сумерек, в которых мы теперь находимся, разовьётся то, что должно развиться. То, что разовьётся внешне на физическом плане, будет всего лишь облачением для того, что должно родиться из нынешнего времени для земного человечества.

Правда, что те, кто в юные годы теперь отдают свои силы, хотят посылать эти свои силы в наше земное бытие. Ибо эти силы не теряются, они неразрушимы; они только должны действовать духовным образом так же, как продолжали бы они действовать физическим образом, если бы данный человек не прошел через врата смерти на поле битвы. Эти люди в наше время будут посылать свои силы вниз на Землю, для того, чтобы мы начали кое-что знать с помощью этих сил. Эти силы должны струиться вниз в человечество, которое в мирное время, последующее за войной, будет применять эти силы так, чтобы на Земле всё больше и больше распространялась спиритуальная жизнь. Как после каждой ночи возникает свет дня, так должно из нашей, часто кажущейся нам

ночью современности, должно развиваться светлое будущее; но это светлое будущее должно быть проникнуто тем, что должна нести эпоха Михаила, начавшаяся с 1879 года. Если найдутся души, которые будут в состоянии заключить внутренний союз с духовным миром, на что указывалось сегодня, тогда мы смеем надеяться, что с учетом сегодняшних эпохальных событий исполнится то, что выражено в семиричном изречении; мы смеем надеяться, что всё это исполнится, если первые пять строчек изречения в реальности будут связаны с двумя последними:

Из мужества бойцов,
Из крови павших,
Из страданий оставленных,
Из жертвенных дел народа,
Взрастёт духовный плод -
Если, сознавая Дух,
Души направят свои чувства
В царство Духа.

ШЕСТАЯ ЛЕКЦИЯ

Берлин, 26 января 1915

Так как разные обстоятельства не позволяют мне уехать сразу, мы ещё можем сегодня побыть здесь вместе.

Как обычно, мы в первую очередь направим наши мысли к тем душам, которые, стоя на полях сражений душой и телом, и кровью участвуют в великих событиях времени:

Духи ваших душ, деящие стражи
Ваши крылья могут донести
Наших душ молящую любовь
Вашей защите доверенным
Людям Земли,
Чтобы соединяясь с вашей мощью
Наша просьба, помогая, сияла
Душам, которых она, любя, ищет

И в отношении уже прошедших через врата смерти:

Духи ваших душ, деящие стражи
Ваши крылья могут донести
Наших душ молящую любовь
Вашей защите доверенным
Людям сфер,
Чтобы соединяясь с вашей мощью
Наша просьба, помогая, сияла
Душам, которых она, любя, ищет

И Дух, Который прошёл через Мистерию Голгофы, Которого мы долгое время ищем в нашем движенье, Который благодаря этому может быть близок к нашим душам, да будет Он с вами и с вашим тяжким долгом!

Мои дорогие друзья, нынешний исключительный вечер я хочу использовать для некоторых афористичных замечаний, которые могут оказаться полезными для нас в том или ином направлении. Сначала я хотел бы указать на то, как вопреки материализму нашего времени, или может быть вследствие материализма нашего времени души ищущих, пытливых людей, людей, ищущих в некоторых областях, несмотря на нежелание с их стороны, сталкиваются с фактом существования духовного мира. Мне бы хотелось связать это со следующим. С указанной мною только что духовной точки зрения, можно было бы связать очень многое; однако мне хочется обратиться к одной брошюре, появившейся совсем недавно, *одной из брошюр, которые появляются теперь в связи с войной, - к двенадцатому номеру сочинения, написанного известным профессором д-р. О. Бинсвангером под названием: «Душевные последствия войны»(29)*. Я, однако, хочу соотнести это не с теми сообщениям, которые Бинсвангер делает непосредственно о душевном воздействии войны, но с несколькими замечаниями, сделанными им в этой брошюре. Такой исследователь, как Бинсвангер чувствует сегодня некоторое побуждение не только слегка указывать на существование духовной жизни; он чувствует себя как бы вынужденным извинять себя и указывать на то, что наше время совсем не склонно, - в лице просвещённых людей признавать нечто такое, как душевная или духовная жизнь. Бинсвангер говорит в своей брошюре о достаточно известных фактах, о том, что в наше время существенно увеличилось количество нервных заболеваний. Он говорит о различных причинах, которые привели к этому, и затем подчёркивает на стр.10: «Некоторым из вас покажется чуждым, что я, говоря об этих болезненных состояниях, выдвигаю на передний план душевное». То есть он психиатр вполне материалистического

толка, но, тем не менее, должен среди причин тех заболеваний, которые ему всего ближе, приводить душевное начало. «Какое отношение имеет душевное начало с желудочными невротами, с кардионевротами, с нервными болями спины, рук и ног? Здесь согласно врачебным суждениям я могу сказать вам, что конечной причиной болезненных нервных реакций в самых разных органах и областях тела являются по большей части нарушения душевных процессов»

Итак, мы видим, как тех, кто благодаря своим исследованиям должен заниматься психическими феноменами, факты принуждают к признанию, что причиной того, что рассматривают лишь с материалистической точки зрения, как то: желудочные невроты, кардионевроты, невротические боли спины, и даже конечностей - являются нарушениями душевной жизни. Однако нынешний исследователь обычно на таком признании и останавливается; дальше он не идёт, ни коим образом, не идёт дальше. Ибо тут прежде всего надо, чтобы исходило не из рассмотрения только телесных, соматических причин таких процессов, надо для этого иметь мужество и силу, чтобы по-настоящему проникнуть в духовнонаучное знание, а этого мужества и силы люди ещё не имеют. Так как в тот момент, когда они слышат что-либо позитивное из области духовной науки, они, так сказать чувствуют, как если бы всякая надёжная почва ушла у них из-под ног, как будто бы то, что может быть предоставлено им из духовного мира на основе методов духовного исследования, является шатким, малообоснованным. Для психиатра этот факт, можно сказать, вдвойне фатален. Ибо если причины некоторых соматических состояний коренятся в душевной жизни, следовало бы согласиться, что лучшим средством для устранения таких состояний заложены в душевном, психическом лечении. Но вот как следует лечить душу, если не имеют никакого понятия о том, как связана душа с телом? Ведь рецепты для устранения духовных нарушений могут быть позаимствованы только из духовного мира. Однако познать связь между духовным миром и внешним материальным миром можно только тогда, если человек что-либо знает о духовном мире. Вот почему выступает нечто необычное, необычно неопределённое, нелогичное, странное, если такие люди действительно позитивно хотят говорить о связи телесного с душевным. Это мы можем констатировать у того же самого исследователя. Двумя страницами далее, - стр.23, - тот же самый исследователь говорит нечто в высшей степени примечательное; там, где он хочет говорить о том, насколько он сам убеждён в своём воззрении на то, какое значение имеет душевная конституция человека в деле счастливого исхода немецких военных действий, он говорит: «По моему убеждению, победят те войска, у

чьих солдат будут лучше нервы, или, в ином варианте; кто обладает большим моральным сопротивлением».

Только совершенно серьёзно следовало бы рассматривать такие вещи: исследователь, который признаёт, что причины телесных, так называемых нервных нарушений, коренятся в психическом состоянии, говорит, что те солдаты наверняка одержат победу, у кого «лучше нервы» или, говорит он ещё, - «в другом варианте; кто обладает большим моральным сопротивлением». Трудно представить себе, что кто-либо ещё смог бы произвести большую бессмыслицу, - несмотря на то, что обе фразы, само собой разумеется, абсолютно верны, - говоря: одно есть другой вариант другого. Вы ведь только представьте себе, кто-то обладает вполне ясным представлением о нервной системе, может проследить эту нервную систему вплоть до отдельных разветвлений, и вот, он называет эти сильные нервы человека - в другом варианте: большим моральным сопротивлением. Итак, это означает: чисто материально-физические тяжи, нервные стволы должны стать, - в другом варианте, - моральным сопротивлением! Такие вещи современный читатель при чтении, само собой разумеется, обычно упускает из виду. Некто делает необычные открытия, но читатель упускает из виду все, что он посчитал бы очень разумным; а ведь вещи эти есть настоящая бессмыслица, они не приведут нас к тому, что говорит на эту тему духовная наука. Как же следует рассматривать эти вещи с позиций духовной науки?

Если мы обращаем внимание на моральную силу человека, на то, что морально воодушевляет его, то это, прежде всего, нечто духовное, нечто такое, что не имеет отношения к материальному. То, что мы называем моральной силой души, это то, что душа имеет как духовную силу, поскольку эта душа принадлежит духовному миру. Когда эта душа, как это всегда происходит при пробуждении, возвращается в своё тело, тогда это тело, - от пробуждения до засыпания, - служит ей в качестве инструмента для физического мира. От засыпания до пробуждения душа живёт в чисто духовном мире, оставив в стороне телесный инструмент; в чисто духовном мире она собирает свою моральную силу. Но в физическом мире моральные силы могут действовать посредством физического тела как инструмента. Тогда они тоже действуют как духовные силы. В «я» и астральном теле человека действует то, что мы называем моральной силой; там внутри есть нечто чисто духовное. Но какое отношение имеет к нервной системе то, что проявляется как чисто духовное, как моральная сила в астральном теле и «я» человека? Я бы хотел тут использовать сравнение. Моральная сила человека связана с его нервной системой в той же степени, как я связан с почвой, на которой сейчас стоят мои ноги. Если бы тут не было

почвы, а под ней ещё одной почвы, на которой покоится первая, я, как физический человек не мог бы стоять здесь. Почва должна быть, но с тем, что находится во мне самом, она физически не связана, физически к этому не относится. Точно так же и в физическом теле должны быть нервы чисто как сопротивление, противодействие, для того, чтобы эта моральная сила астрального тела и «я», встречая в физическом мире сопротивление, могла проявиться, могла присутствовать здесь. Я использую ещё одно сравнение, которое в полной степени описывает сущность предмета, хотя оно будет требовать более точного обдумывания, чтобы понять, что же стоит за ним. Я использую сравнение, которое исходит из земной жизни.

Возьмём процесс пищеварения. При пищеварении происходит так, что одна часть сохраненных питательных веществ переходит в наш организм, другая же часть, напротив, выделяется. Если бы некоторая часть питательных веществ не могла бы выделяться, то наше пищеварение было бы невозможно. Это выделение должно происходить вполне регулярно. Но, ни одному человеку не придёт в голову сказать, что он питается тем, что выделяет. Нервные процессы, происходящие в нашем организме, когда мы развиваем в нас моральную силу, относятся к тому, что плодотворно для нас, что поистине является в нас нашим собственным существом, как выделения, как процессы выделения. Если мы развиваем в душе определенный моральный импульс, то тогда это связано с процессом выделения. Вот этот процесс выделения, который выводит наружу то, что, как отходы мы должны производить в себе самих - и есть нервный процесс. И этот нервный процесс соотносится с тем, что мы собственно делаем, точно так же, как процесс выделения при пищеварении соотносится с процессом усвоения питательных веществ. Таким образом те, кто духовный процесс формирования моральных импульсов называет нервным процессом, делает, по существу ни что иное, как, - хотя и по отношению к другой области, - говорит что человеческое питание состоит в выделении; они исследуют затем выделенные продукты, чтобы определить, что особенно полезно для человека. Так материалистическая наука допускает извращение, искажение, когда принимает за истинную сущность то, что должен выделить дух, для того, чтобы мочь раскрыть себя. Именно то, что дух использовать **не** может, исследует современная наука, чтобы обойти дух. Она тут ошибается примерно так же, как ошибается тот, кто стал бы исследовать содержимое кишечника, чтобы узнать, какие вещества человек принимает в свои мускулы. Об этом следует сказать жестко, если мы хотим увидеть всю абсурдность современного материализма, ибо та ложная картина, которая возникает вследствие современного материализма, с убеждающей

силой довлеет над искаженными воззрениями современности; так что необходимо сильными словами указывать на то, в чём, в сущности, состоит это страшное искажение.

Теперь я буду исходить из чего-то совершенно иного, чтобы затем снова вернуться к тому, что я сказал предварительно. Поставим вопрос: а как обстоит дело с различными религиозными системами, которые постепенно появляются в эволюции человечества? В ходе развития человечества выступали разные религиозные учителя и сообщали людям то или иное об условиях духовного мира. Поистине не требуется слишком многого для того, чтобы относительно этих религиозных систем придти к весьма толковому суждению, ведь быть толковым в наше время не так уж и трудно, - это мы можем увидеть на примерах разных суждений в наше время. Поймите, что тут имеется в виду; это не надо считать критикой нашей эпохи. Так называемый толковый, разумный человек может легко указать на то, что разные религиозные учителя всегда учат разному, так что он может придти к выводу: значит всё это - неправда; было бы оно правдой, то все должны были бы учить одному и тому же. Отсюда он может затем сделать вывод, что в сущности, все эти речи о высших мирах, - вследствие множества противоречий, которые при этом возникают, - не могут привести к чему-то дающему людям от истины.

Правильно ответить на указанный вопрос можно только тогда, если при этом имеют представление о том, что берёт с собой человек, проходя через врата смерти от того, что он пережил здесь на Земле. Вы могли бы легко составить себе представление о том, что он берёт с собой, задумавшись вот над чем; как только вы закрываете глаза и затыкаете уши, вы не видите и не слышите ничего из вашего внешне чувственного окружения. Спросите себя: скольким из того, что душа с утра до вечера вбирает в себя как впечатления, скольким из того, что она носит в себе как представления, душа, в сущности, обязана зрению и слуху? - Итак, если бы человек не имел глаз и ушей, то большая часть содержания человеческой души вообще отпала бы. Но после смерти, - это совершенно точно, - у человека нет, ни глаз, ни ушей. То, что он воспринимал посредством глаз и ушей, он может пронести через врата смерти лишь в качестве воспоминания. Не следует сомневаться в том, что через врата смерти можно пронести лишь в качестве воспоминания всё то, что мы воспринимали посредством глаз и ушей, посредством чувственных органов. Точно также обстоит дело и со всем, что мы формировали себе как представления, обусловленные чувственными впечатлениями. Вам надо только представить себе то, что всё это при вступлении в

духовный мир приходится оставить позади; будет оставлено всё, что подступало к человеку через внешние впечатления.

Итак, какие же свойства должно иметь представление, которое мы должны пронести через врата смерти? Оно, совершенно несомненно, не должно вносить туда что бы то ни было от каких-либо внешних впечатлений; оно, - это представление, - совершенно несомненно должно иметь свойства, о котором материалистический образ мыслей мог бы сказать: то, что ты представляешь себе тут, вовсе не существует; ибо это нельзя увидеть глазами, нельзя услышать ушами. Итак, такое представление должно иметь такие свойства, чтобы его объект нельзя было воспринять внешне, так как то, что воспринимается внешне, не может как представление проходить через врата смерти. При этом я хотел бы заметить, что материализму следовало бы возразить также и потому, что он постоянно говорит о бытии и небытии, но правильно не знает, с чем он имеет дело с этим бытием ("Sein") или небытием (Nichtsein). Теперь для нас будет достаточно оставаться в пределах немецкой речи. «Sein» (быть) производят от «sehen» (видеть), вообще производят от «sehen». Итак, о том, что заложено в понятие «Sein», «бытие», вообще нельзя сказать ничего иного, как только: я это однажды видел. И все прочие разговоры о «бытии» есть вообще, ни что иное, как понимание того, что видели. Отсюда следует вывод, что в отношении вещей, которые человек пронесит через врата смерти, не надо говорить о бытии, ибо последнее означает: человек должен был видеть эти вещи физическими глазами. *(Разумеется, в других языках интерпретация была бы несколько иной - примеч. перев.)*

Так что же всё-таки дают людям религиозные учителя посредством своих представлений?

Они хотели дать людям такие представления, которые делают дух внутренне сильным, внутренне наделить его силой света, так, чтобы человек пройдя в сверхчувственный мир через врата смерти, вступил в него так, чтобы он сам стал своим собственным светильником, чтобы он был в состоянии от самого себя освещать вещи. Люди с большой легкостью заявляют: если я позволяю себе рассказывать о сверхчувственных мирах, как я могу узнать, что все эти представления по-настоящему верны? Ибо давайте допустим, что некто распространял бы представления о сверхчувственном мире, эти представления принимало некоторое число людей, - представления эти были бы фальшивыми, или односторонними, не соответствовали бы критерию правильности в том же самом смысле, как говорят о «правильном», говоря о физическом мире. Допустим, что представления эти были бы неверны, а некое число людей усвоило их. В таком случае было бы всё же лучше, если бы люди

приняли эти неверные представления, чем, если бы они не принимали совершенно никаких представлений о сверхчувственном мире. Но почему? Это было бы лучше постольку, поскольку наша душа должна прилагать усилия, если она принимает какие-либо представления о сверхчувственном мире. Принимает ли человек истинные или фальшивые представления, он должен прилагать усилия, и эти усилия засчитываются в духовном мире, когда мы идём через врата смерти. Эти усилия идут нам на пользу после смерти, они вообще идут на пользу, если мы вступаем в духовный мир. Ибо допустим, что мы проникли в духовный мир с совершенно искаженными воззрениями о нём, то вследствие того, что мы приняли их в себя, мы имели тренировку наших душевных сил, подобно тому, как мы тренируем члены нашего тела. И то, что мы выработали, образовали, мы имеем и после, мы вносим это в духовный мир. Когда мы вносим это в духовный мир, то там мы имеем нечто подобное тому, что имели мы здесь благодаря тому, что у нас были глаза. Мы тогда уже не остаёмся слепыми в духовном мире. Даже в том случае, если все принятые нами воззрения были бы совершенно неправильны, и мы всего лишь прилагали усилия, то благодаря этим усилиям мы сформировали бы себе наши душевные глаза, получили возможность видеть то, что существует в духовном мире.

Дело обстоит так, что сообщения разных религиозных учителей не то, чтобы являлись исключительно ложными; нет, они отображают истину о сверхчувственных мирах, хотя и с разных точек зрения: эти сообщения только кажутся противоречивыми. Одно надо дополнять другим. Но наиболее существенное, что присуще всем этим религиозным системам, это то, что все эти религиозные системы наделяют человеческую душу представлениями, благодаря которым душа делает себя сильной, чтобы вступить в духовный мир, которые пробуждают душу в её духовных подосновах. То, что дают душам отдельные религиозные учителя, они дают по мере способностей этих душ, в соответствии, как бы я сказал, с условиями, обстоятельствами отдельных человеческих рас, в соответствии с климатическими условиями, или иными условиями данной страны, времени, в которое эти религиозные учителя выступают. Однако общим для всех них является то, что души людей становятся сильнее, крепче, можно даже сказать, делаются внутренне просветлёнными для того, чтобы реальностью для них был не только физический мир, но чтобы и духовный мир мог быть для них реальностью. Душевым укреплением является то, что всеми религиозными системами даётся как универсальные истины в соответствии с различными возможностями.

В наше время существует необходимость постепенно воспринимать духовный мир всё более и более иным образом, нежели это могло происходить в истекшие, прошедшие эпохи.

Некоторые представления, сложившиеся с расцветом нового естествознания, должны быть в наше время внутренне усилены, внутренне укреплены, так, чтобы душа именно посредством таких представлений стала способной быть в духовном мире не мёртвой, но живой. Благодаря этому само по себе приходит нечто более глубокое, нечто такое, что душа реализует с большими усилиями, но и на большей глубине, нежели осуществляли это различные религиозные системы. На протяжении лет я приводил различные причины, почему наше время призвано к духовной науке. Но я хочу сказать: для того, кто стоит близко к духовной жизни, сегодня на каждом шагу обнаруживается, - и это относится к тому, что в наше время потрясает, - что духовная наука относится к неотъемлемым элементам, к ферментам, которые должна получать в наше время жизнь.

В последние месяцы многие, многие души прошли через врата смерти, прошли с ещё юными силами. Я уже указывал на то, что при обычном ходе дела те человеческие существа, чьи души таким образом проходят через врата смерти, по ожиданиям должны были бы прожить на Земле гораздо дольше. Когда человек проходит через врата смерти, то мы знаем, что он сначала слагает с себя физическое тело, а затем, через относительно короткое время слагает эфирное тело. Это эфирное тело начинает принадлежать тогда внешнему эфирному миру, а астральное тело и «я» принадлежат человеку и дальше. Об этом эфирном теле обычно говорят, что оно растворяется в духовном мире. Но время, за которое оно растворяется весьма различно. Если один человек стал в физической жизни глубоким стариком, то есть достиг, так сказать нормального возраста, то он использовал силы своего эфирного тела; тогда оно растворяется быстро. Если же человек проходит через врата смерти с юными силами, то его эфирное тело могло бы служить ему ещё десятки лет. Это эфирное тело является взаимосвязанной, структурированной в себе организацией. В этом втором случае оно растворяется не сразу. Оно отделяется от астрального тела и от «я». Эти последние идут в духовном мире своей дорогой; эфирное тело, хотя и отделяется, но растворяется не сразу. Вы, вероятно, сочтёте естественным, что человек сохраняет некую связь с этим эфирным телом, которое сначала отделяется, но продолжает существовать в духовном эфирном мире. Поэтому можно сказать: в этом духовном эфирном мире, - говоря абсолютно, вблизи ауры Земли, - существует чрезвычайно большое количество неиспользованных эфирных тел, эфирных тел со свежими силами.

Это особо впечатляющее при нынешнем наблюдении духовного мира; то, что мы противопоставим такому большому числу неиспользованных эфирных тел. Однако всюду, где мы захотим подойти к тем ощущениям, которые испытывают умершие по отношению к этим эфирным телам, мы замечаем одно. Само собой разумеется, что эти вещи таковы, что вы можете верить в них. Или не верить; ибо претензии на доверие я могу иметь только благодаря тому, что сообщения, которые я вам делал в течение многих лет, основаны на силе истины. В ощущениях умерших относительно их эфирных тел, заметно то, что через всех людей, принесенных теперь в жертву смерти, духовно доносится шепот: время пришло! Ибо из этих неизрасходованных эфирных тел излучается много, много сил. Они приходят в наш мир, но эти могут быть правильно применены человечеством только тогда, если вы направляете мысли в духовный мир. Тогда эти силы пожертвованных эфирных тел будут необходимой для человечества силой. Вот то, к чему в известном смысле призывают нас сегодня умершие: используйте наши эфирные тела не зря; не упустите время, когда силы наших неизрасходованных эфирных тел смогут послужить духовному прогрессу человечества!

И в особенности хочу я сказать: я однажды, или может быть чаще сообщал, как человек может придти на помощь умершим. Особенности обстоятельства делают возможным, что умершие получают кое-что от того, если мы читаем им и делаем им доступным то, чем мы овладеваем как духовной наукой. Я указывал на то, что для того, кто прошёл через врата смерти много значит, если мы в духе зачитываем ему материалы духовной науки, если мы духовно представляем его себе живым, полным жизни; если мы читаем не громко вслух, а как бы мысленно, - это может быть больше, может быть многое, - главу из духовной науки. Это покажется абсурдным тем, кто верит, что если человек прошёл через врата смерти, то весь духовный мир простирается вокруг него, так что ему незачем получать наше чтение. Но это совсем не так абсурдно. Само собой разумеется, умерший имеет вокруг себя духовный мир, он находится внутри него. Однако столь же мало, как здесь человек понимает мир, чувственно воспринимаемый мир, несмотря на то, что он находится в нём, если он не имеет знаний о нём, науки, так и умерший, вследствие прохождения врат смерти не имеет науки о духовном мире, хотя находится в нём. Этой наукой надо в большей степени овладеть здесь. Как то, что поглощается как питание является для умершего то, что мы ему читаем: это втекает в него. И человечество может получить в ближайшее время значительно большие силы в отношении спиритуального благодаря тому, что именно ту мантру, которую я всё время применяю теперь

в начале наших рассматриваний, - «Духи ваших душ, деящие стражи» и так далее, использовать для погибших, заменив (слова «людям Земли») на слова «людям сфер». Мы можем также, в то время как обычно это возможно лишь для тех умерших, которых мы знали сами, именно эту мантру адресовать от нас умершим, лично нам незнакомым. Можно, после того, как мы это мантру с благоговением применили, прочесть её неизвестным, и умершие, которые теперь из-за нынешних событий проходят через смерть, могут её принять. Тогда они с тем, что они смогут создать из связи с нами, на окольном пути будут со своей стороны оказывать воздействие на земную культуру посредством своих эфирных тел, они будут взаимодействовать с людьми, живущими на Земле для того, чтобы продвигать вперед спиритуальную жизнь.

Благодаря таким вещам мы, однако, достигаем и чего-то другого. Совершенно правильно то, что мы в некотором смысле живём в период наиболее мрачного материализма, и что эти военные события вызывают нечто подобное настоящей спиритуальной жизни. В отношении духовного есть большое различие, если, например, ещё в июле прошлого года или раньше кто-то путешествовал по Германии и наблюдал людей духовно; и если он делал это уже в августе, сентябре, или делает сейчас. Различие состоит в том, что раньше каждый имел свою собственную эгоистическую ауру, которая была тесно замкнутой, которая была как бы надета на людей. Теперь существует общественная, общая аура, в которую мысли втекают как нечто единое. Необычайно значительно в духовном отношении также и то, что все мысли нацелены в одном направлении. Вследствие этого на время военных событий создаётся нечто спиритуальное, чего не было до тех пор. Это вполне очевидно. Но представьте себе, каким должно это быть, при наступлении мира. Тогда души стали бы тем более опустошены, если бы не смогли из своего внутреннего мира обрести спиритуальное достояние; ибо в любое время человеку необходимо, чтобы он направлял свои мысли на что-то такое, что не имеет отношения к внешней реальности. Это в той или иной форме укрепляет его для духовного мира. Если это является представлениями о сверхчувственном мире, то это укрепляет его по отношению к добрым силам сверхчувственного мира; если же эти представления не о сверхчувственном, или если это нечто такое, что по отношению к сверхчувственному неправильно, неверно, то это тоже укрепляет человека для сверхчувственного мира; но в этом случае для люциферического или ариманического сверхчувственного мира. Однако задатки человека таковы, что духовное хочет говорить в нём. Можно было бы сказать: человек должен иметь нечто такое, что для внешнего мира неистинно; и

если он долго не допускает того, чтобы принять в свою душу нечто неистинное для внешнего мира, наступает реакция; реакция такого рода, что он становится вынужден верить в то, что неистинно для внешнего мира. Замечательным образом такие, основанные на вере представления, могут захватить человеческую душу. Конечно, души, побеждённые материализмом, внешне могут быть даже благочестивы. Такие души могут переживать указанную реакцию в особой форме. Они могут, например, можно сказать, в унисон составить такое представление: какой-то народ, обладающий культурой, есть, якобы, народ варваров, и сделать это (*противоречивое представление*) догматом веры. Помимо других точек зрения, это - есть ни что иное, как страстная тоска души по вере в нечто такое, что не имеет реальности в физическом мире. Поскольку люди больше не приучены направлять взор на истинно сверхчувственное, постольку они наполняют душу верой: некий народ есть народ варваров. Эта вера, ставшая догмой, от которой люди зависят столь же фанатично, как когда-то зависели они от каких-либо религиозных догм. Это - эрзац для веры, которой были долго лишены. Однако представляют себе, что это не продлится долго. Если снова наступит мир, у этих людей уже не будет этого реального эрзаца, который выражается в вере: некий народ есть, якобы, народ варваров. Тогда наступит страшное опустошение, очень страшное опустошение. Такова перспектива для той области, где сегодня порой таким отвратительно лживым способом создаётся вера, создается догмат. Для этих областей наступит страшное душевное опустошение. И это душевное опустошение можно будет преодолеть только тем, если вышеописанным способом будут правильно применены, правильно использованы неизрасходованные эфирные силы тех, кто освящен жертвенной смертью. Поэтому они нам говорят, как бы призывая нас к правильному использованию их эфирных сил, выражая спонтанное, сделанное после смерти открытие: время пришло! Человечество должно развиваться духовно, и эти нынешние события должны быть сумерками, из которых произойдёт новый восход Солнца.

Вот то, чем должны проникнуться те, кто испытал тяжкие потери: спиритуализация нашего времени в том крупном масштабе, как это необходимо, возможна только благодаря тому, что они получают помощь из духовного мира. Но средства для этой помощи должны быть достигнуты посредством тех болезненных событий, которые мы переживаем в нашей современности. Тем самым для духовного исследователя само по себе ясно, что эти события нельзя рассматривать чисто материалистически. Однако эти события почти всегда рассматриваются только материалистически. Можно пережить, - что мы и пережили, - как некоторое число людей одной

земной области, чувствовавших враждебную настроенность, обратились с призывом, который дошёл до других враждебных областей; эти враждебные области поставили вопрос: кто хотел этой войны? Один обвинял другого, что тот хотел войны. При этом всё снова и снова забывали о том, что при глубоком рассмотрении обстоятельства должны были быть ясны и что только, исходя из такого глубокого рассмотрения вещей, могло бы придти единственное благо для будущего. Эти события поистине были волей из духовного мира, так как духовный мир нуждается в тех силах, которые как плоды могут произойти из этого посева неиспользованных эфирных тел. И если хотят обвинять, то надо было бы обвинять в то же самое время и духовный мир. Но тем самым обвинения кого-то одного снимаются. Ибо тут обращают внимание на существующую железную необходимость, на ту железную необходимость, которая с точки зрения духовных миров, как бы взирает сверху вниз на нашу Землю, подобно тому, как мы должны смотреть на то что-то, если будет необходимо так или иначе использовать это, убить, вырвать из одной связи, чтобы построить нечто другое. Мы не можем построить дом, не наломав камней; мы тут не можем говорить о какой-либо вине, поскольку тут мы должны говорить о необходимости. Итак, для духовного мира необходимо потребовать те жертвы, которые востребованы сейчас, ибо необходим посев. Этим посевом являются именно те самые неиспользованные эфирные тела, которые затем живо проникают во всё становление человечества, которые должны быть в наличии, если развитие должно идти дальше, так как в ином случае у человечества не хватит сил, чтобы идти дальше. И мы, чтобы понять изнутри эти события, должны во всей полноте принять вышесказанное к сведению, помимо всего того, что означают сегодняшние события на внешнем уровне.

Рассматривая эти вещи таким образом, мы говорим себе: хотя я и не могу заранее увидеть, правильно ли всё то, что говорят, что я принимаю и духовного мира, я в данном случае, благодаря соединению моей души с этими откровениями из духовного мира, напрягаю душу, добавляю её сил; благодаря этому моя душа становится для духовного мира светящейся, она получает глаза для духовного мира. Однако условия духовного мира иные, нежели условия физического мира. В физическом мире мы можем быть удовлетворены, если мы уловили какую-то мысль и увидели её истинность. В практической жизни физического мира достаточно того, что мы однажды увидели истинность какой-то мысли. Я имею в виду вот что: если коллегия судей хочет установить, виновен ли человек в каком-то деле, вопрос считается решённым, если однажды было установлено, что этот человек виновен в каком-то

поступке. Тем самым закончено всё, что необходимо. В духовном мире, напротив, совсем не всё закончено, если человек однажды уловил какую-то мысль, но необходимо, чтобы он всегда возвращался к ней. Поэтому при духовных условиях дело идет о возвращении, повторении. Дело не просто в том, чтобы узнать нечто о вещи, но в том, чтобы в душе всё снова и снова делать это настоящим моментом, «осовременивать» (*gegenwaertig zu machen*). Это касается также медитативной жизни; посредством повторения мы должны позволить содержанию медитации присутствовать в настоящий момент, «осовременивать» его. Благодаря этому то, что всегда современно, всегда присутствует, будут воздействовать посредством своей силы так, как если бы капля постоянно капала на камень и, в конце концов, делала в нём полость. Если капля падает на камень один раз, она не оставляет следа; если она упадёт десять или сто раз, тоже нет; но, в конце концов, она продолбит камень. Если мы принимаем в свою душу нечто, может показаться, что будучи воспринято один раз, оно ничего не означает для души, десять раз - тоже ничего; но если у нас есть терпение, мы можем придти к тому, что ощутим вечное сущностное ядро человека. Ибо дело в силе, которую мы тут развиваем; эту силу люди избегают раз за разом, они не хотят её иметь. Почему же они не хотят иметь эту силу?

Почему люди не хотят иметь эту силу, почему сегодня они испытывают отвращение перед духовной наукой, - на это мы сможем ответить тогда, если снова с точки зрения духовной науки посмотрим на значение духовнонаучных представлений для жизни после смерти. Важнейшими после смерти оказываются те представления, которые не отражают того, что существует во внешнем мире, которые не имеют отношения к внешнему бытию, и о которых грубо материалистически настроенный человек может сказать: да они ничего не значат в жизни. Но эти представления являются наиболее важными после смерти. Ибо образы таких представлений требуют той крепкой силы последующего ощущения, последующего осмысливания, последующего чувствования, которые делают душу сильной, делают её такой, что она переживает сама себя, она чувствует себя в духовном мире. Так что такие представления нужны душе, если она идет через врата смерти.

Посредством чего можно достичь таких представлений? Это мы уже знаем: только благодаря тому, что душа в большей мере напрягается, прилагает усилия, нежели в ином случае напрягается она обычно. Ибо, чтобы составить представления, которые сегодня составляют себе естествоиспытатели, учёные, надо всего лишь смотреть то ли в микроскоп, то ли в телескоп. Здесь человек прекрасным образом ведёт себя пассивно, получает впечатления от

мира и может регистрировать их. Это так часто бывает: человек не любит внутренне напрягаться. Ведь в случае того, что человек не видит, требуется более сильное напряжение, чем в случае того, что он видит; именно это сильное напряжение, усилие мышления противно человеку, он избегает его. Так что человек, - извините за крепкое выражение, - оказывается внутренне ленивым, внутренне стремящимся к удобству. Глубочайшей характеристикой современного научного стремления является внутренняя лень, склонность к удобству, нежелание извлечь из души силы. Если же человек делает это, если он извлекает силы из души, то чему содействует это после смерти? Да, человек имеет после смерти кое-что от этих извлечённых наружу сил, имеет то, что обычно имеют совсем неохотно, поскольку большей частью живут в иллюзии. Но я хочу сразу же указать на причину, почему нет охоты иметь это. Если человек через смерть или через инициацию вступает в духовный мир, речь идёт о том, что человек после смерти должен пережить нечто, являющееся в некотором смысле второй смертью. Существует своего рода смерть вторая. Вам известно, что человек позднее должен отделиться также и от своего астрального тела; он или может проделать это сознательно, или проспать. Но в человеческой душе живёт тайное стремление проспать этот момент, не испытывать его сознательно. В человек живёт известный, неправильно интерпретируемый страх; страх пробудиться после смерти настолько, чтобы замечать все вещи, окружающие его. Этот страх вполне подобен тому, что здесь делает для человека приятным не очень активно жить в этой жизни, не быть всегда пробуждённым, но идти по жизни в состоянии опьянения, приглушенности. Тогда жизнь приятнее. Если бы человек мог всегда лежать в постели, мог проводить свою жизнь в полусне, - это было бы наиболее приятное. Но делать так удаётся не всегда. Человек должен пробуждаться. И если он до указанного мною момента может быть в оглушении относительно вещей после смерти, то теперь он уже не смеет оставаться в оглушении после смерти. Человек должен проснуться. Но он боится этого. Поэтому-то противятся сами себе те, кому следовало бы владеть духовной наукой, как тот исследователь, который говорит: даже нервные нарушения в спине, руках и ногах обусловлены психикой, душевным. Он противится принять духовную науку, поскольку имеет суеверный страх по отношению к ней. Он уподобляется каждому, кто говорит: раз у меня что-то пропало, значит украли; ведь ветер не мог это унести, итак, оно пропало не из-за внешних сил природы, - значит, его утащил человек! На этом он и останавливается. Он не идёт дальше, поскольку боится, что его поколотят. Так поступают некоторые исследователи, как, например

Бинсвангер(29). Они говорят: причиной некоторых нервных нарушений в руках, ногах и так далее, находятся в области психики, в области душевного. Но на этом они и останавливаются; они не идут дальше, поскольку боятся, что их могут поколотить, пардон! - поскольку они охотно просыпают то, что происходит в духовном мире.

Нам следовало бы усвоить ощущение, что именно современный исследователь должен был бы носом наткнуться на реальность духовного мира, но он не желает подступить к нему. Но если бы такой исследователь захотел подойти к духовному миру, ему бы стало ясно, что человек не смеет говорить о делах духовного мира в общем, но должен позитивно входить в духовную науку, и что само по себе вхождение в духовную науку будет своего рода целительным процессом. Так связаны эти вещи. Не сами по себе духовные заболевания умножились; верить в это было бы ошибкой. На самом деле в новое время особенно широко распространилось то, что можно назвать нервными нарушениями. Если эти вещи пойдут и дальше так, как шли они до сих пор, обнаружится, - ход развития человечества покажет это, - что нервные нарушения станут всё сильнее и сильнее, если старые условия останутся прежними.

Это можно показать на примере весьма интересных фактов. Есть один австрийский поэт: *Роберт Гамерлинг(30)* - отличный поэт, о котором кое-что уже говорилось в нашем курсе. Этот человек большую часть второй половины своей жизни был прикован к постели. Он был тяжело болен; всё больше и больше развивалась его тяжелая болезнь. Но нервным он не стал. Ничто не обнаруживает в его стихах нервного характера. Даже в то время, когда он мог лежать только на одной стороне тела и должен был писать, испытывая страшные боли, он не писал нервно. Почему? Он принадлежал к той средневропейской культуре, которая ещё не прониклась нервозностью в той же самой степени, как духовная жизнь других европейских народов. Тем самым мы не умаляем эту духовную жизнь, но надо просто уяснить себе факты. Я переживал, как, после понимания, существовавшего относительно таких вещей в семидесятые, восьмидесятые годы прошлого века, как это было, например, у Роберта Гамерлинга, неожиданно в восьмидесятые годы необычный ажиотаж вызвал *Достоевский(31)*. Само собой разумеется, я не хочу тем самым умалять Достоевского, но то, что он преподносит нам, есть крайне нервное, беспокойное искусство, при всём его величии. Такое нервное искусство пришло, когда материализм устремлялся всё дальше и дальше, - а искусство Достоевского материалистично, даже когда оно является «психологией».

Если бы это не пришло, должны были бы придти мощные силы, которые эта человеческая душа должна была бы расходовать, действительно усвоив себе такой ход мысли, что Сатурн, Солнце и Луна являются предварительными стадиями земной эволюции. Ибо надо подходить к настоящему человеку современности с такими представлениями, как развитие (*древнего*) Сатурна, развитие (*древнего*) Солнца, и так далее, надо требовать от него делать те мыслительные усилия, чтобы естественным образом с необходимостью находить такие вещи; ради этого душа должна прилагать значительные усилия, напрягаться, и, как следствие: нервозность будет изгнана! Для этого надо иметь терпение, но нервозность будет изгнана. А то, что в ином случае стало бы распространяться по всей культуре как всеобщая нервозность, будет излечено, если человечество поймёт то, что исходит от духовной науки благодаря расширению духовного потока. В то время как в ином случае человечество будет беспокойно трепыхаться, духовная наука, приходя с другой стороны, принесёт исцеление. В то время как психиатр, перед тем, как проникнуть в духовную науку, должен констатировать: нервные проявления возрастают, он потом, возможно должен будет утверждать, что наилучшим лечебным средством против нервных проявлений будет то, что он скажет больному: бери книгу по духоведению на три четверти часа каждый день, и пытайся её проработать; тогда твои нервы станут крепче. Это относится и к вам. Но поверят в такие вещи лишь тогда, если уяснят себе, что в соответствии с приведенным в начале данной лекции сравнении, душевная жизнь не имеет ничего иного по отношению к нервной системе, жизни нервов, кроме того, что эта душевная жизнь вызывает выделительные процессы. Нельзя курировать душевную жизнь, если придавать особую ценность этим выделительным процессам: это будет возможно, если то, что не имеет дела с выделительными процессами, будет усилено изнутри, будет проникнуто из души посредством того, что в душу будут втекать спиритуальные силы. Придёт время, когда рецепты будут выписывать в соответствии с духовной наукой; будет применяться то или иное, что может быть получено только благодаря духовной науке, особенно в случае заболеваний нового времени. Пока что мы ещё, конечно далеки от этого; ибо пока ещё долго будут считать вполне доказанным, что какая бы то ни было терапия является вздором, если основана она в обрамлении мистических методов; при этом со словом «мистика» обращаются тем произвольнее, чем меньше знают, чем, в сущности, является мистика. Ведь **мы** менее всего употребляем выражение мистика; мы используем его только как техническое выражение; чаще всего это выражение употребляют те, кто не имеет понятия, что такое мистика.

Обозревая эти вещи, не будем скрывать от себя, что мы живём в значительнейшее кризисное время. Я часто говорил: не моё дело говорить, что мы живём в переходное время; ибо каждому времени что-то предшествует и что-то последует за ним. Но речь идёт о том, чтобы имея дело с «переходным временем», знать, в чем конкретно состоит переход. В наше время переход состоит конкретно в том, что всё, происходящее в наше время показывает нам: люди должны найти переход к пониманию спиритуальных миров. Тогда они обретут в спиритуальных мирах покой, внутреннюю прочность, внутреннюю уверенность. Это то, в чём, безусловно, нуждаются люди.

Если вы хотите ощутить в душе, как душа посредством духовной науки может достичь новой формы покоя, было бы хорошо взять для медитации следующий материал: поистине значительно то, что уже три или четыре столетия люди должны были постепенно привыкнуть к представлению, что они несутся через мировое пространство, действительно стремительно несутся через мировое пространство. Конечно, каждый может сказать, что он это знает; но люди не думают обычно о том, как они ещё учили в школе, что они с чудовищной скоростью мчатся через мировое пространство. В этом отношении можно вспомнить про того, кто однажды улегся в канаву, улегся с удобствами, и все же был страшно недоволен; когда же его спросили, чем ты так недоволен, ведь тебе ничего делать не надо, он отвечал: ага, но я ведь должен помогать Земле вращаться вокруг Солнца и мне было бы приятней этого не делать. Это был первый, кто принял всерьёз мысль о вращении. Люди обычно не думают об этом, но, тем не менее, это живёт в людях, хотя они и не думают об этом. Итак, продолжим мысль: в последние три или четыре столетия люди привыкли строить свои представления о Земле, несущейся в мировом пространстве: мировое пространство должно оказывать ей сопротивление. Это правда; было нечто успокаивающее в старой вере, что Земля спокойно стоит на месте, а движется Солнце. И еще *нескоро будут поняты ошибки мировоззрения Коперника: ведь дело обстоит иначе, нежели учат сегодня*(32). Однако можно придти к тому, что благодаря оживлению представлений духовной науки достичь такого положения, когда человек, сидящий в железнодорожном вагоне или едущий на корабле, может применить внутренние усилия против грохота, чтобы не слышать его, но находится всецело «в себе». Сегодня это возможно только благодаря духовнонаучным представлениям. Но следует учесть, что для этого необходимо постоянно возобновляющееся повторение, поскольку тут дело в силе, которая возникает благодаря ему. Тогда человек остается в себе, при себе, он спокоен и уверен. В качестве хорошего

медитативного представления я мог бы отметить следующее: в нас могут войти силы духовного мира, если мы правильным образом приносим им навстречу этот покой. Только благодаря тому могут они стать осознанными нами, если мы выступим им навстречу посредством той жизни представлений, которая была характеризована выше.

Это характеризует то переходное время, в котором мы живём; мы действительно находимся на этом переходе. Тоска по духовному миру живёт в душах, хотя об этом сегодня по большей части не знают. Однако вследствие того, что теперь как совершенно особые события захватило большую часть Земли, развивается сознательная тоска по духовному миру. Сегодня духовный исследователь может знать: все пожертвованные неизрасходованные эфирные тела будут высвободить глубочайшую тоску по духовному миру. Эта глубочайшая тоска будет приходить, тоска по истине, которая должна быть достигнута не посредством внешнего наблюдения, но внутренне, вследствие напряжения, усилий души. К этому на самом деле готовится немецкий Дух. Он готовится к такой истине, которая является истинной сама по себе, а не вследствие внешнего подтверждения. К этому готовится немецкий Дух. Повсюду находят доказательства этому. Те, кто поистине пробился в сущность немецкого Духа, в своих мыслеформах должны были говорить об истине, как о внутреннем даре человеческой души. Что сказали бы сегодня они по поводу того, что переживается в наши дни? В первые дни августа можно было прочесть в заграничных газетах: Гамбург - это груда руин; русские вступили в Штеттин и даже в Кёльн. Ещё долго распространялись и совсем иные вещи. Кайзер Франц Иосиф умер, как известно, 8(21) сентября 1916. Что сказал бы об этом один из тех, кто был характеризован выше?

«Латунь вместо золота(33), поддельные векселя вместо настоящих могут продавать единицы, проигранные сражения выдают за победы многие; прочая ложь о чувственных вещах и отдельных происшествиях на некоторое время вызывает доверие, однако в случае знания о сущности, при котором сознание обладает собственной непосредственной достоверностью, мысль отбрасывает заблуждение».

Это могло бы быть написано из глубины того, что приходится испытывать сегодня. Это написал Гегель, а он умер в 1831 году. Своеобразие состоит в том, что если кто-то глубоко охвачен внутренней природой истины, то говорит вещи, которые верны во все времена; тогда то, что было высказано из сознания истины, можно приводить во все времена. Это то, что надо сказать об отличительном свойстве средневропейского Духа, об его совершенно особенном отношении к истине: это несомненно для

того, кто прикладывает усилия, чтобы ознакомиться с фактами. Сегодня у человека возникает чувство, что часто приходится спрашивать: для чего эти люди учили историю? Может быть, они даже и не учили её. Дело обстоит так, как если бы души родились только после 1 августа (14) 1914 года, и при выработке суждений не учитывают того, что происходило раньше. Но ведь, в конце концов, всё это происходит только ради того, чтобы вызвать как можно большую и интенсивную реакцию, чтобы как можно сильнее и интенсивнее вызвать в душах потребность к истине, удостоверяемой изнутри. Такова природа переходного периода в наше время, когда этой внутренней связи с истиной так сильно не хватает, и эта нехватка заявляет о себе. Как реакция будет возникать глубочайшая тоска по истине. Тогда те души, которые воплощены здесь в телах, будут слышать, что говорят им те души, которые, будучи в настоящее время подготовлены жертвенной смертью, познали истину в большей степени, чем познают её обычно.

Вот то, что хотел я сказать в эти часы, чтобы заново подкрепить то, что я уже часто высказывал в это время о живой речи, которую обращают к нам эпохальные события. Ибо поистине: эти эпохальные события говорят об этом. Они говорят для тех, кто мужественно посвящает себя им, кто с радостью приносит себя им в жертву, кто с печалью смотрит на это время, они говорят ради мужества и утешения - мужества и утешения ради новых сил:

Из мужества бойцов,
Из крови павших,
Из страданий оставленных,
Из жертвенных дел народа,
Взрастёт духовный плод -
Если, сознавая Дух,
Души направят свои чувства
В царство Духа.

ЛЕКЦИЯ СЕДЬМАЯ
Берлин, 22 февраль 1915

Мои дорогие друзья, сначала мы вспомним тех, кто стоит там, на полях великих сражений современности:

Духи ваших душ, деящие стражи
Ваши крылья могут донести
Наших душ молящую любовь
Вашей защите доверенным
Людям Земли,
Чтобы соединяясь с вашей мощью
Наша просьба, помогая, сияла
Душам, которых она, любя, ищет

И для тех, кто вследствие этих событий уже прошел через врата смерти:

Духи ваших душ, деящие стражи
Ваши крылья могут донести
Наших душ молящую любовь
Вашей защите доверенным
Людям сфер,
Чтобы соединяясь с вашей мощью
Наша просьба, помогая, сияла
Душам, которых она, любя, ищет

Пусть тот Дух, Которого мы ищем посредством наших устремлений в духопознании, Который на благо Земли и ради человеческой свободы и прогресса прошёл через Мистерию Голгофы, будет с вами и с вашим тяжким долгом!

В сегодняшней вечер мне хотелось бы рассмотреть кое-какие познания о связи нашего физического мира с духовным миром, и присоединить к этому кое-что о внутренних событиях в нашем собственном движении. В этом интимном, замкнутом кругу такое вполне возможно. И прежде всего я знаю, что эти сообщения я должен сделать ради тех, кто во время своей физической жизни стали нашими сочленами, оставаясь ими и в своей дальнейшей жизни; в связи с нами я должен привлечь отдельные факты, о которых я думаю говорить сегодня.

Именно в последние недели, мои дорогие друзья, карма распорядилась так, что я, находясь в тех местах, где происходила кремация дорогих друзей, должен был говорить при этой кремации. В целом это было связано с другим фактом, с тем фактом, что мне довелось в связи с этими лицами получить некоторые замечательные впечатления из их бытия в духовном мире, после

того, как они незадолго до этого, примерно всего лишь за день, прошли через врата смерти.

Ведь я уже часто упоминал: получает ли человек то или иное впечатление из духовного мира, зависит от многих обстоятельств. В первую очередь это зависит от того, насколько действительную, насколько сильную внутреннюю связь удастся установить с данными душами. Это может проявляться так, что иногда человек живёт, веря, что ему приходилось иметь совершенно особенную связь с той или иной душой. И всё же такие случаи редки. У некоторых душ опытным путём знакомятся с тем, что такую связь установить легче.

В трёх случаях, о которых я буду говорить в первую очередь, мои дорогие друзья, возникла интенсивная потребность получить впечатления непосредственно после смерти, которые связаны со всем существом этих душ. Мне хочется сказать, что в этих случаях это получилось само собой. Не правда ли, ведь говоря на погребальной церемонии можно, само собой разумеется, говорить о самых разных вещах, но в этом случае возникла внутренняя необходимость связаться с существом данных душ и как бы облечь в слова сущность данных душ при церемонии кремации. Это было не так, как если бы я взялся характеризовать сущность этих душ при погребальной церемонии; нет, но возникла подобная озарению необходимость, что так должно быть. Я не хочу сказать, что в других случаях должно быть точно также. Эта подобная озарению необходимость возникла в случае одной души, поскольку мне, - я говорю об этом не как о закономерности, но как об опыте, о переживании, - поскольку ко мне как раз после смерти из духовного мира пришли побуждения, чтобы характеризовать сущность этой души. Мне не было необходимости подбирать слова; слова были даны, слова пришли. И мы, мои дорогие друзья, увидим потом, почему это было именно так, увидим из пояснений о дальнейшей жизни этих душ после смерти, пояснений, которые можно будет сделать.

Прежде всего, я должен, для того, чтобы всё в целом было понятно, сделать несколько замечаний об особенной природе таких переживаний. Если мы хотим получить впечатление здесь, в физическом мире, мы противопоставляем себя вещам. Мы образуем мысль по мере того как мы видим эту вещь, слышим её или осязаем; человек знает, что тот, кто образует мысль есть он сам. Если же мы имеем дело с душой, которая прошла через врата смерти, тогда мы тотчас же замечаем, как всё то, что мы делаем в мыслях, в словах, удаляет нас от данного существа; что тут необходимо целиком отдать себя тому, что проявляется в нас. Если человек хочет выразить в словах это впечатление, то он должен на деле иметь в

самом себе возможность, чтобы эти слова образовывались в нём сами по себе, чтобы он сам ни делал ничего для того, чтобы эти слова возникли в нём. Надо суметь внутренне вслушаться в эти слова. И когда человек внутренне прислушивается, он обретает уверенность: эти слова высказаны не мною самим, но пришли от существа, которое прошло через врата смерти.

Случилось так, что в последние недели года *наш старейший сочлен(34)* ушел с физического плана. Старый сочлен, который долго, на протяжении большого числа лет с действительно глубокой сердечностью вживался в наше движение, оживляя в своих чувствах, в своих душевных переживаниях то, что как идеи, как представления может дать наша духовная наука. С огромной самоотдачей эта личность идентифицировалась в своей душе со всем, что волеизъявлялось и действовало через нашу духовную науку. Дело было в том, чтобы в некотором смысле предаться тем впечатлениям, которые исходили из этой души. И замечательным образом случилось так, - это можно констатировать, - что в течение немногих часов после наступления физической смерти не только некоторое словесное впечатление, но в слышимых действительных словах было дано впечатление, характеризующее данную душу. К этим словам не было добавлено ничего иного; имела место лишь попытка в чистоте охватить то, что через собственный внутренний мир говорила такая душа, ибо следует назвать это именно речью. Это и были те слова, которые я произносил при кремации. Это были слова, которые, как сказано, не были моими словами; нет, они были словами, - и я прошу точно взвесить слова, которые употребляю, - словами, которые приходили от той, прошедшей через смерть души:

Я хочу нести в мировые дали
Моё чуящее сердце, чтоб оно потеплело
В святой действенной силе огня;

Я хочу ткать в мировых мыслях
Своё мышление, чтоб оно стало ясным
В свете вечного становленья жизни;

Я хочу погрузиться в основах души
В верные чувства, чтобы они стали сильнее
Ради истинных целей людских деяний;

Я стремлюсь к божественному покою
С борением жизни и с заботой
Моё «я» подготовить для высшего «Я»;

Я стремлюсь к радости мирно работать
Чуя бытие мира в своем бытии,
Человеческий долг я хочу исполнить;

Я смею тогда жить в ожиданье
Навстречу звездам моей судьбы,
Что уделят мне место в обители Духа.

И затем, когда я ещё говорил эти слова во время погребальной речи, я должен был в конце изменить их, не осознавая этого заранее, и сказать:

Я смею тогда жить в ожиданье
Навстречу звездам моей судьбы,
Что уделят мне место в обители Духа

Было ясно, что это было. Это была попытка со стороны данной личности так напечатлеть в словах то, что за годы приняла в своё собственное существо как духовнонаучные мысли, идеи, чувства и ощущения, пройдя через смерть напечатлеть так, чтобы эти идеи, эти ощущения стали силами, которые эта личность, это существо образовывало бы и напечатлевало после смерти. Итак, эта личность применила идеи и представления духовной науки, чтобы как-то обозначить, запечатлеть собственное существо; однако запечатлеть так, как это существо затем действительно душевным образом идет дальше в духовный мир.

Вскоре *мы потеряли на физическом плане другого друга нашего движения, другого сочлена*(35). И в случае этого сочлена опять-таки возникала настоятельная необходимость характеризовать это существо. Но это происходило не так, как было в уже упомянутом случае. В только что упомянутом случае в тех напечатлённых словах всё было так, что можно сказать: душа, прошедшая через врата смерти высказала то, чем она себя чувствовала и чем хотела стать; она высказала самое себя. В этом втором случае, дело обстояло так, что человек с собственной душой должен был как бы противопоставить себя и должен был наблюдать духовно существо данной души. Затем эта душа тоже высказывала себя, но высказывала такими словами, которые, всё же, брали материал для собственной характеристики из души наблюдателя. Так что то, что тут делала душа, прошедшая через врата смерти, было лишь побуждением для того, чтобы высказать то, что должен был чувствовать человек, противостоящий этой, прошедшей через

смерть душе. При этом возникли следующие слова, которые и должны были быть произнесены при церемонии кремации:

Ты выступала среди нас,
И существо твоё подвигла кротость
И сила тихая в очах твоих вещала
О том покое, где жила душа,
Покое, льющемся в волнах,
С которыми твой взор,
К вещам и к людям,
Нёс то, что ткалось у тебя внутри;
И это существо одушевлял
Твой голос, что вещал
Звучаньем слова больше,
Чем смыслом слов самих,
И открывал, что скрыто
В душе твоей прекрасной пребывало;
Так пусть же беззаветная любовь
Людей, проникнутых участием
Без слов себя раскроет -
Для существа, что нам о благородной
И тихой красоте творений Мировой Души
Вещает чувством утончённым.

Когда эти слова были произнесены в начале и в конце погребальной речи, началась кремация. И можно было наблюдать, мои дорогие друзья, что этот момент, - то есть заметьте, не в тот момент, когда звучала речь, но в тот момент, когда жар печи охватил тело, - в этот момент произошло то, - я буду потом говорить об этом точнее, - наступил своего рода первый осознанный момент после смерти. Я сказал «осознанный момент» и подразумеваю следующее; сразу же после смерти имеет место ретроспективный обзор того, что появляется в эфирном теле как панорама жизни. Но через несколько дней это пропадает. В данном случае по необходимости время между смертью и кремацией длилось довольно долго. В среду вечером в шесть часов наступила смерть; а кремация состоялась в следующий понедельник в одиннадцать часов. К тому времени уже ушли эти образы, эта панорама жизни. Итак, первый момент некоторого сознания после панорамы жизни наступил тогда, когда жар огня в печи охватил тело. И тут ясно обнаружилось, что форма воззрения, вид всего мирозерцания для такого одухотворившегося существа иной, нежели для человеческой души, пока она находится в физическом теле. В физическом теле мы видим вещи пространства так, что они остаются на месте, если

мы удаляемся от них. Если здесь стоит стул, и я его вижу, а затем отхожу немного дальше и оглядываюсь, стул всё ещё здесь. Я оглядываюсь на него. Если я отхожу дальше, стул всё ещё там, он остаётся стоять. Однако, - пока мы живём в физическом теле, - с событиями, которые разыгрываются во времени, дело обстоит не так. События, которые мы имеем во времени минуют нас, уходят от нас, они не остаются на месте. Событие, прошедшее мимо нас, уходит в прошлое, и если мы смотрим назад, мы можем видеть его позади только благодаря памяти. Лишь наше прошлое связывает нас с событием. Для духовного существа это не так. Оно видит событие как бы стоящим на месте, так мы здесь видим в пространстве вещи, стоящими на месте. И это было первым впечатлением той души, о которой я говорил. И которая с погребальной церемонии присутствовала во всём том, что там делалось и говорилось. Эта погребальная церемония уже пять или десять минут как миновала, но для умершего она всё ещё была здесь, предстояла перед ним, как в ином случае предстоят перед физическим человеком лишь вещи в пространстве. И первым впечатлением был этот взгляд назад, на то, что тут говорилось; итак, прежде всего, взгляд назад, на слова, которые для неё звучали, на слова, которые я только что произнёс. Дело обстоит поистине так, как сказал об этом из глубокой интуиции Вагнер: *«Время становится пространством»*(36). То, что прошло, для духовной жизни не прошло, но стоит тут, как для физического человека стоят вещи в пространстве. Итак, это было первое впечатление после смерти, эта похоронная церемония, и то, что при этом говорилось. В этом случае дело было так, что этот взгляд назад, это созерцание того, что происходило при похоронной церемонии нельзя назвать окончательным просветлением сознания, ибо затем снова наступило сумеречное состояние, о котором я буду говорить. Только через некоторое время снова наступило такое просветление сознания. Опять-таки просветление сознания наступало медленно и постепенно. Прошли месяцы, пока оно не стало настолько полным, что мы можем говорить о том, что умерший имеет вокруг себя полный духовный мир. Но позднее, как раз благодаря более позднему просветлению сознания, именно у данной личности обнаружилось интенсивная потребность всё снова смотреть на этот момент, именно на этот момент, ясно удерживать перед глазами этот момент. Это находится в полном согласии с тем, что, - как я сообщал, - мы можем знать обо всём поведении человека после смерти.

Третий случай тот, который касается нашего дорогого берлинского сочлена: это случай с нашим умершим другом и сочленом Фрицем Митчером. *Фриц Митчер*(37) прошёл через врата

смерти незадолго перед своим тридцатилетием, перед завершением своего тридцатого года жизни. Ему исполнилось бы тридцать лет 26 февраля, которые наступают теперь.

В случае Фрица Митчера в собственной душе, душе наблюдателя выступает прежде всего побуждение направить мысли к его существу после смерти; это побуждение вызвано его интенсивной преданностью нашему духовному движению. В этом отношении он был прямо-таки образцовой личностью. Образцовой личностью в том смысле, что он, по природе своей склонный к научному образованию, по внутренней необходимости, по глубокому внутреннему побуждению, всё более и более раскрывал задатки к тому, чтобы всю свою учёность, которую ему хотелось усвоить, поставить на службу нашему духовнонаучному движению. Тем самым он был одной из тех личностей, которые были столь нужны в развитии нашего духовнонаучного мировоззрения. Современность требовала того, чтобы внешняя наука, внешние научные стремления использовались душой так, чтобы эти внешние научные стремления сливались с познаниями, достигнутыми из духовного мира, познаниями, к которым мы хотим подойти. Это воодушевляло юношескую душу Фрица Митчера. Ещё когда его наблюдали здесь, в жизни, возникало чувство, должно было возникать чувство; да, этот человек на верном пути относительно нашего движения.

Друзья вспомнят о том, что я говорил несколько лет назад по поводу другой смерти; именно у таких личностей, которые вобрали в себя то, что может дать в современности физическая наука, если они рано проходят через врата смерти, выявляется что они после смерти становятся выдающимися сотрудниками нашего духовного движения, которое предоставлено не только душам, пребывающим здесь, в теле. Если бы мы не имели сил тех душ, которые, обладая земным знанием, прошли через врата смерти и там остались связанными с волей, которая должна струиться через наше движение, мы в наше нынешнее материалистическое время не могли бы питать надежды на продвижение вперёд, надежды, которую мы должны питать в той мере, насколько это оправдано.

Так из души Фрица Митчера изошло нечто, что было обобщено в словах, которые я смог выразить не иначе, а так, как я их сейчас хочу прочесть вам, и которые также были произнесены при кремации:

Осчастливит нас надежда:
Вот вступаешь ты на поле,
Где расцвет земного духа
Силою бытия души
Путь к открытиям укажет.

К светлой истине с любовью
Твой порыв издревле сроден;
Сотворять из света духа –
Было строгой целью жизни,
И стремленьем неустанным.

Чудный свой талант взрастил ты,
Чтоб путём духопознания,
Одолев соблазны мира,
Истины слугою верным
Твердым шагом к Ней идти.

Развивал ты око духа,
Чтобы смело и упорно,
Чтоб в пути по оба края
От ошибок сберегало,
Место дав в тебе для правды.

«Я» твоё для откровенья
В чистом свете создай ты,
Чтобы мощно сила Солнца
У тебя в душе светила
Радостью, заботой жизни.

Прочьи радости, заботы,
Миновали твою душу,
Ведь по жизни свет познания,
Тот, что смысл бытию дарует,
Как сокровище ценил ты.

Осчастливит нас надежда:
Вот вступаешь ты на поле,
Где расцвет земного духа
Силою бытия души
Путь к открытиям укажет.

Глубока нам боль потери,
Той, что ты покинул поле,
Где земной зародыш духа
В лоне бытия души
Чувство сфер в тебе растили.

Ощути как мы с любовью

Смотрим в выси, что тебя
Там зовут к иным деяньям.
Дай оставленным друзьям
Сил своих их сферы духа.

Просьбу наших душ услышь ты,
Ту, что шлём к тебе с доверьем:
Для трудов земных нужна нам
Сила из страны духовной,
И друзей сквозь смерть прошедших
За неё благодарим мы.

Осчастливит нас надежда,
Глубока нам боль потери;
Дай надежду, в дальней близости
Нам всегда светить по жизни
Звездною душой из царства духа.

Эти слова, мои дорогие друзья, тоже надо рассматривать как нечто, происходящее при своем образовании из идентификации с душой, прошедшей через смерть. Они даны как некая необходимость, даже если они были высказаны не самой душой (умершего), даже если из этой души изошло всего лишь побуждение; они появились как необходимость благодаря силам, которые исходили из той души, появились именно так, чтобы вплоть до отдельных нюансов быть высказанными так, как они и были высказаны. Я действительно ничего, ничего иного не предпринял с этими словами; то есть с теми словами, которые я вам только что зачитал. Поэтому для меня было в высшей степени потрясением, когда ночью последовавшей за похоронами, душа нашего Фрица Митчера ещё не из сознания, но из его существа некоторым образом ответила на то, что говорилось при похоронах; ответила, когда от неё, то есть от души, прошедшей через смерть, пришли следующие слова:

«Я» моё для откровенья
В чистом свете созидаю,
Чтобы мощно сила Солнца
У меня в душе светила
Радостью, заботой жизни

Прочьи радости, заботы,
Миновали мою душу,

Ведь и в жизни свет познания,
Тот, что смысл бытию дарует,
Как сокровище ценил я.

То, что эти строфы могут быть также сказаны так, что каждое «тебя» может быть изменено на «меня» и «твое» на «мое», мне даже в голову не приходило, когда я записывал эти строки. Для меня было живо только это:

«Я» твоё для откровенья
В чистом свете созидай ты,
Чтобы мощно сила Солнца
У тебя в душе светила
Радостью, заботой жизни.

Прочьи радости, заботы,
Миновали твою душу,
Ведь по жизни свет познания,
Тот, что смысл бытию дарует,
Как сокровище ценил ты.

Теперь слова были изменены именно так, и они могли быть переставлены так, что без каких-либо грамматических изменений, только ««Я» твоё...созидай ты» было изменено на ««Я» моё... созидаю», а «У тебя в душе светила» на «У меня в душе светила» и так далее.

Тут вы имеете замечательную связь между тем, что было произнесено здесь, с душой, которая прошла через врата смерти; связь, которая показывает, как то, что говорилось здесь, возвратилось из души не просто как эхо, но возвратилось, будучи разумно измененным. Мне только хотелось бы заметить, что когда эти слова были напечатлены, через мою душу как потребность прошло ощущение, основным нюансом которого было следующее: это было ощущение, как если бы у меня возникла необходимость именно этой душе при её прохождении через врата смерти дать некоторое поручение. Ведь мы знаем, сколь многое в нынешнее материалистическое время противодействует нашему духовному движению; мир сегодня мало подходит для духовного движения. И действительно можно сказать, - именно если видеть то, что можно сделать в земном теле, - можно сказать: нужна поддержка! И это ощущение и было тем, что выразилось в словах;

Просьбу наших душ услышь ты,

Ту, что шлём к тебе с доверьем:
Для трудов земных нужна нам
Сила из страны духовной,
И друзей сквозь смерть прошедших
За неё благодарим мы.

Своего рода приглашением использовать и дальше заложенные здесь зерна для потребностей нашего духовнонаучного движения, - вот чем казалось мне то настоящее ощущение по отношению у этой душе.

Как вы видели, в этих столь близко лежащих от нас случаях, несмотря на все различия, господствует некое сходство. Господствует сходство, состоящее в том, что перед душой наблюдателя, перед той душой, которая посредством кармы особенно предрасположена к наблюдению, - ибо ей пришлось говорить на похоронах, пробуждалась мысль о сущности; появлялась как бы необходимость высказать эту сущность.

В случае первой личности, о которой я говорил, это действительно было так, - вы знаете, в каком смысле я говорю такие вещи: лишь для того, чтобы послужить познанию, а не ради поддержки престижа, - что я знал эту личность на физическом плане, после того, как она вступила в Общество. Приходилось сопереживать кое-что из того, что разыгрывалось, когда эта личность была в нашем Обществе; но наши друзья знают, что не в моих правилах сообщать об обстоятельствах жизни или о чём-то подобном, или спрашивать, то или иное о пережитом этой личностью здесь, в физической жизни, и так далее. Не личным, но, я бы сказал, познавательным удовлетворением было для меня, когда я характеризовал эту личность в небольшой ритуальной речи так, как это соответствовало её душе, соответствовало пережитому ею в жизни на Земле. Я не имел перед собой ничего, как только душу после смерти. Она не только высказала те слова, которые я зачитал только что; но я имел перед собой душу, какой она была после смерти, какие особенности были после смерти. Я не имел перед собой ничего иного. Я едва знал кое-что из того, что было с ней до тех пор, пока она не вступила в наше Общество и не особенно много о той жизни, которая протекала вне собраний и так далее или об обстоятельствах, которые иногда происходят с нашими членами. Ничего дальнейшего я не знал. Тем не менее, именно в данном случае, я, как будто бы подслушав внутреннюю необходимость, на похоронах посчитал себя предрасположенным к тому, чтобы говорить об определённых обстоятельствах жизни, отношениях,

отразившихся на всей жизни, отношения достигшей солидного возраста умершей личности к её детям и к её работе в жизни. И, как было сказано, для меня было не личным, но познавательным удовлетворением, когда затем родственники сказали мне: мы так хорошо узнали эту личность благодаря тому, что здесь говорилось, ибо каждое слово характеризовало её с большой интенсивностью. Так была схвачена картина индивидуальной жизни в течение физического хода жизни, для чего существовала лишь одна возможность, - после того как эта жизнь стянулась в душу, - увидеть сконцентрированный в душе результат. Но что особенно интересно нам для познания, так это то, что на примере этой души мы воспринимаем интенсивную потребность направить после смерти духовный взор на собственную жизнь. Ибо это поистине не моя заслуга, суметь характеризовать собственную жизнь данной личности; нет, процесс был таков, что, несмотря на отсутствие тогда сознания у данной личности, она, тем не менее, направляла своё душевное существо, - подготавливаясь тем самым в более поздней, сознательной посмертной жизни, - направляла силы, которые впоследствии должна была осознать, на собственную жизнь, на собственные переживания. И то, что мне надо было сказать, это надо было увидеть в тех мыслительных образах, которые существовали благодаря направленности души на её собственные переживания. Итак, я должен был описать то, что эта личность подсознательно думала о себе после смерти. То, что при этом является важным для нас, что следует подчеркнуть, так это то, что данная личность после смерти почувствовала настоятельную необходимость подсознательно направить взгляд на собственное существо.

В случае второй личности, которая, в некотором смысле пробудилась, когда жар охватил тело, обнаружилось позже, - при одном таком спорадическом новом пробуждении, - в той форме, как она вела себя по отношению к тому, что было характеристикой её существа, что у неё была потребность как бы возвращаться обратно, прибегая к этому существу, как я уже сказал, - к словам, характеризующим её существо. И именно относительно речи, - если только можно назвать речью то, что выражается в отношениях душ, будь они в теле, или будь они вне тела, как духовные существа, - относительно речи, насколько при этом общении можно иметь в виду речь, надо сказать: я должен был ощутить, - когда я потом смог воспринять пробуждение этой личности, - чувство восторга оттого, что мне были даны те слова, которые я смог запечатлеть. Ибо тем самым обнаружилось, что это было настоящее хорошее взаимодействие с умершим. Можно сделать вывод, что душа этого

умершего, - вы знаете, что это говорится сравнительным образом, - высказалась примерно так, она сказала: «Это хорошо, что это так. Это хорошо, что это происходит в этом месте». При том втором пробуждении появилось такое чувство, как если бы умершая показывала, как некоторое усиление было привнесено в духовный мир благодаря тому, что здесь, на физической Земле было высказано в человеческих словах; что для неё это нечто такое, что ей нужно, и при этом хорошо, что посредством физических земных слов это было зафиксировано в ещё большей степени, нежели она сама могла бы зафиксировать это. Итак, у неё проявилась необходимость зафиксировать это. Для неё было облегчением то, что эта фиксация была, таким образом, усилена.

В случае нашего дорогого друга Фрица Митчера вы видите вполне отчётливо, что он в ночь, последовавшую за кремацией, вступил в непосредственную связь и использовал то, что говорилось здесь, для того, чтобы разъяснить самому себе своё собственное существо, чтобы придти к ясности относительно самого себя, относительно своего собственного существа.

Итак, во всех трёх случаях мы имеем дело с обращением взгляда на своё собственное существо. Само собой разумеется, эти вещи прежде всего таковы, что подступают к нашей душе, к нашему сердцу благодаря их чисто человеческой ценности, благодаря их чисто человеческой соотнесённости. Но духовное познание вообще достигается лишь из непосредственного мира, если этот мир из милости хочет дать это познание. Этот мир нельзя принудить; от него следует только ожидать. И именно при таких вещах видно, насколько замечательно действуют кармические связи.

Когда я, после того как в Цюрихе умерла вторая из названных личностей, сам был в Цюрихе, мы проходили мимо одного книжного магазина, и в этом книжном магазине я увидел книгу, которую читал несколько лет назад. В связи с моим образом жизни мне было нелегко констатировать, есть ли эта книга в моей так называемой библиотеке, которая вследствие моего проживания в разных местах, находится в странном состоянии. Может быть, её уже вовсе не существует. Несколько лет назад я читал книгу венского философа доктора Эрнста Маха(38); её можно было получить в этом книжном магазине в качестве антиквариата. Я захотел прочесть её снова, по крайней мере, снова посмотреть. Когда я дошёл до третьей страницы, мне сразу же попалось на глаза весьма интересное замечание Эрнста Маха о самопознании человека, о трудности самопознания у человека. Я цитирую почти дословно то,

что стоит на третьей странице в заметках об «Анализе ощущений» университетского профессора Эрнста Маха:

Будучи молодым человеком, я шёл однажды по улице и встретил человека, по отношению к которому у меня возникло чувство: какое, однако неприятное, противное лицо у этого человека, который повстречался мне. Я даже немного испугался, когда до меня дошло, что это было моё собственное лицо, которое встретилось мне, которое я увидел в зеркале напротив. - Итак, он идёт вдоль улицы и благодаря наклоненным друг к другу зеркалам ему бросилось в глаза его собственное зеркальное отражение. Увидев себя, он сказал: что это за человек с неприятным, противным лицом встретился мне тут. - Вскоре вслед за этим он добавляет другое такое же замечание о недостаточности самопознания. Он говорит: однажды я усталый возвращался из путешествия и поднимался в омнибус. Я увидел, как напротив поднимается какой-то другой человек и подумал: что это за истощенный шульмейстер, школьный учитель поднимается там! И тут я увидел, что это был я сам. Зеркало в омнибусе показало мне мой собственный облик. - И профессор Мах добавляет: итак, мой профессиональный облик я знал лучше, чем мой собственный.

Это нечто подобное намёку на то, сколь трудно человеческое самопознание даже по отношению к чисто внешнему облику. Человек не знает даже то, как он выглядит пространственно, хотя он и является профессором университета. Вы видите это на таком прямом примере.

Интересно то, что именно этот пример мог быть дан в связи с тем случаем, ибо, не правда ли, здесь в физическом теле этот пример даже показывает вам, что для кого-то самопознание может быть излишней помехой в том, что он должен достигнуть на Земле. Можно быть знаменитым профессором и иметь столь мало самопознания, как только что сообщил данный человек. Но я упомянул этот пример по той причине, что весьма примечательным образом этот пример из физической жизни попался мне на глаза, когда душа была настроена заново взглянуть на то, как умершая ощутила необходимость понять и созерцать своё собственное существо. Здесь, в физическом мире, человек действительно может обходиться без самопознания для всего того, что относится к чисто материальному в нашей жизни. Достигнуть познания духовного мира без самопознания нельзя; мы будем ещё говорить сегодня о восьми днях. Но для чисто внешних материальных отношений можно обходиться без самопознания. Однако как только душа проходит через врата смерти, самопознание становится первейшим

из всего, в чем нуждается душа; это особенно обнаруживается для нас в переживании, о котором я сообщал. Самопознание есть то, откуда следует исходить.

Видите ли, материалистический мыслитель обычно задерживается на вопросе: продолжает ли существовать сознание после смерти? – Результат духовного исследования таков, что душа, если она прошла через врата смерти поистине не страдает от недостатка сознания, но имеет как раз слишком много сознания. То, что своего рода пробуждение наступает не сразу, зависит не оттого, что человек после смерти должен усвоить новое сознание, но от того, что он имеет ослепляющее сознание, имеет слишком много сознания и сначала должен постепенно пригасить его. *Более подробно вы это найдёте в венском цикле, который тоже напечатан(39)*. Слишком много сознания, подавляющее сознание имеет человек после смерти, и он должен сперва сориентироваться в этом мире подавляющего сознания. И когда он постепенно заходит так далеко, он становится, в известной степени, более сознательным, чем прежде. Он должен сначала пригасить сознание, как должен человек сначала пригасить сильный солнечный свет. Итак, постепенное погашение, ослабление сознания есть то, что надо делать. Итак, следует говорить не о пробуждении, как в физическом мире, но о понижении избытка сознания до той степени, которую можно переносить, смотря по тому, что пережил человек здесь, в физическом мире. Для этого необходимо кое-что: для того, чтобы после смерти ориентироваться в этом всё переполняющем световом сознании относится как исходный пункт познание собственного существа; к этому относится то, чтобы мы смогли оглянуться на собственное существо, чтобы как бы найти направляющую линию, чтобы мочь ориентироваться в духовном мире. Недостаток самопознания является препятствием для сознания после смерти. В этом переизбытке света мы должны обрести самих себя. Теперь вы видите, почему появилась потребность характеризовать умерших, чтобы пойти им навстречу в обретении самих себя.

Это нечто такое, что даётся нам как вид общего познания из таких интимных, близких нам переживаний. После смерти, после того как эфирная панорама жизни исчезает, наступает развитие, постепенное развитие, возникающее оттого, что мы знакомимся с нашей жизнью, которую мы постепенно ощущаем себя как выходящую из сумерек духовного мира, знакомимся с нашей собственной жизнью здесь, на Земле. Ибо в этом состоит единственное стремление после смерти, после того, как панорама

исчезает. То, что находится в духовном мире, находится вокруг нас. Но то, с чем мы должны знакомиться в первую очередь - это наше собственное существо. При этом нам по большому счету идут на пользу только те представления, которые нам стали известны из духовной науки, так как они дают средства для ориентации в духовных познаниях. Вот почему в первом случае вы могли видеть: то, что возникает как самокритика, стало возможным только посредством того, что было воспринято из духовной науки; смотреть на собственное существо так, чтобы можно было напечатлеть себе такие слова: «Я хочу ткать в мировых мыслях своё мышление, чтоб оно стало ясным в свете вечного становленья жизни». Это сконцентрировано, уплотнено из того, что распространяется в духовной науке, что было использовано здесь, чтобы дать характеристику собственного существа. Или «Я хочу погрузиться в основах души в верные чувства, чтобы они стали сильнее ради истинных целей людских деяний».

Но то, чего следует достичь посредством этих вещей, это: возвысить нашу духовнонаучное движение из чисто теоретического, сделать его тем, что с любовью постепенно постигает душа, сделать его как бы потоком, внутри которого мы действительно живём, ткём и находимся; так что мы знаем, что происходит в духовном мире вокруг нас, знаем также, как знаем мы в физическом мире, что вокруг нас находится воздух, в котором мы дышим, наличие которого малокультурные люди могут даже отрицать. Грядущее предназначение человечества состоит в следующем: знать кое-что о том, что как воздух находится вокруг физического тела, точно так же находится вокруг, - для душевного переживания, - духовный мир, который в большей степени сообщается с душой, - как воздух с телом, - мир, который образует душу, ткёт в душе, облекает душу.

У нас есть возможность также указывать на отдельные подробности судьбы души после смерти. Как раз по этой причине в наше время такие вещи будут излагаться, я бы сказал, - интимным образом (в узком кругу), поскольку вследствие наших великих, хотя и болезненных событий эпохи смерть распространяет своё дыхание по миру, и наше время требует бесчисленных смертных жертв. Особенное требование при этом - заниматься событием смерти в наше время.

Мы знаем, мои дорогие друзья, что человек, проходя через врата смерти, проходит их так, что своё физическое тело он передаёт земле, элементам Земли; затем из физического тела выходят «я» и астральное тело. Во втором случае мы видели, что при кремации эфирное тело уже было сложено; уже через несколько дней оно

ушло прочь. В наше время очень близко касается нас вопрос, поставленный так. Сколь много людей в наши дни проходят через врата смерти в цветущем возрасте. Мы, перенося чисто физическое представление на духовное, где оно играет большую роль, чем в физической жизни, спросить: как у тех, кто прошёл через врата смерти, обстоит дело с эфирным телом, которое через несколько дней растворяется? Как обстоит дело с такими молодыми эфирными телами? Человек, который на двадцатом, двадцать пятом, тридцатом, тридцать пятом году жизни или ещё раньше проходит через врата смерти, слагает эфирное тело; однако это такое эфирное тело, которое на протяжении десятилетий могло бы служить своему физическому телу, могло бы работать здесь в физическом теле, которое имело бы силы на десятилетия. В соответствии с кармой оно не смогло использовать эти силы, но силы, тем не менее, есть в нём. Они могли бы действовать в физической жизни ещё десятилетия. Физик думает правильно: никакая сила не теряется; здесь оно трансформируются, преображаются. В духовном, это тем более верно. Здесь силы павшего в юности на поле битвы, силы, которые ещё в течение десятилетий могли бы обеспечивать физическую жизнь, эти силы не уходят в никуда; они находятся здесь. Теперь события нашего времени предрасполагают нас, чтобы сказать: эти силы переходят в существо Народной Души данного народа. Она принимает эти силы, и во всей Народной Душе действуют эти силы эфирных тел. Это настоящие духовные силы, которые, кроме того присутствуют тут, исходя от человека, помимо того, что он со своим «я» и своим астральным телом, со своей индивидуальностью, проносит через время между смертью и новым рождением. Дело тут только в том, чтобы в будущем стало насколько возможно понятным, что в Народной Душе находятся эти силы, что они находятся внутри в тех всеобщих действиях, которые развивает Народная Душа, причем именно как силы, а не как существа. Тогда они становятся плодотворными, я бы сказал, силами, излучающими Солнце.

Мне снова хотелось бы привести близлежащий пример, который хотя и не имеет никакого отношения к эпохальным событиям, который, однако, по форме произошедшего и по тому, чем это стало, может показать нам перспективу, относящуюся ко всем тем случаям, когда после смерти, наступившей в юной жизни, отлагается неиспользованное эфирное тело. *Осенью мы пережили смерть ребенка(40)* одного из наших сочленов, ему было семь лет. Смерть этого ребенка наступила прямо-таки странным образом. Он был любимым ребенком и, насколько это возможно для семилетнего ребенка, был с семи лет чрезвычайно духовно активным ребенком;

любимый, добрый и духовно активный ребенок. Он погиб потому, что оказался в тот самый момент в том самом месте, где опрокинулся мебельный фургон, который, падая, придавил ребенка, так что тот умер от удушья; на месте, где, возможно, никогда прежде не проезжали фургоны, да и позднее, тоже нет, но только в этот момент. Кроме того, даже внешним образом можно утверждать, что этот ребенок посредством всевозможных внешних обстоятельств, которые внешнее материалистическое мировоззрение называет случайными, оказался на этом месте именно в тот момент, когда опрокинулся фургон. Он получил кое-какие пищевые продукты для своей матери и ушёл в этот вечер несколько позднее, поскольку его задержали. Если бы он ушёл на пять минут раньше, то был бы далеко от того места, где опрокинулся фургон. Кроме того, он вышел через другую дверь, а не как обычно; только один раз вышел он через эту другую дверь! Другая (первая) дверь повела бы справа от фургона. Фургон опрокинулся на другую сторону. Если исследовать весь этот случай с точки зрения духовной науки, кармы, получится, что это тот случай, в котором можно найти подтверждение тому, как внешняя логика, которая по праву применяться во внешней физической жизни сомнительна, неприменима. Один пример этого я уже часто приводил. Это пример о человеке, который шёл мимо реки и упал в воду там, где лежал камень. Внешнее наблюдение, само собой разумеется, допустило, что человек споткнулся о камень, упал в воду и вследствие этого умер; возникло мнение, что он, якобы, утонул. Но если бы он был подвергнут патологоанатомическому вскрытию, было бы установлено, что с ним случился удар, и что он вследствие этого уже мёртвый упал в реку. Итак, он упал в воду, потому что был мертв, но не умер, потому что упал в воду. Причина и следствие тут поменялись местами. То, что совершенно справедливо кажется логичным во внешней жизни, может оказаться полностью ложным. Описывая происшествие с маленьким Теодором Фейсом с внешней точки зрения, могут сказать: да, это несчастный случай! В действительности карма ребенка была такова, что «я», говоря ясно, поставило этот фургон так, чтобы он опрокинулся для того, чтобы исполнилась карма ребенка. Тут мы имеем дело с особенно молодым эфирным телом. Ребенок мог бы стать мужчиной и дожить до семидесяти лет. В эфирном теле были силы, которых было бы достаточно для семидесяти лет, и они после семи лет прошли через врата смерти. Всё это разыгралось в Дорнахе. Отец, который был тогда призван в немецкую армию, не присутствовал здесь, когда это произошло; вскоре после этого он умер, получив ранение на войне. Весь этот случай произошёл в непосредственной близости со зданием, и с того времени в ауре Дорнахского здания мы

имеем силы эфирного тела этого ребенка. Тот, кто работает для этого здания и может воспринимать духовные силы, которые правят в этом здании, находит в нём силы этого ребенка. Итак, отвлекаясь от того, что как «я» и астральное тело перешло в духовный мир, чтобы действовать в жизни между смертью и новым рождением, эфирное тело, оставшееся в отдельности, соединилось со всей духовной аурой Дорнахского здания. Такие вещи являются познаниями, которые связаны с глубокими, исполненными значения чувствами, с важными, исполненными значения чувствами. Ибо это не те познания, которые человек принимает сухо, подобно арифметическим познаниям, но воспринимает с внутренне благодарной душой. Само собой разумеется, что я, помня об этих познаниях, ни на одно мгновение не допускал в сознании того, что эти силы содействовали мне в делах здания, были для меня силами помощи, когда я сам что-либо предпринимал для здания. Здесь то, что было теоретическим познанием, соединялось с непосредственной жизнью. Помня об этом знании, мои дорогие друзья, будет пролит свет на то, что сейчас, когда на Земле бесчисленное количество неиспользованных эфирных тел проходит через врата смерти, мы можем предчувствовать, что произойдёт, если после сумерек нынешней войны вновь взойдёт мирное Солнце. Тогда действительно здесь будут находиться силы, те эфирные силы, желающие соединиться ради земного исцеления, ради земного успеха, соединиться с теми душами, которые действуют тут на Земле, - эфирные силы тех, кто испытал врата смерти, врата страдания. Но для этого необходимо, чтобы на Земле были люди, которые понимали бы эти вещи, которые осознавали бы факт: там вверху, в духовном мире находятся оставленные эфирные тела тех, кто был принесен в жертву времени. Они (эфирные тела) хотят действовать здесь на Земле. Но плодотворно они смогли бы действовать только тогда, если здесь найдутся восприимчивые души, которые сами захотят мысленно связаться с тем, что приходит к ним из духовного мира. Для плодотворности нашего великого, но трудного и болезненного времени бесконечно важно то, что утверждающее духовность знание создаст мысли, которые затем смогут соединиться с мыслями, которые спускаются вниз от принесенных в жертву смерти эфирных тел. Итак нам указывает на это то, что мы даже в этих трудных событиях, стоящих под знаком смерти и страдания, но и под знаком величия, что мы эти тяжкие события примем как призыв, что они приведут нас в то время, которое проявит большую склонность к духу, нежели истекшее время. Чтобы не получилось так, что стали бы смотреть вниз на земной мир принесшие себя в жертву ради того, чтобы действовать во благо и рад исцеления этого мира, но не нашли бы возможности

вмешаться, так как не было бы душ, посылающих им навстречу мысли проникнутые чувством. Мы должны рассматривать духовную науку как нечто живое, необходимое для того времени, которое должно наступить, принимая во внимание события наших дней. Вот то, что я всё снова и снова обобщаю в духе и в смысле наших рассмотрений в следующие слова:

Из мужества бойцов,
Из крови павших,
Из страданий оставленных,
Из жертвенных дел народа,
Взрастёт духовный плод -
Если, сознавая Дух,
Души направят свои чувства
В царство Духа.

ВОСЬМАЯ ЛЕКЦИЯ **Берлин, 2 марта 1915(41)**

Мои дорогие друзья, давайте сначала снова подумаем о тех, кто стоит на великих полях событий современности:

Духи ваших душ, деящие стражи
Ваши крылья могут донести
Наших душ молящую любовь
Вашей защите доверенным
Людям Земли,
Чтобы соединяясь с вашей мощью
Наша просьба, помогая, сияла
Душам, которых она, любя, ищет

И для тех, кто вследствие этих событий уже прошел через врата смерти:

Духи ваших душ, деящие стражи
Ваши крылья могут донести
Наших душ молящую любовь
Вашей защите доверенным

Людам сфер,
Чтобы соединяясь с вашей мощью
Наша просьба, помогая, сияла
Душам, которых она, любя, ищет

Дух, Которого мы ищем посредством наших устремлений в духовопознании, Дух, Который на благо Земли и ради человеческой свободы и прогресса прошёл через Мистерию Голгофы, будет с вами и с вашим тяжким долгом!

Восемь дней тому назад мы подробно рассматривали здесь близко стоящие к нам души, которых, если бы вы сейчас стали искать, должны были бы найтись в духовном мире. Мы смотрели на эти близко стоящие к нам души так, что мы говорили о них то или иное, позволявшее нам пролить свет относительно пребывания существ в духовном мире. Сегодня мне хотелось бы направить наше рассмотрение по пути, которым может пойти находящаяся здесь в теле человеческая душа в духовный мир, чтобы найти те духовные поля, о которых мы говорили в последний раз как о месте пребывания так называемых умерших душ. Надо всё снова и снова подчёркивать, что путь в духовный мир, который в соответствии со всем развитием человечества подобает современной душе, является путем, требующим многосторонней подготовки, которая в частностях трудна, но эти трудности надо преодолеть. Сегодня мне хотелось бы указать на некоторые элементы познавательного пути, указать с точки зрения, которую можно назвать точкой зрения имагинативного познания.

Вам ведь хорошо известно, мои дорогие друзья, что человеческая душа может в духовном мире получать опыт, делать наблюдения, когда тело не служит её в качестве инструмента. Всё то, что мы можем достичь посредством тела как инструмента, всё это может дать нам опыт, переживания которые существуют только в физическом мире. Если же мы хотим иметь переживания в духовном мире, мы должны найти возможность делать их посредством нашей души вне нашего физического тела. Такая возможность открыта для современного человека, хотя она и трудна; возможность вне своего тела производить наблюдения в духовном мире. Кроме того всегда возможно, чтобы относительно таких наблюдений духовного мира, когда они проделаны, когда они уже в наличии, другие люди, которые сами не могут делать таких наблюдений, могут выносить суждение в соответствии с действительно здравым смыслом, здравым разумом; не только тем разумом, который теперь называют здравым, но действительно здравым разумом. Но сегодня надо поговорить о самом пути, о том

способе, как человеческая душа, - можно с одной стороны сказать: выходит из физического тела, и, с другой стороны, как она входит в духовный мир. И вот сегодня я, как сказано, - восемь дней назад мы рассматривали это с другой точки зрения, - хочу рассмотреть этот путь с точки зрения имажинативного познания, и наглядно, в образах разобрать то, что затем, будучи предоставлено вашей медитации, может быть исследовано дальше. Если вы это делаете, то вы увидите, что этот познавательный путь имеет совершенно особое значение.

В духовный мир можно вступить через трое врат. Первые врата можно назвать вратами смерти, вторые врата можно назвать вратами элементов, и третьи врата можно назвать вратами Солнца. Тот, кто хочет идти полным познавательным путём, должен предпринять познавательный путь через все трое врат.

Врата смерти всегда существовали с самых древних времен, когда говорилось о мистериальных истинах, по-настоящему говорилось. Эти врата смерти не могут быть достигнуты, если мы не пытаемся достичь их посредством того, что нам давно известно под именем медитации, то есть отдача какой-либо подходящей для нашей индивидуальности мысли или ощущению, которые мы ставим в центр нашего сознания так, что совершенно идентифицируемся с ними. Конечно, именно на этом пути человеческие усилия легко могут надломиться, поскольку тут имеются действительные неудобства, приходится преодолевать внутренние препятствия, которые надо преодолеть, когда человек всё снова и снова должен предпринимать тихие внутренние усилия, чтобы так отдался данной массе мыслей, данным ощущениям, чтобы забыть весь мир и жить исключительно в этих мыслях, в этих ощущениях. Однако, если человек всё снова и снова проделывает это, он оказывается в состоянии, в той мысли, которую он выдвигает в центральный пункт своего сознания, постепенно воспринимать нечто, как самостоятельную жизнь этой мысли. У человека возникает чувство: до сих пор ты только мыслил эту мысль; ты ставил эту мысль в центральный пункт сознания; но теперь она начинает жить собственной жизнью, развивать собственную внутреннюю подвижность. Это подобно тому, как если бы человек пришел в состояние действительно производить в себе некое существо. Мысль начинает становиться внутренним образованием, картиной. Это важный момент, когда человек замечает, что эта мысль, это ощущение имеют собственную жизнь, так что человек чувствует себя как бы оболочкой этой мысли, этого ощущения. Он может сказать себе: твои усилия привели тебя к тому, чтобы предоставить арену, на которой развивается нечто такое, что теперь посредством тебя приходит к собственной жизни.

Это собственное пробуждение, это оживление медитативной мысли, является значительным моментом в жизни медитанта. Затем он замечает, что он постигает объективность духовного, что вокруг него в некотором смысле брезжит духовный мир, что этот мир вступает в него. Конечно, это не так просто, подойти к этому переживанию, ибо перед тем, как подойти к этому переживанию, человек должен испытать некоторые ощущения, которые человек, исходя из естественного чувства, испытывает не совсем охотно. Известное чувство отчуждения, чувство одиночества, чувство оставленности должен он испытать. Нельзя постичь духовный мир, без того, чтобы прежде до некоторой степени не почувствовать физический мир как оставленный, почувствовать, что физический мир совершает нечто такое, что как будто подтачивает, как будто давит нас. Однако такое чувство отчуждения должно привести нас к тому, чтобы мы могли переносить то внутреннее оживление, к которому пробуждается мысль, которая, я бы сказал, себя рождает. Много, много противодействует человеку; в самом человеке многое противодействует человеку, противодействует тому, что могло бы вести к правильному ощущению благодаря этому внутреннему оживлению мысли. Конкретно - это чувство, к которому мы приходим, внутреннее переживание, к которому мы приходим и которое мы, собственно, не хотим иметь. Но мы не признаёмся себе в том, что не хотим его иметь, но говорим: ах, это для тебя недостижимо! - При этом ты засыпаешь. При этом твоё мышление оставляет тебя, силы внутреннего напряжения не хотят тебе сопутствовать. Короче, человек выбирает произвольные отговорки, увёртки, ибо надо пережить, что мысль, когда она так оживляет себя, действительно становится неким существом. Она становится подобной существу, она образует некоего рода существо в нас. Тогда у человека возникает видение - не просто чувство - : мысль сначала становится тогда как маленький зародыш круглой, и вырастает затем отсюда в определенно сформированное существо, которое извне продолжается в нашей голове, так что мысль как бы ставит перед человеком задачу: ты идентифицировался со мной, ты находишься внутри мысли, и ты, вместе с мыслью вырастаешь в свою собственную голову; но ты, в основном ещё находишься снаружи. Мысль принимает форму как бы окрылённой человеческой головы, которая переходит в неопределенное и затем втягивается через голову в собственное тело. Итак, мысль перерастает в окрылённую ангельскую голову. Этого фактически должен достигнуть человек. Иметь это переживание трудно, вот почему человек действительно хотел бы верить в то, что в тот момент, когда мысль, таким образом, вырастает, все возможности мышления теряются. Человек верит, что в этот момент он обретает самого себя. Как некий оставленный

автомат чувствует человек то, что до сих пор он знал как своё тело, и куда простёрлась эта мысль.

Кроме того, в объективном духовном мире существуют всевозможные препятствия, мешающие нам сделать видимым. Эта окрылённая ангельская голова становится действительно внутренне видимой, воспринимаемой, но при этом существуют всевозможные помехи, чтобы мы сделали это видимым. Прежде всего, этот пункт, которого человек достиг, является порогом духовного мира. Но тут стоит, сначала совершенно невидимо для человека, та власть, которую мы всегда называем Ариманом. Его не видят. Ариман способствует тому, чтобы человек не видел то, что я описал только что как вырастающее мысле-существо. Ариман не хочет, чтобы человек это видел. А поскольку путь, на котором достигают данного пункта, есть, главным образом медитативный путь, Ариману всегда легко погасить то, куда должен придти человек, если последний зависит от предрассудков физического мира. И действительно, можно сказать: человек совсем не верит в то, насколько он зависим от этих предрассудков физического мира, как он не может представить себе, что есть мир, имеющий иные законы, нежели мир физический. Сегодня я не могу обсуждать все предрассудки, который человек приносит на порог духовного мира, и всё же я хочу, главным образом, разобрать некоторые интимные предрассудки.

Видите ли, люди говорят, - если они говорят о физическом мире, - о монистическом мировоззрении, о единстве, они часто говорят себе: я только тогда могу понимать мир, если этот мир представляется мне как некое единство. Иногда в отношении этих дел нам приходилось переживать поистине странный опыт. Когда здесь, в Берлине уже много лет тому назад мы начинали наше духовнонаучное движение с немногими сочленами, находились некоторые люди, которые в соответствие со всем своим существом не могли почувствовать свою сопринадлежность (нам). Так, например, была одна дама, которая через несколько месяцев пришла к нам и сказала: всё, что в состоянии принести духовная наука, не годится для неё, так как тут надо слишком много думать, а мышление гасит для неё всё, что они считает ценным; они всегда приходила в состояние подобное засыпанию, когда приходилось мыслить. Кроме того она считала, что существует единственная ценность - это единство! Обнаружилось, что единство мира, которого монисты ищут в самых разных областях, - причём, не только материалистические монисты, - было для неё некой идеей фикс: единство, единство, единство! Она хотела везде искать единство. У нас в немецкой духовной эволюции есть один немецкий философ, Лейбниц, решительный философ монадист, который искал

не единства, но множественность монад, которые были для него душевными существами. Он ясно знал: как скоро человек вступает в духовный мир, там не может быть и речи об единстве, но лишь о множественности. Существуют монисты и плюралисты. Это рассматривается как мировоззрения. Монисты борются с плюралистами, говоря о множественности: монисты же говорят об единстве.

Однако, видите ли, дело таково, что и единство и множественность являются вообще-то понятиями, которые имеют ценность только для физического мира. Считают, что и для духовного мира эти понятия должны иметь ценность. Однако они её не имеют. Тут человек должен сделать для себя понятным то, что хотя он и видит единство, но это единство в следующий же момент ликвидируется и проявляется как множественность. Оно является одновременно единством и множественностью. Так же нельзя переносить в духовный мир обычную арифметику, физическую математику. Это относится к сильнейшим, но в то же время к интимнейшим предрассудкам, когда понятие, годное для физического мира, хотят в том виде, как оно есть, перенести в духовный мир. Но человек должен подходить к порогу духовного мира без всех «пожиток», не будучи отягощён тем, чему он научился в физическом мире, будучи готов оставить это на его пороге. Все понятия, а именно даже те понятия, к которым было приложено максимум усилий, необходимо оставить, и сделать для себя понятным следующее: тут, в духовном мире ему будут даны новые понятия, тут ему будет дано нечто совершенно новое. Эта привязанность к тому, что дает физический мир необычно сильна у человека. То, чем он овладел в физическом мире, он хочет внести в духовный мир. Но он должен иметь возможность встать перед полной табула раса, чистой страницей, встать перед полной пустотой, и позволить быть своим вождём только той, начинающей оживать, мысли. Этот вход в духовный мир называли вратами смерти по той причине, поскольку это, в сущности, действительно ещё более сильная смерть, нежели физическая смерть. В случае физической смерти люди убеждены в том, что они отлагают своё физическое тело; но мы должны при вступлении в духовный мир решиться на то, чтобы действительно отложить наши понятия, наши представления и идеи, и дать построить наше существо заново.

Мы подошли к этому окрылённому мыслительному существу, о котором я говорил. Мы подойдем к нему, если действительно приложим все усилия, чтобы жить в одной мысли. Затем, нам надо будет знать, какие иные требования предъявляет к нам этот момент, который наступил, по сравнению с теми, которые мы предъявляли к себе, чтобы мы держались стойко и, так сказать, не отступили.

Такое отступление происходит, главным образом бессознательно. Человек ослабевает, но эта слабость является всего лишь выражением того, что он не хочет отложить «пожитки», поскольку до некоторой степени вся душа с тем, что усвоила она на физическом плане, должна отмереть, для того, чтобы она смогла вступить в духовный мир. Вот почему эти врата по праву, в полном соответствии надо называть вратами смерти. А затем человек смотрит через это окрылённое мыслительное существо как через новые духовные глаза, которые он приобрёл для себя; или даже через духовные уши, ибо он также слышит, он также ощущает, он посредством этого воспринимает то, что существует в духовном мире.

Вполне возможно, мои дорогие друзья, говорить об особенных переживаниях, которые человек должен испытать для того, чтобы вступить в духовный мир. Чтобы человек мог испытать эти переживания, не требуется ничего иного, как только терпеливая выдержка в означенных медитациях. А именно, необходимо уяснить себе, что некоторые ощущения, которые человек приносит к порогу духовного мира, действительно должны быть отброшены прежде. Ощущения, которые поистине возникают оттого, что обычно человек хотел бы иметь этот духовный мир иным, нежели таким, который выступает ему навстречу.

Итак, таковы первые врата, врата смерти.

Вторыми вратами являются **врата элементов**. Эти врата элементов как вторые врата пройдут те, кто действительно усердно предавался медитации. Однако и организация человека может благоприятствовать даже тому, что он проходит через вторые врата, без того, чтобы пройти через первые. Для действительного познания это не хорошо, но может случиться так, что человек достигает вторых врат, не пройдя через первые. Настоящее, надлежащее познание дается только тогда, если человек проходит через первые врата и затем сознательно подступает ко вторым. Эти вторые врата проявляют себя следующим образом. Видите ли, когда человек проходит через врата смерти, он, прежде всего, чувствует себя находящимся в некотором состоянии, относительно которого можно видеть следующее: внешне, в своём воздействии на человека, в той форме, как переживает его человек оно подобно сну, но внутренне оно совершенно отлично (от него). Внешне человек во время этого состояния подобен спящему. Как раз тогда, когда мысль начинает оживать, если она начинает быть подвижной, начинает расти, человек внешне пребывает при этом как во сне. Ему не нужно лежать, он может сидеть, но он при этом как во сне. И сколь мало это состояние внешне можно отличить от сна, столь сильно отличается оно от него внутренне. Ибо если человек затем

переходит от этого состояния в обычное состояние жизни, он впервые замечает: ты не спал, но ты пребывал в мыслительной жизни точно так, как ты сейчас находишься внутри того, где ты обычно бодрствуешь в физическом мире и с помощью своих глаз смотришь во вне на то, что светится. Но человек также знает: сейчас там, где ты находишься в бодрственном состоянии, ты думаешь, ты делаешь мысли, ты сочетаешь их; но незадолго до этого, когда ты пребывал в том состоянии, мысли делали себя посредством самих себя, делали себя сами. Одна подступала к другой; они готовили, создавали друг друга; одна удалялась от другой, и то, что человек в ином случае делает в мышлении, делалось само собой. Но человек знает: в то время как в ином случае человек есть «я», которое нанизывает одну мысль на другую, приставляет одну мысль к другой, то в течение этого состояния он как бы wpłyвает в одну, плывёт к другой, он соединён с этим; затем он находится вне (их), в третьей (мысли) и снова подплывает к ней; у него возникает чувство: пространства больше не существует.

Не правда ли, в физическом пространстве было бы так, что если бы человек направлялся к какому-то пункту и оглядывался, а затем удалялся бы от него, и если бы он затем снова захотел бы подойти к нему, он должен был бы снова пройти тем же путем к нему; он должен был бы проделать путь назад. Этого не происходит в том, ином состоянии. Там пространство не таково; там человек как бы перепрыгивает через пространство. В один момент он находится в одном пункте, в другой - он снова удаляется прочь. Он не идет сквозь пространство. Пространственные законы упразднились. Он сам живёт и ткёт теперь внутри мысли. Он знает: «я» не умерло, оно ткёт внутри мыслительной жизни, но человек, когда он живёт в мысли, ещё не может сразу стать господином своей мысли; мысли создают себя сами. Человек втягивается. Он не сам плывёт в потоке мыслей, но мысли как бы берут его на спину и несут. Это состояние тоже должно прекратиться. И оно прекращается, если человек проходит через врата элементов. Тогда он получает всё в свои руки, произвольно владеет им, и затем может в соответствии с замыслом, целью, придавать мыслям определённый ход. Он живёт тогда со своей волей внутри всей мыслительной жизни. Это опять-таки исключительно важный момент. *Поэтому я даже экзотерически указывал на это в открытых лекциях: этой второй (ступени) человек достигает благодаря тому, что он идентифицируется со своей судьбой. Благодаря этому он получает власть пребывать внутри тканья мыслей, обладая волей(42).*

Сначала, когда человек проходит через врата смерти, он достигает того, что он с чем-то в духовном мире сделать то или

иное. Чтобы он научился самостоятельно действовать в духовном мире, он должен достичь того, чтобы идентифицироваться со своей судьбой. Это достигается только постепенно. Затем мысль приобретает (характер) существа, которое идентично с нашим собственным существом. Действия (исходящие) от нашего существа входят в духовный мир. Но для того, чтобы совершать их правильно, человек как раз и должен пройти через вторые врата. Когда у человека появляется желание посредством силы, полученной из идентификации с судьбой, ткать в мыслях так, чтобы он не просто сопутствовал мыслям, как сопутствует он образам сновидений, но чтобы он при возможности мог гасить ту или иную мысль и мог извлекать другую, итак, чтобы он мог манипулировать волей. Если это начинается, человек действительно должен пережить опыт, который можно назвать прохождением через вторые врата. И тут обнаруживается, что то, в чём человек нуждался как в силе воли, отображается как страшное чудовище. В мистике на протяжении тысяч и тысяч лет это всегда называли встречей со «львом». Человек должен пережить эту встречу со львом. По отношению к чувству она состоит в том, что у человека перед тем как совершить действие в мыслительном мире, перед этой живым связыванием себя с мыслительным миром, реально возникает, можно назвать это так, - непреодолимый страх, который надо преодолеть так же, как одиночество у врат смерти. У человека возникает страх. Этот страх может маскироваться в самые разные формы того или иного чувства, которые не являются страхом. Но всё же это, главным образом страх перед тем, куда человек входит. Дело в том, чтобы действительно найти возможность совладать с тем животным, с которым человек встречается, с этим львом. В имажинации человеку правильно представлялось, как будто лев разевал чудовищную пасть и хотел поглотить его. Та сила воли, которую человек хочет применить в духовном мире, в сущности, угрожает его поглотить. Человеком постоянно владеет чувство: ты должен желать, ты должен что-то делать, должен охватывать то или иное. Но от всех этих элементов воли, в которые человек входит, у него имеется чувство: если ты охватишь это, оно проглотит тебя, погасит тебя в мире. Это поглощение львом. Итак, человек действительно должен, - это можно назвать образом, - вместо того, чтобы предаваться страху перед тем, что в духовном мире он будет охвачен, проглочен и удушен элементами воли, надо запрыгнуть на спину этого льва и схватить эти волевые элементы, надо использовать их для своих действий. Это то, в чем тут дело.

Вы видите, что существенное состоит в этом. Если же человек сначала прошёл через врата смерти, то он находится снаружи, вне тела, и тогда может применять эти силы воли только снаружи. Он

должен включиться в мировую гармонию. Однако те силы, которые человек должен использовать снаружи, он также имеет и в себе, только правят они, не будучи осознаны. Силы, которые приводят в движение нашу кровь, стучать в нашем сердце, происходят из духовного мира, в который погружается человек, если он погружается в элемент воли. Эти силы мы имеем в нас. Итак, если кто-либо, не проделывая регулярного эзотерического пути, захватывается элементом воли, - не пройдя через врата смерти, - он захватывается теми силами, которые в ином случае циркулируют в его крови, стучать в его сердце. Тогда он не использует сил, находящихся вне его тела, но использует силы, находящиеся в нём. Это становится серой магией. Это предрасполагает человека из себя самого вторгаться в духовный мир с теми силами, с которыми он не должен был бы вторгаться в духовный мир. То, что человек видит льва, то, что он действительно имеет перед собой это чудовище, что человек знает: это выглядит так, его хотят захватить волевые силы, а он должен совладать с ними, будучи вне тела, снаружи - вот в чём тут дело. Если человек не подступает ко вторым вратам, если он не видит льва, ему грозит опасность пожелать овладеть миром из человеческого эгоизма. Поэтому правильный духовный путь таков: сперва выйти наружу из физического тела и физического человеческого бытия, и только затем, будучи снаружи, приступить к тем отношениям, которые человек завязывает с существами, находящимися снаружи. Этому противостоит привязанность большинства людей входить в духовный мир более удобным способом, нежели посредством хорошей медитации. Так, например могут избежать врат смерти, и при благоприятных задатках, подступить к вторым вратам. Этому человек достигает благодаря тому, что предаётся особым представлениям, особо пылким представлениям, которые отображают всеобщее восхождение во Вселенную. Представления, предложенные тем или иным наполовину знающим мистиком, сочетаются с доброй верой. Тем самым человек заглушает напрочь мыслительные стремления и отдаётся непосредственно чувству. Он подстёгивает чувство, пробуждает чувство энтузиазма. Посредством этого он может достичь вторых врат, будет передан силам воли, но не сможет совладать со львом; он будет проглочен им, и лев сделает с ним, что захочет. Это означает: происходит, в сущности, оккультное, но, главным образом, эгоистическое дело. Вот почему снова и снова необходимо, хотя это, можно сказать, несколько рискованно, не ссылаться с точки зрения истинной, настоящей современной эзотерики на всё то, чем является мистика, подстёгивающая только чувство и ощущение. Последняя апеллирует к тому, что внутренне подстёгивает человека, выгоняя его из его физического тела, но,

тем не менее, оставляет его связанным с силами крови и сердца, с силами физической крови и сердца, обуславливая некоторую форму восприятия в духовном мире; нельзя отрицать, что в ней может быть много доброго, но она делает людей в духовном мире неуклюжими, ненадежными существами, она не делает их способными отличить эгоизм от альтруизма.

Следует заметить, что человек находится тут в трудном положении, ибо при медитации как таковой и всем тем, что к ней относится, современные души многократно засыпают. Они не любят напрягать мышление так сильно, как это требуется, чтобы идентифицироваться с мышлением. Гораздо больше любят они, если им говорят: углубляйся во всеобщую отдачу Мировому Духу, или чему-то подобному, где в обход мышления подстёгивается чувство. Тогда люди действительно приводится к духовным восприятиям; но имеют их не в полном сознании и не могут различить, проистекают ли из эгоизма или нет те вещи, которые они внутренне переживают, переживают внутри себя. Конечно, неэгоистическая медитация и энтузиазм в отношении всех чувств должны идти параллельно, но идти параллельно с мыслью. Мысль не должна выключаться. Однако при этом мысль полностью подавляется; предаются подстёгнутому горящему чувству, ищут чего-то мистического.

Этот пункт, где подстёгивается чувство, является труднейшим потому, что годится для того, чтобы гораздо быстрее продвинуться вперед. Люди приходят в духовный мир, они переживают там всякое, а именно этого и хочет большинство людей. У большинства людей дело идет не о том, чтобы правильным образом вступить в духовный мир, а лишь бы вообще вступить туда. Разница при этом состоит в том, что мы, не пройдя предварительно через врата смерти, но подойдя сразу к вратам элементов, хоть и будем вынуждаемы Люцифером воспринять льва; но прежде, чем мы его воспримем, мы будем проглочены им. Трудность в том, что мы больше не в состоянии различать то, что действует на нас и то, что находится снаружи, в мире. Мы знакомимся с духовными существами, элементарными духами. Мы учимся познавать необъятный духовный мир, даже не пройдя врата смерти, но это, по большей части те существа, задача которых - поддерживать кровообращение человека, деятельность человеческого сердца. Такие существа всегда находятся вокруг нас в духовном, в элементарном мире. Это те духи, которые имеют свой жизненный элемент в воздухе, в текущем вокруг нас тепле и в свете, которые имеют свой жизненный элемент в звуках сфер, больше не воспринимаемых физически; это духовные существа, которые пронизывают всё живое, ткнут в нём. Мы естественным образом приходим в этот мир. Эти вещи соблазняют, поскольку

действительно позволяют делать чудеснейшие духовные открытия в этом мире. Не правда ли, если сейчас кто-то, не пройдя через врата смерти, был сразу оттеснён к вратам льва, и не увидел льва, он воспринимал бы элементарных духов, задача которых состоит в том, чтобы поддерживать деятельность сердца. Такой элементарный дух, который одновременно поддерживает сердечную деятельность у других людей, может при определенных обстоятельствах приносить сообщения от других людей, даже от людей из прошлого; он может также делать пророческие сообщения на будущее. Итак это дело может сопровождаться большим успехом, но всё же это неправильный путь, так как не предоставляет нам свободы в нашей подвижности в духовном мире.

Третьи врата, к которым следует подойти, есть врата Солнца. И тут мы должны, подходя к этим вратам, снова получить некий опыт. В то время как у врат смерти мы воспринимали окрылённую ангельскую голову, пред вратами элементов воспринимали льва, пред вратами Солнца мы должны воспринять дракона, дикого дракона. И этого дикого дракона мы ещё должны увидеть правильно. Однако Люцифер и Ариман совместно прилагают усилия к тому, чтобы сделать его невидимым, не дать ему показать нам своё духовное лицо, свой вид. Если мы воспринимаем его, то воспринимаем и то, что этот дикий дракон, в сущности, наибольшим образом имеет отношение к нам самим, ибо он соткан из наших инстинктов и ощущений, которые, по существу относятся к тому, что мы в обычной жизни называем нашей низшей природой. Этот дракон содержит все силы, которые мы, например, используем, - извините за прозаическое выражение, - для пищеварения и ещё чего-то другого. То, что помещено в нас и отдаёт силы, чтобы мы переваривали, и для другого, что в узком смысле связано с нашей самой, что ни на есть низшей личностью, является нам в форме дракона. Мы должны увидеть его, если он выкручивается из нас. Он отнюдь не прекрасен, этот дракон, и потому Люцифер и Ариман так легко влияют на нашу подсознательную душевную жизнь, что мы на уровне подсознания не хотим знать о том, чтобы видеть этого дракона. Он соткан со всеми нашими глупыми выходками, всё наше тщеславие, наша гордыня и наша самость, а также и самые низшие порывы, инстинкты.

Если мы не видим дракона во вратах Солнца, - их называют вратами Солнца, поскольку именно в солнечных силах живут те силы, которые содействуют, чтобы мы переваривали пищу и исполняли иные органические отправления, они действительно существуют благодаря совместной жизни с Солнцем, - если мы не видим дракона у врат Солнца, он пожирает нас, и тогда в духовном мире мы становимся едиными с ним. Он может дать переживания,

исполненные значения, он может дать в некотором смысле величественный опыт. Переживания, которые, - я бы сказал, - носят более вкрадчивый характер, чем те, которые человек имеет у врат смерти, или за вратами смерти. Опыты, полученные перед вратами смерти, прежде всего, бесцветны, носят теневой характер, интимны, так легки и интимны, что легко исчезают для нас; мы вовсе не склонны напрягать внимание, чтобы удержать их. Мы всё снова должны прилагать усилия, чтобы дать вырасти тому, что легко оживает в мыслях. Оно должно, в конце концов, вырасти в некий мир. Но до тех пор, пока оно выступит в цвете, в звуке, в пронизанной жизнью действительности, требуется длительная, энергичная работа и стремление. Ибо человек должен оживить для себя эти бесцветные и беззвучные образы, оживить из бесконечности. Если человек хочет, например, посредством головного ясновидения, - назовём его так; под этим подразумевается ясновидение, возникшее благодаря оживлению мысли, - хочет открыть простейших духов воздуха или воды, то сначала этот дух воздуха или воды представляет собой нечто с легкостью, подобно тени проскальзывающее над горизонтом духовного мира, так что человек совсем не интересуется им. Если же он должен стать красочным или звучащим, тогда эта красочность должна быть привлечена к нему со всего космического окружения. Но это происходит только благодаря долгой внутренней работе. Это происходит только благодаря ожиданию, пока человек получит такую милость. Ибо представьте себе, если вы, - говоря образно, - хотите иметь такого маленького воздушного духа, если он должен появиться в красках, то мощная часть Космоса должна излучить эту окраску. Человек должен иметь силу, чтобы сделать её излучающейся. Но такую силу можно получить, овладеть ею только благодаря отдаче. Излучающаяся сила должна сойти извне посредством отдачи. Если же человек заодно со своим драконом, составляет с ним единство, тогда человек будет, - увидев воздушного или водного духа, склонен к тому, чтобы излучать силы, находящиеся внутри себя, которые в обычной жизни находятся внутри органов, называемых низшими. Это значительно легче. Наша голова сама по себе является совершенным органом, но в астральном и эфирном теле головы красочного немного, поскольку цвета используются, например, для того, чтобы построить головной мозг, а именно оболочку головного мозга. Так что если вы, исходя из головы, с помощью головного ясновидения выводите к порогу духовного мира своё астральное и эфирное тело из физического тела, цвета там немного. Цвета используются для того, чтобы построить совершенный орган, головной мозг. Но если вы в случае брюшного ясновидения, - назовём это так, - вы водите астральное

и эфирное тело из органов желудка, почек, желчного пузыря, и так далее, там краски ещё не используются для построения совершенных органов. Эти органы всего лишь на пути к совершенству. То, что относится к астральному и эфирному телу живота, окрашено прекрасно, оно мерцает и блестит во всевозможных солнечных цветах. Если вы извлекаете эфирное тело и астральное тело наружу, они одаряют вас образами, которые вы видите чудесно окрашенными и звучащими. Так что может произойти так, что каждый видит чудесные, видит, как создаются величественные цветочные картины. Это очень интересно, исследовать селезёнку, печень и кишечник; с научной точки зрения это даже необходимо. Но если это будет исследовать знающий, выяснится, как то, что предстаёт в прекрасных красочных картинах, есть то, в основе чего лежит процесс пищеварения через два часа после еды. Нет ничего предосудительного в таких исследованиях. Как анатом должен исследовать вещи, так и науке когда-нибудь придётся исследовать их, чтобы узнать, что делает эфирное тело, если желудок занят перевариванием. Однако на этот счёт нам должно быть совершенно ясно: если мы приходим к вратам Солнца не осознанно, и потому не знаем; всё то, что является эфирным и астральным телом нашего живота мы «приглашаем» в этого дракона, мы это выделяем, - а затем мы это излучаем наружу в ясновидческих образах. Самое прекрасное и наиболее легко достижимое приходит не от высших сил, не от головного ясновидения, но от брюшного ясновидения. Знать это исключительно важно. Ибо для Космоса нет в абсолютном смысле чего-то низшего, есть только относительно низшее. Космос должен работать с необъятно значительными силами, чтобы осуществить то, что необходимо для человеческого процесса пищеварения. Однако речь идёт о том, чтобы мы не впадали в ошибку, не впадали в заблуждение, но знали, как обстоит дело. Если мы знаем, как то, что предстаёт в прекрасном виде, аспекте, есть ничто иное, как процесс пищеварения, то это чрезвычайно важно. Но если мы верим, что в таких образах нам как откровение является какой-то особенный ангельский мир, мы впадаем в ошибку. Разум не может быть против того, чтобы из такого знания культивировалась наука, но лишь против того, когда такие вещи представляют в фальшивом свете. Вот то, о чём идет речь. Так, например, может произойти, что кто-либо именно благодаря какой-то стадии в пищеварительном процессе, на определенном этапе пищеварения, выделяет определенную часть эфирного тела; тогда он может стать природным ясновидцем. Однако он должен знать, о чём тут идет речь.

Посредством головного ясновидения, - где всё красочное эфирное и астральное тело использовано на то, чтобы создать чудесную структуру головного мозга, - человеку очень трудно придти к тому, чтобы это бесцветное и беззвучное сделать многоцветным и звучащим. Но он относительно легко приходит к тому, чтобы посредством брюшного ясновидения видеть в мире чудеснейшие вещи. При этом, конечно, в этом брюшном ясновидении заложены силы, использовать которые человек должен научиться. Силы, используемые в нашем процессе пищеварения, станут родственными силами, и будут правильно переживаться как таковые, если мы всё более и более учимся идентифицироваться с судьбой. На этом поле она представляет собой то, что нас учит: к тому, что вначале возникало как окрылённая ангельская голова, мы должны привлечь, подтянуть другую часть; и дело тут в том, чтобы мы не подтягивали только те силы, которые служат пищеварению, но также и те, которые относятся к более высокому виду; это те силы, которые заложены в нашей карме, нашей судьбе. Если мы идентифицируемся с ними, нас удастся вынести духовное существо, которое мы видим вокруг нас, которое теперь имеет тенденцию к тому, чтобы звуки и краски потекли из мирового пространства. Тогда духовный мир будет, конечно полным содержания, конкретным, столь же действительным и конкретным, чтобы мы находились в нём так же, как мы находимся в физическом мире.

Особая трудность при вратах смерти возникает оттого, что мы действительно имеем ощущение, - и мы должны преодолеть его: - ты, в сущности, теряешь здесь самого себя! Но если человек действительно будет напрягаться и идентифицировать себя с мыслью, у него сразу же может возникнуть сознание: ты теряешь себя, но ты находишь себя снова. Таков первый опыт, который там испытывают. Человек теряет себя, когда вступает в духовный мир, но он знает, что найдёт себя снова. Ему надо сделать переход: подойти к пропасти, потерять себя в пропасти, но с доверием, что найдешь себя по ту сторону. Это одно переживание, которое человек должен испытать. Всё, что я описал, есть целиком и полностью внутренние переживания, которые надо испытать. И то, что он испытывает, что, в сущности, происходит с душой, - всё это важно. Это обстоит именно так, как если бы человек хотел что-то увидеть; если ему на это укажет друг, это всё же лучше, чем доискиваться самому. Однако человек может достичь всего, что было описано, если он снова и снова в истинно самоотверженной отдаче будет предаваться посредством медитации внутренней работе и внутренней борьбе, как вы это найдёте описанным в книге «Как достигнуть познания высших миров?» и во второй части книги «Очерк тайноведения».

Совершенно особую важность имеет то, что человек учится проделывать эти опыты иного вида по эту сторону порога духовного мира. Если человек, как это естественным образом бывает у людей рвётся найти в духовном мире всего лишь продолжение, двойник физического мира, если человек считает, что в духовном мире всё должно выглядеть точно так же, как здесь в физическом мире, тогда он не сможет войти в духовный мир. Человек должен действительно проделать то, что ощущается как переворот всего того, что испытывается здесь в физическом мире. Здесь в физическом мире привычно, например, открывать глаза и видеть свет, благодаря свету получать впечатления. Если же человек ожидает в духовном мире, что он сможет раскрыть духовные очи, чтобы благодаря свету получать впечатления, то он не сможет войти туда, ибо ожидает чего-то ложного. Здесь парит некое подобие тумана, который лежит здесь перед духовными чувствами, который скрывает от человека духовный мир, как море тумана скрывает от него горную вершину. В духовном мире, например, нельзя видеть предметы, освещенные светом, но здесь человек должен уяснить себе то, что в духовном мире человек сам излучает свет. Если в физическом мире световой луч падает на предмет, человек его видит: но в духовном мире человек сам находится внутри светового луча и, тем самым, касается предмета. Так что человек сознаёт себя самого как плавающего со световым лучом в духовном мире; он знает, что он находится внутри светового луча. Это то, что может служить указанием, как надо усваивать понятия, которые помогают человеку пройти вперёд в духовном мире. Необходимо, например, как-нибудь представить себе: как было бы, если бы ты был сейчас на Солнце? Из-за того, что ты не находишься на Солнце, ты видишь предметы в отражённом свете, если солнечный свет эти предметы освещает. Надо представить себе, что он находится внутри солнечных лучей и касается, тем самым, предметов. Это прикосновение есть переживание в духовном мире; переживания в духовном мире состоят именно в том, что человек чувствует себя живущим внутри них. Человек сознает себя как живущего в ткани мыслей. Если наступает такое состояние, что человек осознаёт себя в ткани мыслей, оно непосредственно переходит затем в само-осознание себя в ярко лучащемся свете. Ибо мысль из света. Мысль ткёт в свете. Но только тогда переживает человек, что он как бы погружен в свет, если он находится в этом мыслительном тканье.

Человечество находится сейчас на той ступени, где оно должно усвоить такие представления, чтобы проходя через врата смерти, находящиеся в духовном мире, не оказаться затем в совершенно непривычном мире. Капитал, полученный людьми от Богов в начале земного бытия, постепенно растрачивается. Люди больше уже не

несут через врата смерти то, что было остатком древнего наследственного достояния. Они должны здесь в физическом мире постепенно усваивать понятия, которые даже тогда, когда человек пройдёт через врата смерти, будут служить для того, чтобы сделать для них видимыми опасных существ, которые выступят им навстречу, искушая и совращая. С этими великими космическими взаимосвязями связано то, что духовная наука должна сообщить человечеству, связано то, что духовная наука должна выступать среди человечества. Можно наблюдать, как именно в наши дни, в наши судьбоносные дни, действительно создаётся переход. Сейчас молодые люди проходят через врата смерти, будучи востребованы судьбой эпохи, люди, которые с полным сознанием в юные годы подходят к тому, чтобы принять смерть. Сейчас я не имею ввиду только тот исключительный момент, наступающий перед смертью на поле битвы. Тогда может иметь место многое, как воодушевление и тому подобное, что делает переживание смерти не столь выдающимся, не столь насыщенным вниманием, как можно было бы полагать в ином случае. Но если этот момент смерти наступил, то тогда это смерть, которая оставляет лишним неиспользованное эфирное тело, оставляет в наше время лишним неиспользованное эфирное тело, на которое умерший может только смотреть; так что умерший с гораздо большей отчетливостью видит этот феномен, этот факт смерти, нежели видит он его в том случае, если смерть наступает вследствие болезни или старческой слабости.

Эта смерть на поле битвы в наши дни является более интенсивным, сильно действующим событием, чем смерть, наступающая иным образом. Вследствие этого она действует на душу, которая проходит через врата смерти и действует поучительно. Смерть может быть ужасна, или в меньшей степени ужасна для человека, по тому, как долго он пребывал в теле. Но если человек прошёл через врата смерти и оглядывается на смерть, то смерть является наиболее прекрасным переживанием, из всех возможных в человеческом Космосе. Ибо это оглядывание назад на это вхождение в духовный мир через смерть является между смертью и новым рождением наиболее чудесным, наиболее величественным, царственным событием из всех, на которые вообще может оглянуться умерший. *И если в наших физических переживаниях наше рождение присутствует в крайне малой степени, - ни один человек с обычными, не разработанными способностями не помнит своего физического рождения, - то смерть наверняка всегда стоит в душе, прошедшей через врата смерти, как только у души всплывает сознание. Смерть всегда существует, но она стоит в духовном мире как самое прекрасное, как то, что пробуждает(43).* Она является удивительным

учителем, учителем, который действительно может указать восприимчивой душе то, что находится в духовном мире, поскольку своим собственным существом она уничтожает физическое, так что из этого уничтожения может произойти только то, что духовно. Это воскресение духовного с полным отторжением физического – есть событие, которое всегда стоит между смертью и новым рождением. Это несущее, чудесное, великое событие; и душа постепенно вырастает в его понимание; вырастает неким единственным способом тогда, когда это событие до некоторой степени является событием, избранным по собственной воле, если человек, хотя и не искал этой смерти, но вследствие, например, того, что он, пошел добровольцем, настигло его по его воле. Вследствие этого данный момент достигает некоторой ясности. И человек, который в ином случае немного размышлял о смерти, который мало или лишь отчасти заботился о духовном мире, именно в наше время может получить при смерти и после своей смерти прекрасного учителя. Именно это присутствует в настоящей войне, как нечто крайне значительное для связи физического и духовного мира. В это тяжкое время я уже подчёркивал это в нескольких лекциях: недостаточно того, что мы можем сделать с помощью простого обучения посредством слова; но всеобъемлющее обучение придет для людей будущего вследствие того, что наступает так много смертей. Они действуют на умерших, и умершие снова включаются в будущий культурный процесс человечества.

Так я могу именно от одного из таких умерших, который в юные годы в наши дни прошел через смертные врата, сообщить слова, которые, как я думаю, пришли от него. Слова, которые ошеломляют потому, что доказывают, как умерший, ощутивший смерть с особенной отчетливостью, переживая её на поле битвы, обрёл себя в потустороннем переживании после смерти; как он вырабатывался из земных представлений и вырабатывался в духовные представления. Здесь я хочу сообщить вам эти слова. Они, если я смею их так характеризовать, подхвачены, когда такой человек, умерший на поле битвы хотел донести их тем, кого он оставил.

В сиянье
ощущаю я
силу жизни,
смерть пробудит
меня от сна,
от сна духа.

Существовать я буду,
из себя творя,

что силы света
излучат в меня.

Вот чему наставляет нас умерший, оглядываясь на страдальческую смерть: то, чему он наставляет, переживается так, как если бы существо наполняло себя тем, что должно научить его жить после смерти, глядя на эту смерть: отсюда он также подает сообщения о том, что хочет раскрыть.

В сиянии я ощущаю силу жизни.

Итак, он чувствует, что он живет более полной мерой по отношению к постижению духовного мира, чем жил он здесь перед смертью. Он чувствует смерть как своего рода пробудителя и наставника:

Смерть пробудит меня от сна,
От сна духа.

Теперь он даже чувствует, что становится деятелем в духовном мире:

Существовать я буду, из себя творя...

Но он чувствует, что это его действие создано в нём силами света, он чувствует этот свет в своём переживании:

Существовать я буду, из себя творя,
Что силы света излучат в меня.

Повсюду можно видеть, по-настоящему видеть, как то, что можно увидеть в духовном мире дают всё новые чистейшие подтверждения тому, что, в общем, может быть известно из духовного мира благодаря так называемому имагинативному познанию. Это то, что так хотелось бы оживить, поистине оживить с помощью духовнонаучного движения: мы должны иметь дело не только с каким-либо знанием о духовном мире, но должны действительно оживить это знание в себе так, что, оживляя в себе понятия духовной науки, мы иным образом почувствовали тот мир, ощутили тот мир. Это внутреннее оживление мыслей духовной науки и является тем, - как я уже часто говорил об этом, говорил, повторяя, - является тем, что, собственно, от нас требуется, как наш вклад ради дальнейшего развития мира, чтобы слить воедино рожденные из духовной науки спиритуальные мысли. Эти мысли поднимаются в духовный мир как сияющие силы, которые возвращаются в сияющую Вселенную: тем самым Вселенная соединяется с тем, что она воплощает в духовном культурном потоке человечества

благодаря тем, кто прошел врата смерти в наши тяжкие судьбоносные дни. Тогда наступит то, что выражено в словах, которыми мы также и сегодня хотим завершить наше рассмотрение:

Из мужества бойцов,
Из крови павших,
Из страданий оставленных,
Из жертвенных дел народа,
Взрастет духовный плод -
Если, сознавая Дух,
Души направят свои чувства
В царство Духа.

ДЕВЯТАЯ ЛЕКЦИЯ **Берлин, 9 мая 1915**

Мои дорогие друзья, сначала снова подумаем о тех, кто стоит на великих полях событий современности:

Духи ваших душ, деящие стражи
Ваши крылья могут донести
Наших душ молящую любовь
Вашей защите доверенным
Людям Земли,
Чтобы соединяясь с вашей мощью
Наша просьба, помогая, сияла
Душам, которых она, любя, ищет

И для тех, кто вследствие этих событий уже прошел через врата смерти:

Духи ваших душ, деящие стражи
Ваши крылья могут донести
Наших душ молящую любовь
Вашей защите доверенным
Людям сфер,

Чтобы соединяясь с вашей мощью
Наша просьба, помогая, сияла
Душам, которых она, любя, ищет

Дух, Которого мы ищем посредством наших устремлений в духопознании, Дух, Который на благо Земли и ради человеческой свободы и прогресса прошёл через Мистерию Голгофы, будет с вами и с вашим тяжким долгом!

Восемь дней назад мы предприняли своего рода рассмотрение об имагантном медитировании, и мы видели, что это рассмотрение показало нам, как всякое познание, которое действительно является познанием сверхчувственных миров, должно достигаться посредством дальнейшего, свободного от тела наблюдения, посредством того, что обычное, повседневное познание делается свободным от того, что обусловлено телом, чувственными органами, обусловлено нервной системой и так далее. Обычное дневное познание осуществляется благодаря тому, что тело служит инструментом для духовно-душевного начала человека. Духовное познание состоит из более тонких процессов, разыгрывающихся с человеком. На эти процессы хотим мы, прежде всего, указать сегодня в первой части нашего рассмотрения. Более тонкие процессы, сказал я. Более тонкими, нежели обычные, повседневные процессы познания, наблюдение, восприятие - они являются потому, что человек может исходить только из того, к чему он привык в повседневности. И лишь постепенно он может подняться к более тонким, более интимным процессам. Мы все могли бы достигнуть самого удовлетворительного, самого высшего познания духовного мира, если бы мы были в состоянии, без всего остального, проводить в полном сознании по крайней мере одну часть, лишь малую часть, лишь минуту от того состояния нашей жизни, которое мы имеем между засыпанием и пробуждением; проводить не в сновидческом, грезящем сознании, но именно в полном сознании. Ибо вся инициация состоит в осознании того, что бессознательно протекает вне нашего тела ночью во сне.

Высокий познавательный процесс никогда не состоял ни в чём ином, как только в осознании того, что в ином случае происходило, не будучи осознано, в сонном состоянии от засыпания до пробуждения.

Впрочем, существует, - что, возможно, удивит вас, - часть человека, телесного человека, которая, в сущности, всегда находится в спящем состоянии, которая всегда спит. При вступлении в антропософскую жизнь нет необходимости вникать в такие вещи; благодаря нюансам духовнонаучного исследования мы можем постепенно и медленно осознать это. Естественно, мы

считаем, описывая, что человек днём бодрствует, а ночью спит, что днём его «я» и его астральное тело полностью соединены с физическим телом и эфирным телом, а ночью существо астрального тела и «я» находится вне физического тела и эфирного тела. Мы думаем так вполне правильно, поскольку мы лишь постепенно можем обратиться от более грубого понимания духовнонаучных фактов к специальным истинам. Грубо говоря, это правильно, что человек со своим «я» и астральным телом во сне находится вне своего эфирного и физического тела. И всё же для одной части тела справедливо то, в своей существенной части эта часть тела спит между пробуждением и засыпанием, по крайней мере, в существенной части спит. Удивительным образом это та часть человеческого тела, которую мы называем головой. Она спит именно тогда, когда мы бодрствуем. И хотя могли бы с легкостью посчитать, что голова будто бы бодрствует в наибольшей степени, она в действительности представляет собой то, что бодрствует менее всего. Ибо бодрствующая деятельность человеческого мышления, и вообще головной организации основана на том, что даже в пробуждённом состоянии «я» и астральное тело относилось к органам головы так, что они, - то есть часть «я» относящаяся к голове и часть астрального, относящаяся к голове, - не полностью могли быть связанными с физической и эфирной частями головы, но всегда жили собственной жизнью вне физической и эфирной частей головы. Вместо этого внутренняя связь между астральным телом головы и между физическим её телом обнаруживается только в том случае, если у человека имеется головная боль. Если человек имеет достаточно сильную головную боль, тогда в большинстве случаев имеет место связь между астральной частью головы и физической частью головы. Если у человека имеется головная боль, то думать он может хуже всего. Это происходит оттого, что в данном случае возникает сильная связь между астральной, физической и эфирной частями головы. Наше бодрственное мышление, а также остальная бодрственная душевная жизнь основаны на том, что в известном отношении «я» и астральное тело головы находятся вне физического и эфирного тела и именно вследствие этого отражаются в физическом и эфирном теле головы; подобно тому, как мы можем увидеть себя в зеркале, если находимся вне его. Это отражение даёт нам образы нашей повседневной жизни. Это зеркальные образы, которые мы переживаем в повседневной жизни, которые мы, познавая, воспринимаем. Благодаря этой протекающей вне головы жизни, благодаря этому сну головы и благодаря обусловленному твердостью черепа отбрасыванию деятельности «я» и астрального тела достигается то, что мы ощущаем внутренний мир «я» и

внутренний мир астрального тела как свой собственный. Если бы было так, как это обстоит с другими частями организма, где деятельность «я» и астрального тела в ещё большей степени включена в деятельность физического и эфирного тела, то тогда мы воспринимали бы в голове пищеварительную органическую деятельность, а возможно также и ритмическую деятельность сердца. Может быть, даже и не воспринимали, но о мыслительной деятельности не могло бы быть и речи, ибо последняя основана на том, что эта деятельность не внедряется, а отражается назад. Сердце - это другой орган, который абсорбирует, принимает в себя деятельность «я» и астрального тела. Органы головы не принимают её, они в большей степени отражают её назад; поэтому она может быть пережита затем во внутри души.

Ночью от засыпания до пробуждения всё «я» и всё астральное тело, - что, впрочем, не вполне верно, а лишь примерно, - итак, большая часть «я» и астрального тела находится вне физического и эфирного тела. От засыпания до пробуждения человек находится в таком положении, что по отношению к гораздо большей части «я» и астрального тела может вести себя так, как он ведёт себя в бодрствующем состоянии по отношению к своей голове. Но уровень остального организма ещё далёк от уровня головы; остальной организм на развился настолько далеко, чтобы он мог излучать назад, как это делает голова. Поэтому во сне не возникает никакого сознания. Если мы будем наблюдать движения наших рук, мы должны будем сказать себе: в этих руках мы естественно имеем, - поскольку мы можем двигать ими, когда мы бодрствуем, - вышеназванные члены: «я», астральное тело, эфирное тело и физическое тело. Всё это существует, всё это включено в деятельность, когда мы двигаем руками. Теперь представьте себе человека оказавшегося в таком положении, что руки его были бы скреплены, связаны с его организмом, причём так, что он никогда не мог бы ими двигать, но что они прочно были бы прикреплены к организму, были прочно связаны с ним. Давайте допустим, что человек был бы наделён даром, - не имея возможности двигать своими прикреплёнными руками, - в то же время мог бы двигать исключительно эфирным телом или хотя бы астральным телом этих рук. Следствия отсюда были бы весьма значительны. Он стал бы тогда как бы вытягивать наружу астральное и соответственно, эфирное тело из физических рук, которыми он не мог бы двигать, которые были бы скреплены. Мы не стараемся выполнить такую процедуру; если двигаем астральным или эфирным телом рук, то мы двигаем вместе и физические руки. Хорошо выполнить это естественным образом на Земле невозможно, но в ходе эволюции это будет выполнимо, хотя и несколько иначе, нежели тем грубым

образом, который я описал сейчас. Произойдёт так, что когда в ходе эволюции Земли будет развиваться дальше и дорастёт до Юпитера, на самом деле наступит то, что его руки, физические руки станут неподвижными. На Юпитере человек будет выглядеть так, что его физические руки уже не будут больше подвижными членами тела, подвижными органами, они окажутся как корабль на мели, но зато астральные, а также эфирные руки частично смогут двигаться снаружи. Итак, на Юпитере физические руки будут проявлять себя, не будучи подвижными; напротив, соответствующие астральные, эфирные руки будут подвижны как крылья. На этом будет основано то, что человек Юпитера будет мыслить не только головным мозгом, но его неподвижные руки дадут ему возможность излучать назад в том, что теперь связано с физическими руками. Благодаря этому он будет иметь гораздо более живое, более охватывающее мышление. Вследствие того, что физический орган приходит в состояние покоя, соответствующий духовно-душевный член, принадлежащий этому органу, высвобождается, и может затем развивать духовно-душевную деятельность. В действительности именно так обстоит дело с нашим головным мозгом: когда мы ещё были лунными людьми, мы тогда имели такие органы, которые двигались как руки, и эти органы затвердели, стали неподвижными. На (древней) Луне мы ещё не имели твердой оболочки головного мозга; тут органы, которые теперь сосредоточены вместе в головном мозгу, двигались как руки. Из-за этого человек на (древней) Луне ещё не мог мыслить так, как на Земле. Но для того, кто может проверить мышление посредством ясновидения, ясно, что находящиеся в спящем головном мозгу органы у человека в состоянии бодрствования фактически двигались подобно крыльям, как я вам это описал; астральные и эфирные руки становились подвижными, когда физические руки сохраняли неподвижность. Итак, на переходе от (древнего) лунного состояния в земное состояние действительно имело место то, что здесь эти, своего рода «руки» были связаны да, к тому же, удерживаемы твёрдой оболочкой головного мозга, благодаря чему эфирное и астральное оказалось свободным. Но органы должны развиваться дальше. Эти (наши) руки не могли остаться как есть, если человек разовьётся до Юпитера; в субстанциональном отношении они будут связаны, как связаны они в нашем головном мозге, и станут органом, излучающим назад. Это тот самый процесс, который можно обозначить как естественную эволюцию.

Другим процессом является процесс инициации. Он состоит в том, что мы в центральный пункт нашего сознания ставим какие-либо мантрические медитации, и совершенно входим внутрь их. Если мы это делаем, то тем самым прилагаем усилия для того,

чтобы для образования мысли, для обладания мыслью не использовать нашу телесность; но, чтобы мы действительно отделились, ушли от телесного, от чувственно-физического с этой мыслью, чтобы мы как бы застыли в ней, чтобы при медитировании мы не имели никакой помощи от физического мира. В случае обычного повседневного мышления нам помогает физическое тело, помогает физический мир. Мы мыслим, если посредством органов чувств на нас оказывается впечатление. Тем самым мышление становится удобным для нас. Ибо мир оказывает на нас эфирное и физическое впечатление. Это поддержка нашего мышления. Если мы медитируем, мы должны отстранить себя от всего физического, также и ото всех представлений. Мы должны совершенно по своей свободной воле поставить в центральный пункт нашего сознания одну мысль. В результате происходит нечто в высшей степени своеобразное, то, что по отношению к процессу восприятия является более тонким процессом. Если мы проводим это так, что как бы забываем весь остальной мир, - как если бы весь остальной мир не существовал, как если бы в пространстве и во времени не было ничего, кроме этой единственной мысли, - если мы делаем это так, что весь мир становится безразличным для нас, и мы живём только в медитативной мысли, тогда наступает то, что, само собой разумеется, не может констатировать никакая физическая наука; благодаря этому тонкому процессу медитирования достигается слабая, тонкая потеря тепла, расход тепла. Тепло расходуется, уходит прочь. Этот процесс не может быть констатирован физически, но потеря, расход имеет место, *и при определённых обстоятельствах мы ещё будем говорить об этом. Тогда мы увидим, как благодаря этому процессу, который всё же можно наблюдать, можно указать физической науке, что медитативный процесс связан с неким тонким тепловым процессом и неким тонким световым процессом.*(44)

От света, который мы воспринимаем, мы кое-что используем внутренне; мы используем свет. Мы используем также и нечто другое, но мы хотели бы при этом остановиться на том, что мы используем свет и тепло. То, что мы используем обуславливает наступление того, о чём я говорил здесь, - что из процесса медитации остается некая тонкая жизненность. Если мы думаем об обычных повседневных процессах, в нас тоже живёт нечто, что напечатлется, отпечатывается в нашем организме и содействует процессу, который тоже имеет дело с теплом; это отпечатывается здесь, и то, что разыгрывается тут, обуславливает то, что мы имеем память. Но при медитации дело до этого не доходит. Если мы, замкнувшись, живём в чисто мыслительном содержании или в содержании ощущений, в нашем теле не отпечатывается то, что мы

используем; оно отпечатывается во всеобщем эфире. Оно обуславливает внешний процесс. Да, мои дорогие друзья, если вы действительно серьёзно, по-настоящему медитируете, то свои мысленные формы вы отпечатываете во всеобщем эфире; он находится там внутри. И если вы затем посмотрите назад на медитативный процесс, то это будет не обычное воспоминание, но взгляд назад на то, что отпечатлелось во всеобщем эфире. Важно, чтобы мы это имели в виду. Это тонкий процесс, который мы ведём так, что он отображает отношение между нами и окружающим эфирным и астральным миром. Человек, который развивает обычные, повседневные восприятия и мышление, имеет дело только с самим собой; этот процесс разыгрывается только в нас самих. Однако тот, кто предпринимает настоящую, истинную медитацию, живёт в некоем процессе, который является мировым процессом, космическим процессом. Тут появляется нечто, хотя и чрезвычайно тонкое. Происходит следующее: при медитации расходуется некоторое тепло. Когда оно израсходовано, возникает холод; всеобщий мировой эфир охлаждается, когда мы медитируем. Расходуется тут также и свет, он пригашается, возникает темнота, пригашенный свет. Человек медитирует в одном месте мира, а затем уходит, оставляя в этом месте слабое охлаждение и в то же время, убавление света. Всеобщее наличие света уменьшается, пригашается, становится темнее. Ясновидчески всегда можно исследовать, - если какой-то человек медитировал в каком-то месте, - в каком именно месте проводил он медитативный процесс. Если же он уходит, тут находится его теневой образ, он холоднее, чем окружение. Так на этом месте создаётся холодный, тёмный призрак; мы выгравировали его там. В тонком, очень тонком виде нечто происходит на этом месте, что вы могли бы сравнить в более грубо с тем, что возникает на фотопластинке. Итак, это такой процесс, который разыгрывается не только в человеке, но действительно разыгрывается и в Космосе; тем самым человек добавляет себя к Космосу.

Во всяком случае, имеется одна мысль, которую человек медитирует, даже если он вообще не является медитантом, если даже он совершенно ничего не знает о какой-то духовной науке. Одну мысль человек, тем не менее, медитирует. И одна эта мысль, по видимости очень маленькая, но бесконечно важная для жизни, - это мысль «я». Мысль о «я» всегда схватывается таким образом, что схватывается она свободной от тела. Насколько мы с нашим «я» имеем отношение к миру, также и некоторые связанные с нашим «я» вещи, даже если человек не замечает этого в жизни, мыслятся так, что они, - я бы сказал, подобны сучьям на дереве. Так некоторые мысли, ощущения, волевые импульсы становятся как

ветви, или даже как щупальца, подвижные щупальца; они группируются вокруг «я». Так что на деле человек постоянно, в течение всей жизни, за собой старается приблизиться к тому, что он мыслит как «я», к тому, что простирает во все стороны такие подвижные фрагменты. Человек оставляет позади себя некий призрачный источник в течение всей своей жизни. Но это весьма реальная вещь, ибо они в то же время содержит всё то, что переживает, испытывает человек, по мере того, насколько он вдумывается, вчувствуется в своё «я». Это остаётся и существует. И если человек проходит через врата смерти, он учится оглядываться на это, оставленное им позади; это даёт ему возможность осуществлять связь между тем, что он переживает после смерти и тем, что он оставил позади.

В медитации мы, как земные люди должны, прежде всего, сдерживать наши органы посредством воли; возможность правильно медитировать основана на том, что в медитации мы действительно высвобождаем наши мышление, чувство и ощущения, так что тело больше не действует вместе с ними; посредством этого мы можем так сильно концентрироваться внутренне, что только то, чего мы хотим, но не то, чего мы не хотим, запечатлевается, как бы фотографируется в мировом эфире. Мы всегда должны акцентировать то, что действительная, правильная медитация есть реальный процесс, поистине реальный процесс.

Если мы вспомним о том, что человек оставляет позади то, где, в сущности, находятся все его переживания, вспомним, что это остаётся, мы увидим также и то, что если человек, пройдя через время, лежащее между смертью и новым рождением, снова спускается на Землю, - он тогда застаёт ещё внутри мирового эфира то, что он оставил позади. Здесь мы имеем реальность того, что разыгрывается в карме.

К познанию таких вещей можно придти лишь медленно и постепенно. Поскольку это так, поскольку тут разыгрывается реальный процесс, выходящий из нас вовне, вторгающийся в Космос, у медитанта возникает чувство; медитация - это нечто иное, нежели обычное мышление. В случае последнего мы имеем чувство: мы являемся тем, кто сочетает мысли, кто соединяет одну мысль с другой; мы являемся тем, кто здесь выносит суждение. В случае медитирования человек постепенно получает чувство; это не только ты, кто тут думает, кто медитирует, но тут происходит нечто, в чем ты, хотя и участвуешь сам, но что разыгрывается также и помимо тебя, вне тебя как сохраняющееся, остающееся событие. Такое чувство надо получить. Дело обстоит так, будто бы у человека возникает чувство, что если он бросает о стену бьющийся предмет, происходит не только то, что происходило перед полётом, но и то,

что в связи с ним произойдёт после; предмет разбивается, это происходит, когда он высвобождается от нас. Так и в медитации человек получает чувство: это не ты, кто мыслит, хотя ты и разжигаешь твою мысль, но затем она крутится дальше, она крутится и существует. Ты большей уже не являешься её исключительным господином, нет, она начинает свою самостоятельную жизнь и собственное существование. И это самоощущение себя, как находящегося в атмосфере, в ткущей и пребывающей атмосфере своей мысли, подобно тому, как если бы даже как волна пробегала через наш мозг; начиная чувствовать, что это так, получаешь прочную уверенное чувство, что находишься в духовном мире; ты сам являешься лишь ткущим членом во всеобщем духовном мире. Важно, чтобы мы, действительно приходили к такой тишине, к такому душевному покою, в медитации, что возникает это значительное чувство: ты не один, кто это делает; оно делается. Ты начал двигать эти волны, но они распространились вокруг тебя. Они имеют собственную жизнь, а ты являешься всего лишь её центральным пунктом.

Вы видите отсюда, мои дорогие друзья, что это такое переживание, которое, в сущности, даёт познание духовного мира. Этого переживания следует ожидать в полном покое. Оно имеет чрезвычайное значение, но для этого требуются терпение, выдержка, самоотверженность, этого надо ожидать в полном покое. Ибо этого переживания достаточно, чтобы полностью убедиться в объективном существовании духовного мира.

Что можете вы извлечь из только что проведенного изложения, так это то, что промежуточное состояние от бодрствования ко сну, в общем смысле, по существу, необходимо. Здесь мы засыпаем и бодрствуем таким образом, как нам это только что стало известно. Мы засыпаем и пробуждаемся по той причине, чтобы наш головной мозг, деятельный в течение целого дня, тоже мог погрузиться в ту часть, которая днём снабжает, обеспечивает органы, а ночью находится снаружи и остаётся бессознательной. Этот ритм сна и бодрствования должен иметь место; но мы видели, что он имеет место и в великом процессе развития мирового существа. Когда теперь мы имеем наш головной мозг в спящем состоянии, мы вследствие этого можем думать; руки мы имеем в бодрствующем состоянии, то есть всё наше отношение с руками носит свободный, пробуждённый характер, в то время как во сне они неподвижны. На (древней) Луне наш головной мозг бодрствовал, а учились мы во сне; земное мышление мы могли развивать именно благодаря тому, что мы научились этому сну головного мозга. В то время как мозг на древней Луне ещё был пробуждён, бодрствовал, здесь (на Земле) он получил возможность спать; благодаря этому человек может

мыслить. На Юпитере средняя часть тела научится спать, вследствие чего мышление будет переживать более широко. Так состояние между сном и бодрствованием претерпевает развитие. Но это состояние является всецело всеобщим оно указывает на всевозможные области. Можно сказать: если человек вглядывается, он видит, что смена состояний сна и бодрствования поистине необходима. Я приведу для этого один странный пример, странный, особенный пример, который, впрочем, может кое-что пояснить нам.

Не так ли, если бы вы захотели преподавать на тему о том, что как литературная духовная жизнь разыгрывалось в культуре начала девятнадцатого столетия, вы просматривали бы в каком-либо труде по истории литературы, какой поэт был значительным, какой незначительным; затем в каком-то месте картина прерывалась: поэты, которые были совсем уж незначительны, вообще не упоминались. Человек, который в настоящее время вообще что-либо знает, знает, какие поэты в первой половине девятнадцатого века были значительны, а какие незначительны. Это известно; а о некоторых, которые, - ведь этого нельзя отрицать, - тоже писали в девятнадцатом столетии, многие люди, - я не хочу сказать все, - вообще ничего больше не знают. Не правда ли, имеются люди, о которых совсем ничего больше не знают. Однако, несомненно, что придёт время, когда мы будем иметь другую картину, совершенно другую картину того, что называют, например, литературной духовной жизнью девятнадцатого столетия. Придёт время где, наверняка, поэтам, которым уделяется сегодня много страниц, будет уделяться только полстраницы, а кому-то, кого сегодня вообще не упоминают, десять или двадцать страниц. Эти вещи изменчивы. Существует даже необходимость того, чтобы эти вещи основательно менялись. Особенно, если обращают внимание на то, что духовная наука могла бы носить воспитательный характер в культурном процессе человечества, могла бы вливаться в человеческое знание и укореняться там, - если человек принимает это во внимание, узнает, как человечество будет переучиваться, как оно должно будет учиться мыслить. Я хочу сообщить одно.

Не правда ли, на место сегодняшнего познания, которое достигается только посредством того, что ценю, как настоящему достоверному познанию, придают единственно тому, что достигается человеком с помощью телесной организации, - вместо этого должно развиваться нечто другое, то, где будут придавать цену и тому, что может быть достигнуто на духовном пути инициации. Сегодня эти дела обстоят так, что настоящий учёный придаёт цену единственно тому, считает надёжным единственно то, что обретается с помощью познания, достигаемого посредством инструмента тела. Всё остальное есть фантастика. В крайнем

случае, он принимает это в качестве гипотезы. Но и тут не заходят слишком далеко, иначе он и гипотезу назовёт чем-то в высшей степени фантастическим. Так это расценивают сегодня. Должно придти время, когда достигнутое на пути духовного познания будет не только признано, но даже то, что известно в физическом мире, будет освещаться и в правильном смысле пересматриваться посредством духовного познания. Это должно придти.

Не только в качестве сравнения, но и в соответствии со всей действительностью можно сказать: мы живём сейчас в такое время, когда человек спит по отношению к познанию, по крайней мере, это относится к человеку вообще. Не считите это за невежливость, поскольку отсюда исключаются те, кто интересуется духовной наукой, кто бодрствует относительно духовного познания. Но остальные люди спят по отношению к духовному познанию, они сонны, апатичны. И именно то, является столь почитаемой наукой, возникло потому, что она в действительности спит. Мы находимся в том времени, когда истинную действительность в самом актуальном смысле человечество просыпает. Это продолжалось уже долгое время, и, можно сказать, засыпание тут всегда предшествовало сну; можно также наблюдать, как именно в девятнадцатом веке имело место своего рода грезящее, сонное состояние и борьба со сном. Теперь мы живём в эпоху, когда по отношению к духовному познанию человечество в большей степени спит. Сейчас оно сладко дремлет. Но будет совсем нелегко преодолеть этот сон; мы видим, например, как в отдельных крупных явлениях в первой половине девятнадцатого столетия борьба со сном имела место, когда в некоторых людях ещё всходили некоторые предчувствия, внутренние переживания из духовного мира, от духовных соотношений. Девятнадцатое столетие и своим дальнейшим течением не могло сделать ничего, чтобы впасть в это сладкое дремлющее состояние, кроме как позабыть о поэтах, которые ещё знали кое-что особенно из духовного мира. Они не подходили для этого состояния духовной дремоты.

Но я уже обращал однажды ваше внимание на одного поэта, *Юлиуса Мозена*(45), который в своём «Рыцаре Грёза» и даже в своём «Агасфере» создал поэмы, из которых мы видим, что в этом Юлиусе Мозене действительно жила связь с духовным миром. Рыцарь Грёза, изображённый Юлиусом Мозеном, имеет своим прообразом старинную сагу: автор изображает его проникнутым известной идеей, из которой видно, что автор ещё имеет связь с духовным миром. Рыцарь Грёза ищет на Земле того, кто мог бы дать ему разъяснения о победе над смертью. Такова в основном тема стихотворения Юлиуса Мозена «Рыцарь Грёза»; этот рыцарь Грёза, - то есть тот, кто владеет обычным познанием, являющимся

грезящим, иллюзорным познанием, - этот рыцарь Грёза разыскивает кого-то, кто мог бы разъяснить ему: как выбраться из иллюзорного, грезящего познания физической жизни? Он очень высокого мнения о том, кто ему это объяснит. Затем Юлиус Мозен даёт описание, относящееся к тому, как этот рыцарь Грёза хочет найти того, кто захотел бы дать ему разъяснение о свободном от тела познании:

Пройти через всю землю надо мне
Пусть смелый конь несёт меня к Востоку
От замка к замку, от страны к стране.

Мне кто-то должен явственно сказать,
Что тело он моё спасёт от смерти,
Что властен биться с ней, и побеждать.

Ему хотел бы я служить всю вечность,
Служить рукою сильного бойца,
И постоянно за него сражаясь.

Этот рыцарь Грёза ищет объяснения того, как достичь познания, которое не подчинено телу, но само подчиняет тело, которое существует вечно. Итак, это страстное стремление уже существует. Рыцарь Грёза, - как говорит Юлиус Мозен, - сначала борется со стариком (по имени) «Ирд». Это было непонятно людям: Ирд. Но если бы можно было прочесть это имя в оригинале, то слово «Ирд» не стали бы переводить словом «Смерть», как сделал это *лейпцигский профессор литературы Рудольф фон Готтшаль(46)*. Следовало бы перевести это слово словом «Земля» (Erde) или «мир». С этим стариком Ирдом борется вначале рыцарь Грёза. Он побеждает его. В последний раз мы говорили о преодолении земного начала посредством духовного, о победе духовного над Землей, временем и пространством. Рыцарь побеждает затем старика «Пространство» и достигает небесных врат, то есть духовного мира. Затем у него возникает стремление возвратиться на Землю, поскольку он ещё не полностью изжил свою жизнь. Это очень красивая поэма «Рыцарь Грёза», которая показывает нам, что уже есть один, кто сталкивался с проблемой инициации, кто кое-что знает о том, что эта проблема инициации существует. В своём «Агасфере» Юлиус Мозен изображает нечто подобное снова.

Есть *другой немецкий поэт, Вильгельм Йордан(47)*, который хоть и называется чаще, но не его произведение, благодаря которому он обрёл свою духовность: «Демиург». Этот «Демиург», -

произведение появилось в пятидесятые годы, - является поистине значительным произведением, так как в этом «Демииурге» действительно выражается то, как духовные существа, духовные власти, как добрые, так и злые, подходят к человеку, как они проникают в человеческую душу, и с помощью людей манифестируют себя здесь, на Земле. Так что, если мы имеем перед собой человека, мы должны думать об этом так: конечно, этот человек состоит из того, что нам известно, но в нём действует нечто такое, что приходит от высших духовных существ. И «Демииург» по большей части касается того, что отображает эту связь человека с духовным миром. В трёх прекрасных томах изображает Йордан в своём «Демииурге» то, как духовные существа вступают в игру в человеческой душе. Это и есть борьба со сном, который тогда подступил во всём. Это люди, которые в этой дремоте ещё подступали к тому, что человечество должно было достичь посредством духовной науки, завоевать в этом сладком сне чисто внешнего позитивистского познания. Мы должны рассматривать это как некий процесс, который вносили эти люди, несмотря на спиритуальный сон, вносили в эту леность, в этот ленивый сон. Если мы спросим себя: на чем было основано то, что находились такие люди как Юлиус Мозен, который смог изобразить спиритуальный процесс, который смог отобразить спиритуальный процесс в путешествии своего «Рыцаря Грёзы», откуда это пришло? Это очень показательно: Юлиус Мозен был болен, и большую часть своей жизни провел, будучи совсем парализован. Но что означал этот паралич? То, что физическое тело иссохло и высвободило эфирное тело и астральное тело. Вследствие этого паралича астральное тело и эфирное тело было свободно. То, чего нам с большим трудом приходится достигать посредством процесса инициации, было у него обусловлено болезненным процессом. Конечно, этот болезненный процесс нельзя рассматривать как настоящий процесс инициации, или как желаемый процесс; но в то время, когда наступила леность, застой, мировой порядок присылает в мир человека, которому придаёт такое соотношение между физическими и духовно-душевыми членами. Он лежит тут парализованный, он не может пошевелить ни одним своим членом, но душа его подвижна, дух его подвижен, они вследствие этого освободились и проникают в духовный мир. То, что инициация ищет здоровым образом, в данном случае вызывается болезнью. Тут человек большую часть своей жизни лежит парализованный в постели, но триумфальным образом над параличом тела высвобождается душевно-духовное начало. Вот почему этот человек действительно может производить нечто, что кажется нам столь спиритуальным. Это могло бы быть достигнуто более здоровым

образом, нежели в случае Юлиуса Мозена, но, возможно вследствие этого, было бы менее глубоко.

Это должно было быть достигнуто более здоровым образом. Ещё в первой половине девятнадцатого века одному поэту удалось изобразить культурно-исторический процесс человечества так, что в своих образах он всюду освещает связь между духовным миром и тем, кто странствует по Земле как человек. *Это прекрасная поэма тридцатых годов девятнадцатого века, «Альгамбра» фон Ауффенберга. Этот Ауффенберг является спиритуальным поэтом, и «Альгамбра» - его самое значительное произведение(48).* Так что мы имеем три произведения, а вместе с «Агасфером» - четыре: «Рыцарь Грёза», «Агасфер», «Демиург» и «Альгамбра» - надо было бы сказать многое и о других, которых теперь нелегко достать, - итак, мы имеем четыре таких произведения, которые показывают нам, как в это время, на фоне всеобщего материалистического сонного бытия засыпая. Исчезает то, что является связью человека с духовным миром. Прежде человечество уже было открыто по отношению к духовному миру; естественно, только те, кто теперь описывает духовный мир задним числом, игнорируют, выпускают из виду тех, кто обладал полным сознанием духовного мира. Если сегодня человек пишет историю философии, он также выпускает того, кто имел сознание духовного мира, или не упоминает этого взаимодействия с духовным миром у наиболее выдающихся личностей.

Очень интересно сравнение между «Рыцарем Грёзой», где действительно пульсирует спиритуальная жизнь и «Демиургом» Йордана, где есть отзвуки спиритуальной жизни. Йордан был вполне здоров; он не мог как Мозен, имевший парализованное тело, отделить духовно-душевное от тела. Следствием этого было то, что Йордан лишь в течение подвижной юности, когда он ещё благодаря внутренней энергии, эластичности и логике охватывая духовно-душевное, пришёл к замыслу «Демиурга». Позднее он вошёл в историю культуры как грубо материалистический дарвинист, путь которого лежал через его «Нибелунгов» и так далее. Итак, и ему пришлось поддерживать усыпляющую песню материализма. Но самое значительное из того, что мы видим, это то, что наше время имеет задачу претворить познание в духовный процесс, в процесс эволюции человечества, который вызовет настоящее духовное знание, вызовет познание того, на что Мировой Дух указал посредством трагической судьбы Юлиуса Мозена: человек больше не может произвольно, без дальнейшего, вступать в духовный мир; раньше было время, когда он это мог, когда, благодаря чисто природным свойствам человека, духовно-душевное начало, - астральное тело и эфирное тело были свободны и независимы от

физического тела; но времена эти прошли. В естественном состоянии человек в нашу нынешнюю материалистическую эпоху, - это должно оставаться на протяжении всего остатка земного бытия и становиться ещё интенсивнее, - человек должен иметь тесную, компактную связь между духовно-душевым и физически-телесным началом. Но вследствие этого человеку невозможно природным образом приходить к какому-либо сознанию спиритуального мира. Однако оно должно наступить, по причине того, чтобы тем самым воля могла действовать; чтобы тем самым, проникаясь моментами духовной науки, человек из внутренних волевых импульсов, из свободы, в медитации и концентрации высвобождал духовно-душевное от физически - телесного. Ибо если бы стали приходить к спиритуальным познаниям точно так же, как прежде, должны были бы стать, как тот человек, больными, стать парализованными, проводить вторую половину жизни с парализованными членами. При современной организации это было необходимо. Раньше такой необходимости не было. Человеку не нужно было становиться парализованным, но связь между астральным телом, эфирным телом и физическим телом была такова, что имело место ясновидческое познание. Сегодня оно возможно лишь вследствие заболевания. То, что произошло с Юлиусом Мозеном, есть своего рода отличительный признак.

С помощью духовной науки надо вызвать перед своей душой глубокие взаимосвязи мировых явлений, но надо также уяснить себе, с какими глубокими духовно-историческими импульсами внутренне связано то, что делает необходимым, чтобы человечество постепенно переходило к духовной науке. Этого требует не произвол кого-то в отдельности, но вся ориентация духовного развития человечества, которая должна иметь место в земном становлении. Миссией и задачей человека является: в будущем все больше и больше переходить к спиритуальным переживаниям, для того, чтобы человечество со всей земной культурой не высохло, для того, чтобы действительно жил на Земле и дальше.

Среди многих вещей, которые могли бы приблизить для человека такое познание, существует также и то, о чем я повторно высказывался: большое количество людей теперь, в относительно короткий промежуток времени, выносят своё душевное существо вверх, выносят вверх, имея неиспользованные эфирные тела, те, что ещё содержат силы, которые могли бы в течение десятилетий обеспечивать физическую жизнь, которые, вследствие страшных исторических событий, проходят через врата смерти; их эфирные тела, будучи неизрасходованными, уносятся вверх в духовный мир. Однако, это может стать большим подспорьем при спиритуализации человеческой культуры. И, наряду со всем прочим, это великое

эпохальное событие имеет в высшей степени глубокое значение в эволюции человечества; благодаря созданию неиспользованных эфирных тел в наше земное развитие могут устремиться те силы, которые должны будут поддерживать духовность. Но, мои дорогие друзья, если бы в мире было много Солнц, но человек не мог воспринимать солнечный свет с помощью глаза, как говорят об этом слова Гёте: «Солнце стало бы светить напрасно, если б не было глаза, воспринимающего его свет», - подобно этому из души земного человека должны были пробудиться органы, чтобы по-настоящему воспринять то, что как духовная жизнь спускается вниз из Космоса и из того мира, в котором человек проводит жизнь между смертью и новым рождением, и в котором есть неиспользованные эфирные тела. Надо связать себя с тем, что было принесено в жертву духовному космическому бытию вследствие огромных жертв войны; это должно быть принято теми человеческими душами, которые восприимчивы по отношению к духовности. Случилось бы нечто страшное, если бы продолжала жить только та наука, которая сегодня кажется единственной, которая не делает ничего иного, как только регистрирует внешне воспринимаемые факты и использует их, чтобы составить о них рассудочные суждения. Если наука является лишь повторением того, что существует без науки, она не может найти связь с Божественно-духовным. Только то, что в человеческой душе действительно может пробудиться, поднявшись над чувственно-воспринимаемым, может реально связать себя с Божественно-духовным, так, чтобы сам процесс развития Земли оставался духовным, спиритуально живым. Всё поступательное развитие человечества оснуется на проникновении спиритуальности в процесс душевного развития, и только, исходя из духа можно решать, является что-либо истинным или ложным. Сегодня полагают, что можно без духа решать то или иное, доказывать то или иное; однако последней инстанцией для решения, касающегося даже чувственных истин, является духовное переживание.

Когда старые духовные переживания пропали во второй половине девятнадцатого века, появились, так сказать, признаки того, что дух еще может действовать в некоторых людях, показывая, тем самым иллюзорность доказательств направленных исключительно на внешне-чувственное. Один человек, который *писал под именем д-ра Мизеса(50)* в это время предпринял усилия, чтобы показать, что доказать можно всё, всё, как даже противоположное этому можно доказать, и как последней инстанцией является тут только связь с духовной жизнью. Например, этому человеку приходилось переживать кое-что в связи с естественной наукой, в связи с медициной, - сам он был медиком, - он переживал, что каждый

момент появляется новое лекарство от той или иной болезни. Он пережил именно то время, когда от зоба, заболевания щитовидной железы стали прописывать йодин, соль йодистоводородной кислоты. Было время, когда это лекарство пользовалось особенным триумфом; тогда хотели доказать, - это происходило в двадцатые годы девятнадцатого века, - каким ценным лекарственным средством является йодин. Тут д-р Мизес взялся за работу и показал, что вполне можно доказать, в соответствии со всеми естественнонаучными законами, будто бы йодин является чем-то исключительным, так как можно доказать, что Луна состоит из йодина. Он предоставил непротиворечивое доказательство, что это, якобы, так. Тем самым он хотел показать, что доказать можно всё, что захочешь. Можно доказать и это. Рассудок, связанный с головным мозгом, действительно может доказать и «да» и «нет» относительно любой вещи. Дело почти всегда обстоит так, что всплывает какое-либо научное мнение, а в другое время - нечто противоположное; люди могут с одной стороны столь же хорошо доказать «да», как и «нет» с другой. Однако то, что не подвержено таким ариманическим колебаниям между подъёмом и спуском то «да», то «нет», то, что действительно является поступательным продвижением доброй Божественности в эволюции человечества, основано на спиритуальности. Мы должны иметь ясность относительно того, что особо характерные культурные факты современности происходят оттого, что эта современность есть сонное состояние духовной науки; что надо всем, кажущимся наукой, распространяется в особенных объёмах некая духовная дремота. Она необходима, эта духовная дремота. Это не критика, исходящая от меня, а лишь констатация фактов. При всей любви, надо объяснять, надо акцентировать то, что существовала необходимость, чтобы некоторое время вся наука улеглась спать, по отношению к духовному миру. Но сейчас снова настало время, когда должно наступить живое пробуждение духовной жизни, той духовной жизни, стремление к которой мы ощущаем повсеместно. Вот то, что могло бы стать основанием для ощущения, мои дорогие друзья, которое могло оживить нас в это болезненное время. Насколько можем мы обрасти предчувствие того, что человек должен найти путь в духовный мир, настолько должны мы искать этот путь: мы должны искать встречи наших спиритуальных мыслей с тем, что струится вниз от неизрасходованных эфирных тел. В будущем это действительно может способствовать ретроспективному взгляду с известных спиритуальных высот на наши наполненные болью, судьбоносные дни. Эти спиритуальные высоты придут, если всё больше и больше людей из истинного содержания своего жизненного сознания, будут обретать

духовнонаучные импульсы. Тогда произойдет то, о чём я всегда из самой глубины души приводил вам как заключительную мысль в рассматриваемых, проводимых нами здесь в этом месте в последнее время; мысль, которую мы хотим принять как надежду, надежду, которую может и даже должен иметь тот, кто переживает наши судьбоносные дни в связи с духовной наукой:

Из мужества бойцов,
Из крови павших,
Из страданий оставленных,
Из жертвенных дел народа,
Взрастет духовный плод -
Если, сознавая Дух,
Души направят свои чувства
В царство Духа.

ДЕСЯТАЯ ЛЕКЦИЯ **Берлин 16 марта 1915**

Давайте сначала снова подумаем о тех, кто стоит на великих полях событий современности:

Духи ваших душ, деящие стражи
Ваши крылья могут донести
Наших душ молящую любовь
Вашей защите доверенным
Людям Земли,
Чтобы соединяясь с вашей мощью
Наша просьба, помогая, сияла
Душам, которых она, любя, ищет

И для тех, кто вследствие этих событий уже прошел через врата смерти:

Духи ваших душ, деящие стражи
Ваши крылья могут донести
Наших душ молящую любовь
Вашей защите доверенным
Людям сфер,
Чтобы соединяясь с вашей мощью
Наша просьба, помогая, сияла
Душам, которых она, любя, ищет

Дух, Которого мы ищем посредством наших устремлений в духопознании, Дух, Который на благо Земли и ради человеческой свободы и прогресса прошёл через Мистерию Голгофы, будет с вами и с вашим тяжким долгом!

Мои дорогие друзья, сегодня в афористической форме мы снова сможем провести некоторое рассмотрение, которое с той или иной стороны сможет стать дополнением того, о чём говорилось в последнее время. Первое, на что мне хотелось бы обратить внимание, это форма, в которой обнаруживаются для нас факты и существа, после того, как, поднявшись в духовный мир, мы делаем первые шаги в духовном мире. Мне хотелось бы исходить из того, в чем состоят трудности при восхождении в духовный мир. Эти трудности на самом деле надо анализировать, и сколь верно то, что путь, который проделывает наша душа посредством наших медитаций, посредством всей внутренней работы, приводящей в духовный мир, столь же верно и то, что можно не понять недооценить то, в чём состоят особенности тех душевных переживаний, которые возводят душу в духовный мир. Во-первых трудность состоит в том, что мы привыкли обо всём, что испытывает наша душа, судить с точки зрения переживаний, усвоенных нами здесь, во внешне чувственном мире. Мы в известном смысле не знаем ни о чём ином, как только о том, что было усвоено нами из внешнего чувственного мира. Когда же мы входим в духовный мир, там всё обстоит поистине иначе, чем в чувственно-воспринимаемом мире. И так как там всё другое, то трудность состоит, в первую очередь в том, что видимое нами там, мы должны сначала сделать объектом своего наблюдения, внимания. Дело обстоит так, что перед нами может простираться, так сказать, весь духовный мир, но видеть мы ничего не будем. Это происходит по той причине, что мы, поскольку мы, бодрствуя и пребывая в земном теле, не в силах отвлечь наши духовные органы от нашего земного тела, не можем извлечь их из связи с земным телом.

Возьмём для сравнения то, что я уже не раз выбирал, чтобы обратить внимание на высвобождение душевного от телесного. Я

часто говорил: из того, чем является человек здесь в обычной жизни, можно познать его бессмертное начало в столь же малой степени, как мало из того, чем является вода можно узнать то, какими свойствами обладают водород и кислород. Водород, содержащийся в воде, будучи соединён с кислородом, подобно тому, как наше бессмертное начало, находясь внутри телесности, не показывает нам своих свойств, если он не выделен; он скрывает эти свои свойства. Так и душа скрывает свои свойства, когда она соединена с телом.

Обычная жизнь между рождением и смертью так воспитывает нас в отношении нашего поведения во внешнем чувственном мире, что мы, будучи в состоянии бодрствования, всегда имеем наши духовные органы связанными с нашей телесностью; они связаны так, как кислород и водород связаны в воде. Поэтому наша душа во время нашей жизни между рождением и смертью не имеет иной возможности освободиться от тела, как только тогда, когда она от засыпания до пробуждения выходит в духовный мир. В

В это время от засыпания до пробуждения душа действительно проникает в духовный мир, она находится в нём. Тут она извлекает из духовного мира новые силы для течения дня, но у неё остаётся привычка воспринимать лишь посредством телесных органов, и в тот момент, когда душа укрепляет свои силы настолько, чтобы они смогли воспринимать в духовном мире, она пробуждается. Ибо душа благодаря своим силам связана с телом; душа связана с телом из-за своей способности вожделеть. В тот момент, когда её силы становятся так крепки, что она может пробудить себя, она вожделеет вернуться в тело, если это тело ещё жизнеспособно. Поэтому после смерти мы должны сначала научиться ориентироваться.

Теперь сравним то, что в *открытых лекциях* обозначалось как *последняя душевная деятельность* - *способность воспоминания*(51) - сравним это с тем, что происходит, когда человек учится взирать в духовный мир. Это нечто такое, что в известном смысле делает нас свободными от телесности. Именно естественная наука, когда она продвинется вперед, покажет, что процесс воспоминания является для нас чисто духовным процессом. Ретроспективный взгляд на прежние воспоминания есть чисто духовный процесс. Но этому духовному процессу оказывается мощная помощь, а именно помощь нашего тела, помощь, которую приносит тело. Это происходит так: мы с душой, пребывая в теле, поистине доверяемся своей способности воспоминания, - прежде всего в отношении их образности, - это сходно с тем, что мы называем имагинативным познанием. Однако, испытывая что-либо в обычной жизни, мы напечатлеваем в телесности то, что мы

должны хранить как память. Когда мы имеем какие-либо переживания, то мы, прежде всего, со своими органами чувств, противостояем переживаемому; мы имеем образ, который мы себе создали. Этот образ, в первую очередь, отпечатывается в нашей телесности; в нашем теле возникает оттиск, который мы можем сравнить с отпечатком на сургуче. Важно уяснить себе, что такой оттиск остаётся. Однако то представление, которое часто формирует себе об этом естественная наука, носит инфантильный характер. У некоторых можно прочесть о том, что одно представление записывается в одной части головного мозга, другое представление - в другой части и тому подобное. Так не происходит; нет, это происходит так, что оттиск, который оставляет память в нашей телесности, совершенно несходен с тем, что мы позднее вспоминаем. Ибо, будучи наблюдаем ясновидчески, этот оттиск является, в сущности, оттиском в форме человеческой головы и придатков её в виде остального человека. Если бы мы могли извлечь этот отпечаток, то мы имели бы на самом деле тонкий, тенеподобный призрак нашей головы и её продолжения. А если бы мы имели другое воспоминание, мы снова увидели бы теневой образ какой-то головы с продолжением. Однако этот образ был бы совершенно не похож на то, что мы переживаем в ходе воспоминания. Сколь много воспоминаний мы имеем, столь же много теневых призраков заключено внутри нас. Все они следуют друг за другом и пронизывают друг друга. И то, что остаётся, становится, будучи рассмотрено извне, таким теневым образом; можно было бы только описать, что один выглядит так, другой - так.

Для того, чтобы воспоминания действительно реализовывались, человеческая душа должна сначала встретиться с этим, оставленным в теле отпечатком, она должна сначала расшифровать его так, как расшифровываем мы те своеобразные знаки, которые поставлены на бумаге; значки, совершенно непохожие на то, что мы переживаем в душе после того, как мы это прочли.

Такой процесс чтения, процесс бессознательный, должна провести душа, чтобы трансформировать «сургучный» оттиск в то, что мы затем переживаем как реальное воспоминание. Допустим, что вы на восьмом году жизни что-то пережили и сегодня вспоминаете об этом. Реальный процесс состоит в том, что вы, будучи чем-то предрасположены, будете отсланы с вашей душой к этой голове с её продолжением, которая тогда отпечаталась в вас; сегодня ваша душа расшифровывает этот отпечаток. От того, чем является переживание, в теле остается столь же мало, как и от того, что вы пережили, читая книгу, остается в книге. Когда вы снова читаете эту книгу, тогда вы должны снова на душевном уровне конструировать всю вещь заново. Это происходит без того, чтобы мы

это замечали. Но тот, кто не учился читать, не может извлечь из значков то, что должны выражать собой эти письма. Так обстоит дело и с процессом воспоминания; он представляет собой внутреннее чтение. В человеческой душе происходит многое, что разыгрывается под порогом сознания, и что человек даже не замечает. Когда мы предаёмся своим воспоминаниям, в человеке происходит бесконечно сложный процесс. Тут постоянно из вечерних сумерек в ином случае темной жизни поднимаются эфирные оттиски как о печати; в этом подъёме их и в расшифровке заложено то, что человек переживает в качестве своего внутреннего процесса воспоминания.

То, что я говорю вам, не выдумка; это действительный результат оккультного наблюдения. Но только если мы начинаем укреплять свою душу посредством того, что мы называем процессами медитации и концентрации, наступает то, на что я указывал: тогда уже образуется не то, что мы называем воспоминаниями, тогда мы развиваем внутренние силы. При этом то, что образуется как оттиск, отпечатывается снаружи, в эфире, текущем в мире: оно объективно впечатывается в мир. В то время как мы медитируем, концентрируемся, мы напечатлеваем себя в объективный мировой процесс. Точно также, в сущности, обстоит и тогда, если мы в процессе обучения отдаёмся тому, что может дать духовная наука, ибо она говорит о сверхчувственных вещах. Если мы действительно постигаем те мысли, которые даёт духоведение, мы высвобождаем сами себя настолько далеко, что наша мыслительная работа становится соработником, сотрудником Мирового эфира, в то время как если мы мыслим обычные мысли, мы запечатлеваем их только в самих себе.

Видите ли, дело тут вот в чём; нечто в вашей душе действительно стремиться вперёд, и ему бесконечно многое даётся посредством того, что следует назвать повторением того же самого мыслительного процесса. Если мы когда-либо концентрировались над какой-то мыслью, это произвело легкий, мимолетный отпечаток в Мировом эфире. Но если день за днём мы всё снова и снова культивируем ту же самую мысль, то и отпечаток создаётся всё снова и снова. А теперь мы должны предложить вопрос: если мы всё снова и снова создаём отпечаток в Мировом эфире, если всегда повторяем медитацию, то что, в сущности, происходит, куда напечатлеваем мы этот оттиск? Для ответа на этот вопрос я должен коснуться здесь чего-то другого.

Если кто-то действительно ищет путь в духовный мир, то происходит так, что когда человек действительно начинает становиться ясновидящим, эти ясновидческие переживания наступают весьма примечательно, а именно так, что при этом

отчетливо замечают: переживается то, что тут есть, но этому переживанию чего-то по существу недостаёт. Я предполагаю при этом, что имеет место настоящее ясновидческое переживание. Позднее, выйдя из ясновидческого переживания и вспоминая об этом ясновидческом переживании, человек говорит себе: может быть, я вообще не имею к этому никакого отношения? Создаётся впечатление, как если бы ясновидческое переживание было некоей независимой, высвобожденной из нас вещью. И, прежде всего, человек не может разгадать, насколько он сам должен иметь дело с таким переживанием, каково его отношение к нему? Это самое значительное. Вот почему так легко расценить это переживание как чистую фантазию, грёзу. Человек только тогда замечает, что он имеет отношение к пережитому, если он видит, что тут ему навстречу некоторым образом выступает некий другой образ его собственного «я», когда человек замечает: да, а ведь то, что ты переживаешь здесь, в сущности, подобно твоим собственным переживаниям, и то, что было тут пережито, не могло бы быть пережитым, если бы тебя тут не было. Чтобы сделать это ещё яснее, я хочу высказать это следующим образом. Допустим, вы видели сон, в котором повторялись события самой ранней юности. Когда вы проснулись, то только тогда вы узнаете о том, что это было вашим сновидческим переживанием, поскольку здесь в маске образов выступает то, что вы пережили раньше; теперь вы знаете, что этот сон имеет отношение к вам. Мало помалу мы приходим к тому, что хотя тот, кто снился вам как бы совершенно другой, но, всё же это ты сам. Так мы учимся узнавать себя в массе ясновидческих переживаний.

До известной степени значительным событием является также и то, что, если мы получаем такой опыт: мы находились в ряду переживаний, но тот, кто там был - были мы сами. Прежде всего, надо открыть себя в ясновидческом переживании. А затем мы приходим вот к чему: ты есть не только в своём теле, но ты есть также и снаружи, в мире. И это бесконечно значительное событие, событие, которое показывает нам: ты имеешь нечто такое, что хранят и несут духи высших Иерархий, имеешь то, что они опекают, о чём заботятся. Я нахожусь здесь, - говорит себе человек, - в моём теле, я обитаю в моём жизненном облике, жизненной оболочке, и одновременно я нахожусь в духовном мире, будучи хранителем и несом духами высших иерархий. Нельзя, конечно нарушить закон о том, что существо не может одновременно находиться в двух местах, однако в духовном мире этот закон теряет свою силу. Я нахожусь во мне, внутри меня, и в то же время являюсь тем, кто в духовном мире позволяет переживаниям разыгрываться в себе. Человек открывает себя как сокровитницу внутри высших Иерархий. Он знает,

что он является таким двойственным, двойным существом и постепенно приходит к тому, как то, чем является он как духовная сущность, находится, собственно, не в чувственном мире, но в духовном мире, а то, что находится в чувственном мире, есть тень, отбрасываемая из духовного мира. Человек проскальзывает в духовную телесность, вследствие чего он находится вне себя и смотрит на себя извне. Тот, кто не желает с доверием относиться к таким очевидным противоречиям, не придёт к понятиям, которые смогли бы сделать духовный мир понятным для него. Важно то, что человек открывает себя вне самого себя, насколько он является чувственно воспринимаемым существом.

Теперь мы зашли достаточно далеко, так что можем сказать: куда же записываются наши медитации? Наши обычные воспоминания записываются в нас самих, так как возникает отпечаток как от печати, который сходен с верхней частью человека, похож на голову с некоторыми придатками. Если же мы медитируем или вызываем перед душой представления духовной науки, мы тоже делаем отпечатки, однако они идут к тому, другому, которого я только что описал, и который представляет собой нас самих. Эти представления идут к тому, другому. Испытываем ли мы что-либо в Берлине или в Нюрнберге, это становится причиной отпечатка в том же самом теле: так и в случае духовного внутреннего переживания всё отправляется к тому Одному, которым являемся мы сами. Всё будет запечатлеваться тут. Так что мы, - насколько мы ведём себя в смысле духовнонаучной памяти, чувств и переживаний, - точно также работаем с нашим сверхчувственным человеком, как работаем мы с нашим физическим человеком, когда противостояем обычным переживаниям. Теперь вы поймёте, что для работы над сверхчувственным человеком нужны крепкие внутренние силы. Если мы вспоминаем о тех вещах, которые действовали на нас внешним образом посредством цвета, звука и так далее, тогда понятно, что вспоминать легче, поскольку мы защищены телом. Вследствие того, что какой-то цвет оказывает на нас впечатление, в нас запускается телесный процесс. Когда же мы должны предаться чисто духовному представлению, тогда мы должны отказаться от всей этой телесной поддержки, мы должны внутренне напрячь душу; она всегда должна получать силы более крепкие, чтобы усиливать себя настолько, чтобы действительно смочь сделать отпечаток в Мировом эфире.

Затем, если мы в таком роде ищем связь со своим собственным Человеком, который всегда находится тут, мы вступаем в отношения с нашей человеческой индивидуальностью, вступаем в отношения с тем, чем мы, - в качестве человека, - являемся в действительности. То, чем мы действительно являемся, в качестве человека, живёт

внутри высших Иерархий так, как наше тело живёт в чувственно-воспринимаемых природных процессах. Как являемся мы элементом нашего земного бытия, так же являемся мы частью духовного бытия, того бытия, которое протекает в процессах внутри мира высших Иерархий.

Ради дополнения мне хотелось бы указать и на нечто другое. Когда мы так вступаем в отношения к духовному миру, мы вступаем в отношении к самым разнообразным духам высших Иерархий. К ним принадлежат те духи, в отношении с которыми мы вступаем как человеческая индивидуальность; те духи, которые не являются существами, предназначенными для каких-либо мировых функций. Но мы принадлежим также и к тем существам, которые выполняют какую-либо мировую деятельность: например, каждый принадлежит к какому-либо одному Народному Духу. Как связаны мы во всём нашем чувственном процессе с чувственно воспринимаемой природой, так вверху связаны мы со всеми этими духами, которые сверхчувственным образом простираются вниз в физически-чувственный мир. Как здесь мы предстоим перед внешними вещами, развивая мысли и представления, так существа высших Иерархий развивают свои мысли и свои представления посредством того, что объектом для них являемся мы. Мы являемся объектами для существ высших Иерархий, мы являемся для них тем царством, мысли о котором они развивают. Эти мысли носят более волевой характер.

По типу отношений, в которые поставлены к нам эти высшие Иерархии, они различаются: важное различие может стать ясным для нас, если мы примем к сведению, как протекает развитие таких существ высших иерархий, например, Народных Духов. Здесь, между рождением и смертью мы тоже проделываем развитие, причём наше «я» становится всё более и более зрелым, получает от мира всё больший опыт. Человек, который ещё юн, не может испытать столько, как тот, кто состарился. Также обстоит дело и у существ высших Иерархий, хотя ход их развития несколько иной, нежели наш.

Мы можем обратиться к одному существу высших Иерархий, если будем говорить об итальянском Народном Духе. Этот итальянский Народный Дух проделывает своё развитие, эволюционирует, и мы можем точно указать тот временной пункт, в котором этот Народный Дух вступает в важный этап. Мы ведь знаем, что связь итальянского Народного Духа и отдельным итальянцем такова, что итальянский Народный Дух действует через душу ощущающую итальянца. Однако это действие через душу ощущающую сперва таково, что Народный Дух действует как бы лишь на душевное начало, и только позднее в своём дальнейшем развитии этот

Народный Дух со своей волей всё больше и больше вторгается в то, что душа изживает посредством телесно-физического. *Если вы исследуете итальянскую историю, то найдёте важный год, примерно 1530. Это тот год, когда итальянский Народный Дух стал столь мощным, что он теперь начал действовать на телесность. Начиная с этого момента, совершенно специфическим образом стал развиваться национальный характер*(52). Оккультно это отображается так, что Народный Дух получил более сильную волю и начал свою гравировку, начал производить свои оттиски также и в телесном, он стал вплоть до телесности вырабатывать народный характер. В то время как наше «я» становится всё более и более независимым от тела, Народный Дух проделывает противоположное развитие. Если он в течение долгого времени действовал на душевное начало, он начинает теперь действовать вплоть до телесности.

В случае французского Народного Духа мы находим такой же момент, если возьмём примерно 1600 год,(53) *а у английского Народного Духа - примерно 1650. В то время, как до этого Народный Дух по большей мере вмещивался только в душевное, с этого момента он начинает вторгаться в телесное. Его воля становится мощнее, так что душа может оказывать меньшее сопротивление национальной конфигурации. Вот почему в это время начинает чётко вычеканиваться, выковываться национальный характер. Это основано на том, что Народный Дух спускается вниз. Он располагался выше, когда он действовал преимущественно в душевном; он спускается вниз, когда он воздействует преимущественно на телесность. Так нисхождение Народного Духа на итальянском полуострове приходится примерно на 1530 год; во Франции - в начале семнадцатого века, а в Англии - в середине семнадцатого столетия. Шекспир действовал перед тем, как Народный Дух проделал этот этап. Это значительно. Поэтому у англичан имеется своего рода пробел в понимании Шекспира, вследствие чего Шекспира в Германии понимают лучше, чем в Англии. Мы имеем тут дело со всё большим нисхождением Народного Духа к отдельному человеку.*

Если же мы посмотрим на эволюцию немецкого Народного Духа, то нечто подобное мы будем воспринимать в период примерно с 1750 по 1850гг. Но здесь мы должны сказать нечто странное, своеобразное; этот Народный Дух спустился, но затем снова поднялся вверх(55). Это значительно. Один процесс, разыгрывающийся у западных народов, мы можем проследить только так, что мы видим, как Народный Дух спускается и захватывает народ. У немецкого народа мы видим, как Народный Дух тоже спускается в середине восемнадцатого столетия, но как

затем этот Народный Дух в середине девятнадцатого столетия снова поднимается вверх, так что в данном случае имеют место совершенно другие соотношения. Здесь была предпринята лишь попытка, взят разбег, чтобы сформировать немецкий характер в ярко выраженный национальный характер, однако это длилось лишь некоторое время. После того, как он проделал здесь кое-что, Народный Дух снова поднялся вверх, назад, чтобы опять действовать только на душевное.

Расцвет немецкой духовной жизни падает на то время, когда Народный Дух низошёл наиболее глубоко. Само собой разумеется, Народный Дух остаётся со своим народом. Но он снова поднялся в духовные выси. Таково особенное свойство немецкого Народного Духа. Раньше он тоже уже спускался, но и тогда он воздержался от слишком сильного формирования национального. Такая кристаллизация в национальность, как у западных народов, не могла наступить у немецкого народа вследствие этого отличительного свойства немецкого Народного Духа. Поэтому немецкая сущность всегда оставалась менее интенсивно выраженной, чем сущности других народов. Эти вещи на самом деле связаны с глубокими истинами духовных миров. Если бы стали искать немецкий Народный Дух во времена Гёте, его нашли бы примерно на том же уровне, где находили бы английский, французский или итальянский Народный Дух. Но если бы стали искать немецкий Народный Дух сегодня, надо было бы подняться выше. Снова наступит время, когда он спустится, и опять придёт время, он поднимется. Отличительное качество немецкого Народного Духа - колебаться то туда, то сюда.

У русского Народного Духа дело обстоит так, что он вообще не спускается, чтобы выкристаллизовать свой народ, но всегда остаётся подобным облаку, парящему над народом, так что искать его надо всегда вверху; поэтому этот народ только тогда сможет проделать духовное развитие, когда он сочтёт удобным своим собственным существом соединиться со всем тем, что разработано на Западе, соединиться для того, чтобы в связи с Западом основать культуру, ибо из себя самого он никогда не сможет развить культуру.

Всё это должно быть понято таким образом. Вся подвижность немецкой сущности покоится на том, что немцы ещё не срослись со своим Народным Духом так, как это случилось на Западе Европы. Вот почему исключительно трудно по-настоящему понять немецкую сущность. Её поймут лишь тогда, если будут в состоянии признать то, что может дать народное существо, чей Народный Дух всегда лишь спорадически вторгается в развитие народа. То, что я привожу здесь, относится к наиболее трудным главам в отношении

понимания исторического становления, поэтому человек не должен оставаться безутешным, если всё это покажется ему крайне противоречивым. Но мы живём в такую эпоху, когда мы должны попытаться действительно понять, откуда берется та враждебность, которая столь отчётливо выступает в Европе в наши тяжкие судьбоносные дни. Ибо ко всему, что мы переживаем, - если наблюдать точнее, - присоединяется, в сущности, нечто такое, что действительно можно назвать непостижимым, что обнаруживается только при тонком наблюдении. Конечно, немцы только сейчас замечают, что их, в сущности, необычайно ненавидят. Но если проверить точнее, можно заметить как то, что ненавидят больше всего, лежит в основе того, что является самыми лучшими качествами немецкой сущности. Худшие свойства её ненавидят не особенно. Если хотят заглянуть в эти тайны, надо рассматривать вещи в их связи. Могут сказать: если в Германии кто-то говорит об этом, это будет доказательством того, что существует немецкий шовинизм: если не так, то с какой стати немец должен говорить о немецкой сущности с признанием и похвалой?! - Если бы дело обстояло так, то эти лекции не были бы прочитаны, а я не стал бы так говорить о немецкой сущности. Однако нет необходимости в немецком шовинизме, чтобы характеризовать эту немецкую сущность таким образом, чтобы из характеристики было видно, что отличие немецкой сущности от остальных европейских сущностей, не ведет к её ущербности. Это может продемонстрировать та характеристика, которую я хотел сообщить вам здесь. Эрнест Ренан писал Давиду Фридриху Штраусу: «Я был на семинаре в Сан-Сулпи в 1843 году, когда начал знакомиться с Германией по трудам Гёте и Гердера. Мне казалось, что я вступил в храм, и с этого момента всё, что я знал до тех пор о достоинстве и величии Божества, стало для меня блёклым впечатлением, пожелтевшими бумажными цветами... Германия имеет наилучший национальный правовой титул, а именно - историческую роль наивысшего значения, душу, и, - я бы сказал, - литературу, гениальных мужей, самобытное понимание божественных и человеческих предметов. Германия совершила самую значительную революцию нового времени - Реформацию; кроме того, Германия в течение столетий проделала прекрасную духовную эволюцию которая известна истории, эволюцию, которая, - если я отважусь употребить такое выражение, - добавила человеческому Духу одну ступень в глубину и ширину, так что тот, кто не соприкоснулся с этой эволюцией, относится к тому, кто проделал её, так же как тот, кто знает только арифметику, к тому, кто владеет дифференциальным исчислением.»

Так писал Эрнест Ренан Давиду Фридриху Штраусу в 1870 году(56). Я бы не хотел далее вдаваться в эту переписку, которая

чрезвычайно интересна. Мне хотелось бы только ещё раз упомянуть, что Ренан писал тогда, что существует лишь две возможности; первая - отобрать у Франции землю, что означало бы - месть до самой смерти всему германскому началу, братание со всевозможными союзами. Другая возможность: оставить Францию, как она есть, затем получить превосходство в партии мира и сказать: мы совершили большую глупость, мы хотим исправить нашу ошибку, и тогда это послужит на благо человечества.

Это попутное замечание я сделал по той причине, чтобы показать вам, что Ренан написал то, что я только что зачитал вам, будучи в настроении, к которому он вовсе не был склонен обычно, то есть к полному признанию того, чем в ходе развития человечества стала немецкая сущность. И, однако, он был готов к тому, чтобы то, чем овладело человечество в пределах немецкой сущности, сопоставлять с другим, как высшую математику с элементарной математикой. Нет нужды быть шовинистом, - достаточно всего лишь повторить то, что писал Ренан в 1870 году.

Мы должны знать, - говоря об отношении человека к высшим мирам, - что в конкретности, в реальности дело обстоит как раз так, что человек может вступить в эти отношения благодаря тому, что он несёт в себе нечто иное, живёт чем-то иным, тем, что по отношению к духовному миру занимает ту же позицию, которую занимаем мы в телесности по отношению к чувственному миру. Мы вступаем в эти определённые отношения ко всему сверхчувственному благодаря тому, что является сверхчувственным в нас самих. Это действительное, поистине не только теоретическое, но живое развитие, которое мы проделываем, если сопереживаем в душе то, что описывается как медитативный процесс. Вследствие этого наша душа действительно вписывает нечто в духовный мир. И она вписывает это туда, чем, в сущности, являемся мы сами. Если мы в достаточной мере продумаем это, тогда понятие «внутреннего пребывания в живом потоке духовной науки» соединится с понятием «человеческая ответственность»; соединится с тем понятием о «человеческой ответственности», которое должно укорениться в душе последователя духовной науки. Ведь мы знаем, что человечество в своём духовном развитии проделало нечто такое, отчего оно изменилось. Древнее ясновидение к нашим дням исчезло, и мы знаем, как то, что существовало раньше в связи с духовным миром, может быть снова достигнуто, а путём к этому новому обретению является духовная наука. В древние времена человек естественным образом был поставлен в такие отношения со своей телесностью, что он одной частью своего существа стоял внутри духовного мира. Поскольку сегодня он гораздо более телесным, глубоким, более внутренним образом связан со своим

телом, он должен стремиться, независимо от своего тела обрести понимание духовного мира. Человек в некотором роде несёт в себе наследие, которое становилось всё слабее, и в наше время исчерпалось полностью. Поэтому в наше время надо начинать работу, которая приведёт душу вверх, в духовный мир.

Представьте себе, что существо немецкого Народного Духа таково, что этот Народный Дух то постепенно проделывает путь вниз к народу, то снова вверх в духовный мир. Почему Народный Дух совершает это именно у одного народа? По той причине, поскольку вследствие этого внутри данного народного существа должны быть вызваны силы, которые в высшей степени активизируются в духовной науке. Если Народный Дух спускается вниз, тогда этот Народный Дух в физическом мире способствует формированию здорового народного характера. Когда он, - Народный Дух, - снова возвращается и позволяет функционировать национальному характеру, тогда народ должен всё снова и снова принимать участие в этом приливе и отливе Народного Духа в собственной телесности, народ должен учиться познавать, что всё бытие протекает между чувственным и сверхчувственным мирами.

Вспомните о том, что я говорил здесь восемь дней назад, - о том, то вся история литературы последних десятилетий должна быть переписана, поскольку некоторые духовные личности сегодня забыты, причём именно те, кто имел гораздо большее значение, нежели те, о которых что-то известно. Это происходит в то время, когда Народный Дух снова поднялся вверх. Мы должны в чрезвычайном смысле связать себя с духовной наукой для того, чтобы находить Народный Дух при его очередном подъёме вверх, что значит, иными словами, - немцы должны знакомиться со своим существом, своей сущностью, не только в физическом мире, но также и в сверхчувственном мире, ибо оно находится в обоих мирах. Это одна из причин того, - о чём говорилось в открытых лекциях, - что существуют некоторое внутреннее родство между немецкой духовной культурой и стремлением к духовной науке. *Фихте*(57) мог развиваться только в то время, когда Народный Дух спускался вниз. Поэтому Фихте в его философии едва ли могут понять, или понимают неверно. Вся эта жизнь и ткань в понятиях идеях, чтобы перейти в них к сущности «я», как в философии Фихте, была возможна в то время, когда Народный Дух нисходил на глубокий уровень. Теперь мы должны искать его выше, и можем найти его только посредством духовной науки. Это соответствует отношению Народного Духа к немецкому народу. Во всей природе немецкой эволюции заложено то, что я называл глубоко родственным отношением между немецкой духовной жизнью, и тем путём,

который ведёт в духовную науку. Очень хотелось бы, чтобы эти вещи действительно понимались всё больше и больше.

По правде, если бросить взгляд на то, что происходит в современности, на те чудовищные жертвы, которые должны быть принесены, на все заботы, которые в связи с событиями приходится переносить людям, можно придти к тому, что здесь изживается нечто совсем, совсем иное, нежели то, что понимают внешним рассудком. И в несколько другой форме можно процитировать выражение ап. Павла: «*А если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна...*»(58) Для ап. Павла подкреплением того, что он принес в мир, было то, что он мог созерцать реальное Воскресение Христа. Эти слова часто понимают неверно. По отношению к тому, что происходит теперь, надо сказать: как выражается вера в этих смертях, выражается твердое исповедание того, что человек связан ещё с чем-то другим, кроме того, что находится исключительно в чувственном мире. Тут имеет место не только действительное религиозное углубление; тут можно увидеть, как души, даже если они и не имеют полного сознания об этом, именно в наше время заявляют протест против всего материализма, заявляют протест самым способом, которым они идут на смерть. Мы должны сказать: наряду со всем, чем во всём остальном являются эти события, они являются также работой по преодолению материалистического образа мыслей и материалистической жизни, какой она постепенно становилась. Из глубокого переживания развития эпохи человеческие души должны сказать себе: если бы тогда, когда снова засветит мирное Солнце, материалистический образ мыслей, материалистическое умонастроение снова продлилось бы на Земле, то разве тогда не следовало бы говорить, что все эти смерти были поистине напрасны? Они были бы напрасны, если на том поле, на которое могут смотреть вниз умершие, не развился бы спиритуальный, духовный образ мыслей? Так, изменяя изречение ап. Павла мы можем сказать: бесконечные страдания были бы напрасны, переход столь многих личностей через смерть в столь физически юном возрасте был бы совершён зря, если бы затем в мирное время стало бы распространяться материалистическое мировоззрение и материалистическая жизнь. Подобно предостерегающему факелу эти дни должны действовать на тех, кто переживает их, действовать, глубоко просветляя человеческий характер и человеческую душу, так, чтобы в человечестве действительно могла бы возникнуть воля к духовной жизни.

Мы не можем достаточно глубоко переживать то, что происходит в наши дни. И именно поэтому хочется, чтобы в кругу тех, кто признаёт духовную науку, взгляд был расширен за пределы того тесного горизонта, который теперь ограничивает её во многих

отношениях; расширен до более широкого горизонта. Действительно, только тогда, когда человек проникнет взором во всю взаимосвязь того, что происходит здесь, на физической Земле, с тем, что разыгрывается в духовном мире, человек сможет почувствовать те задачи, которые ставит перед нами это тяжкое настоящее время.

Есть люди, которые легкомысленно замечают, что разыгрывающимся теперь событиям нет нужды быть как-либо связанными с тем, что в качестве своего духовного развития проделывают отдельные народы. Для тех, кто в состоянии обзреть эти вещи в их действительной полноте, - для них всё то, что разыгрывается во внешнем мире, является выражением духовного. Мы хотим всё больше и больше придерживаться этого, хотим всё больше пытаться, - благодаря тем ощущениям, которые могут придти к нам из духовной науки, высвободить наше «я» из тесного круга, чтобы это освобожденное посредством духовной науки «я» соединить с происходящими теперь великими событиями; забыть то, что касается нас только как личностей и срастаться с тем потрясением, которое приходится переживать теперь всему человечеству. Вот то, что хотелось бы мне вызвать в вас помощью различных, изложенных в данных лекциях, вещей. Я очень хотел бы, чтобы это было продумано дальше, пока мы не увидимся снова в апреле. Ибо только в том случае, если навстречу тем, кто, пройдя испытания в великих событиях, поднялся в духовный мир и действует оттуда вниз, выступит понимание, которое может быть достигнуто посредством духопознания, сможет быть достигнуто и то, чего требуют от нас эти события. И это правда;

Из мужества бойцов,
Из крови павших,
Из страданий оставленных,
Из жертвенных дел народа,
Взрастёт духовный плод -
Если, сознавая Дух,
Души направят свои чувства
В царство Духа.

ОДИННАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ

Берлин 20 апреля 1915

Давайте сначала снова подумаем о тех, кто стоит на великих полях событий современности:

Духи ваших душ, деящие стражи
Ваши крылья могут донести
Наших душ молящую любовь
Вашей защите доверенным
Людям Земли,
Чтобы соединяясь с вашей мощью
Наша просьба, помогая, сияла
Душам, которых она, любя, ищет

И для тех, кто вследствие этих событий уже прошел через врата смерти:

Духи ваших душ, деящие стражи
Ваши крылья могут донести
Наших душ молящую любовь
Вашей защите доверенным
Людям сфер,
Чтобы соединяясь с вашей мощью
Наша просьба, помогая, сияла
Душам, которых она, любя, ищет

Дух, Которого мы ищем посредством наших устремлений в духопознании, Дух, Который на благо Земли и ради человеческой свободы и прогресса прошёл через Мистерию Голгофы, будет с вами и с вашим тяжким долгом!

Мои дорогие друзья! Прежде всего, мне хотелось бы напомнить вам сегодня о том, что я уже при случае высказывал большому числу из вас в прежних рассмотрениях. Если душа человека развивается в том смысле, который был обстоятельно указан в открытых лекциях, мы приходим к иному виду картины мира. Существенно то, что мы с нашей душой, как бы держим путь из чувственного мира в духовный.

Когда мы с нашей душой развиваемся поступательно, физический мир для нашего взгляда постепенно преобразуется в духовный мир. Можно сказать, что отличительные свойства, особенности чувственно-физического мира постепенно исчезают, и внутри горизонта нашего сознания выступают образы, существа и факты духовного мира. Важнейшее из того, что поднимается, выступая в нашем сознании, можно отобразить следующим образом; мы сами

становимся другими, - разумеется для нашего взгляда, - мы сами становимся другими, и тот мир, который для чувственного взгляда находится вокруг нас, тоже становится другим. Давайте пока остановимся на том, что нам ближе всего, на мире нашей Земли. В сущности, человек по ходу своей земной жизни поистине мало знает о мире вне Земли, если остаётся в пределах тех форм, в которых он сросся с Землей. При переходе в духовный мир, - в этом случае мы находимся вне нашей жизни, - если мы оглядываемся на наше тело, или на всю физическую жизнь, или на всего нашего человека, то выясняется, что он, в сущности, становится всё богаче и богаче, он становится более содержательным, этот человек, он расширяет себя в некий мир. Сам человек вырастает прямо-таки до мира, когда мы так оглядываемся на него. Это истина, касающаяся того, что часто подчёркивалось; что человек, развивающийся духовно, становится идентичным с миром. Он видит некий новый мир, мир, внутри которого он обычно помещается, но который происходит из самого человека. Он распространяет себя, становясь этим миром. И, напротив, на Земле исчезает твёрдое, или то, что нам при обычном физическом взгляде представляется как горы, реки, и так далее. Это исчезает, и мы учимся постепенно чувствовать себя внутри Земли, - я подчёркиваю, внутри Земли, - как одного огромного организма. Мы выходим из нашего собственного мира, и этот внутренний мир, эта внутренняя действительность становится для нас дальнейшим миром, и то, что окружало нас как земной мир, становится неким существом, некой сущностью; мы должны думать, что находимся в нём, мы можем представлять себя в нём. В то время, как мы вырастаем из себя, наш человеческий мир как бы расширяется до этого отдалённого мира; мы тотчас же вырастаем в организм Земли и чувствуем себя внутри так, как, скажем, если бы наш палец, получив сознание, чувствовал бы себя частью нашего организма.

Этот опыт получает человек; этот опыт очень часто находит своё выражение у глубоко чувствующих людей, у поэтически предрасположенных натур. Так человек очень часто сравнивает своё пробуждение утром с пробуждением внешней природы, сравнивает свою жизнь днём с восходом Солнца, а вечерние сумерки - с потребностью сна, который приходит, когда человек устал. Такие сравнения возникают из чувства, что человек поставлен внутри земной природы. Однако такие сравнения не имеют большой ценности, потому что не отвечают сути дела. Вот почему я уже часто высказывал, что если мы хотим выбрать сравнение, выражающее действительное положение дел, мы должны использовать другие сравнения, нежели те, в которых мы сравниваем природные процессы вовне и процессы при

засыпании и пробуждении. В большей степени мы должны сравнивать нашу жизнь в течение двадцати четырёх часов с годовым оборотом Земли.(59) Лишь тогда, если мы возьмём весь годовой кругооборот, это будет справедливым сравнением с тем, что происходит в нас одноразово благодаря засыпанию и пробуждению в течение двадцати четырёх часов. Было бы неправильно сравнивать бодрствующее состояние человека от засыпания до пробуждения с летом; нет, надо сравнивать это состояние бодрствования с зимой во внешней земной природе, а лето надо сравнивать с состоянием сна у человека. Так что мы можем сказать, если предлагаем сравнение: человек засыпает - это означает, что он переживает лето в своём личном бытии, когда же он просыпается, он переходит к зиме в своём личном бытии; состояние пробуждения, бодрствующее состояние примерно соответствует периоду поздней осени, зиме и ранней весне. Почему оно соответствует этим явлениям? Потому, что если мы действительно, развиваясь указанным образом, становимся членом единого земного организма, мы на самом деле должны обращать внимание на то, как летом то, что является Духом Земли, спит; это действительно состояние сна Земли, при этом великое сознание Земли отступает назад. Весной Дух Земли начинает засыпать; он пробуждается осенью с первыми морозами; тогда он мыслит, он обретает своё пробуждённое мыслящее сознание. Ход «дня» Духа Земли продолжается целый год.

Оглянувшись на спящего человека, мы, в самом деле, видим, как это засыпание человека, - когда он со своим «я» и астральным телом выходит наружу, - означает действительную реализацию, действительное возникновение своего рода растительной деятельности организма, из которого выделены «я» и астральное тело. Тем самым вызывается некая деятельность. Мы действительно ощущаем первое состояние сна, как начало вегетативного процесса, и сон протекает так, что для ясновидящего взора тело оказывается проникнутым растительным произрастанием, которое мы реально видим посредством имажинативного познания. Однако, это произрастание, эта вегетация протекает иначе, чем вегетация Земли. Такие вещи могут быть сообщены, над ними можно много медитировать, а затем идти дальше.

У Земли растения растут вверх от почвы. Дело обстоит иначе, если мы наблюдаем это растительное произрастание у человека. Тут растения растут так, что корни они имеют снаружи; они вырастают в человека, так, что их цветы мы имеем внутри человека. Этот человек поистине прекрасен, - как я полагаю, - таким видят его во время его сна те, кто стал ясновидящим. Он как бы представляет собой всю Землю, которая прорастает, даёт побеги, в которой

происходит вегетация. Этому созерцанию может стать помехой то, что мы в то же самое время получаем впечатление от того, что астральное тело «подгрызает» эти корни, подрывает их. Это отображается в течение сна. В то время, как животный мир употребляет в пищу, поедает то, что растёт летом, поедает по направлению сверху вниз, мы находим, что наше астральное тело на самом деле действует как животный мир, только поедает оно корни. Если бы этого не было, мы не смогли бы развить то ядро, которое мы проводим через врата смерти. То, что таким образом усваивает астральное тело, представляет собой тот достигнутый в жизни результат, который мы несём через врата смерти. Я описываю эти вещи так, как они всплывают перед ясновидящим сознанием. Как зима завладевает плодами Земли и замораживает эти плоды Земли, - я бы сказал, - точно так же, когда астральное тело и «я» погружаются в эфирное и физическое тело, замораживается то, что выступало в нашем организме ночью как вегетация, как духовное растительное произрастание.

В том, что я назвал Духом Земли, который, как и мы сами, является существом, обладающим личностью, личным существом, хотя и ведёт другое бытие, - ибо для него год приравнивается ко дню, - *внутри этого Духа Земли становится наглядным всё то, что было изложено мною относительно импульса Голгофы, ибо тут внутри мы находим оживляющую силу, которой до Мистерии Голгофы на Земле не было(60)*.. В этой силе человек обнаруживает себя возрождённым, воспринятым Тем Духом, Который прошёл через Мистерию Голгофы. Вследствие этого человек обретает уверенность в том, что этот Дух действительно излился на Землю через Мистерию Голгофы. Мы познаём это, если нам действительно удаётся погрузиться в то состояние, в котором Земля для нас является существом, к которому принадлежим и мы сами, как наш палец принадлежит нашему организму. Дело не может обстоять иначе, как только так, что для человека нашего времени оккультное углубление в мир предполагает религиозное погружение в то, что как Божественное начало в мире струится и одухотворяет повсюду. Вот почему дело обстоит так, что действительное познание духовного мира никогда не отнимает религиозного чувства, но напротив, может лишь углубить его.

Я хотел указать на то, как действительно выглядит образный мир духовных реалий, если человек входит в него; ибо то, что мы показываем себе в повседневном физическом сознании, есть лишь кажущаяся картина, есть лишь внутреннее ядро. Но я должен буду сразу же сказать и о том, что это неверно, ибо нелегко подобрать слова для этих значительных фактов, и то, что мы показываем себе, всегда остаётся в нас, если мы с нашим душевным началом

находимся вне нашего тела. Из-за этого было бы неправильно говорить: это ядро, поскольку у плода оболочка находится снаружи, а то, что ценно - внутри. Ведь в случае духовного дело часто обстоит наоборот, так что у человека наиболее ценное находится снаружи, а то, что является оболочкой - внутри: внутреннее носит характер оболочки, а духовное является тем, что пространственно можно обозначить как оболочку. На опыте узнают, - если идут по пути в духовный мир, - что человек не простое, но сложное существо. Мы уже обстоятельно усвоили, что человек, с тем, что он несёт в себе, участвует во всех мирах, которые доступны человеку. С нашим физическим телом мы относимся к физическому миру; с нашим душевным началом мы принадлежим душевному миру; с нашим духом - духовному миру. Мы простираемся в три мира. Мы знаем, что если человек идёт по пути к духовному миру, он на деле переживает себя как, в, своего рода, процессе умножения, увеличения. Тревогу вызывает то, что удобное единство нарушается, разделяется, что человек, фактически, получает ощущение, что он принадлежит многим мирам. Теперь он может выносить суждение со многих точек зрения. Сегодня я хочу акцентировать одну точку зрения; я укажу вам на то, что повторно легло в основу моей последней лекции.

Рассматривая внутренний аспект человеческой жизни, мы должны представлять её себе состоящей из разных членов, расчленённой; если мы выходим из тела, человек реально обнаруживает себя разложенным, разделённым на четыре части. Тут находится сила, которая лежит в основе нашей памяти. В воспоминании мы даже даём возможность воскреснуть в нашем сознании тому, что было пережито нами в более раннее время. Эта память вносит в нашу жизнь связь, связность, так что эта жизнь между рождением и смертью является единством. Вторым является то, что мы называем нашим мышлением, нашими представлениями. Здесь я не могу далее анализировать эти понятия, дело сейчас не в этом; однако деятельность представлений является тем, что протекает в настоящее время. Продвинувшись ещё далее, мы получаем чувство, а ещё далее - волю. Когда мы заглядываем в себя, перед нами является наш внутренний мир как память, как мышление, как чувство и как воля. Мы могли бы поставить вопрос: в чём состоит существенная различие между этими четырьмя функциями души. Обычная психология перечисляет эти функции души, но не различает их дальше. Однако к истине приходят здесь только тогда, если смогут понять сущность этих четырёх функций души. Тогда приходят к тому, что воля является младшей среди наших душевных функций; чувство немного старше, мышлении - ещё старше, а та деятельность, которая служит памяти - это

древний старик, это нечто наиболее старое среди деятельностей нашей души. Вы вникнете в это с большей ясностью, если я акцентирую это со следующей точки зрения.

В качестве повторения мы говорим о том, как человек развивался не только на Земле, но как этому развитию предшествовало древнее лунное развитие, древнее солнечное развитие, и древнее сатурническое развитие. Человек возникал не только на Земле для того, чтобы стать тем, кем он является сейчас, он использовал эволюцию (древнего) Сатурна, (древнего) Солнца, и (древней) Луны. Видите ли, то, что мы развиваем в нашей воле, насколько мы знаем эту волю сейчас; это для человека земной продукт, который ещё не завершён в своём развитии; это всецело земной продукт. В течение (древней) лунной эволюции человек ещё не был самостоятельным волящим существом: за него волил Ангел. Впервые воля стала излучаться в земном развитии. Напротив, чувство было усвоено в период (древнего) лунного развития, мышление - в течение солнечного развития, а память - во время древнего сатурнического развития. И если вы сопоставите то, что я сейчас говорю, с тем что сообщено в «Акаше Хронике» и в «Очерке тайноведения»(61), вам откроются важные связи. В течение древней сатурнической эволюции возникали первые физические задатки человека; в течение древней солнечной эволюции - задатки человеческого эфирного тела, в течение эволюции древней Луны - задатки астрального тела человека, а в течение земной эволюции образовалось человеческое «я».

Теперь рассмотрим для себя то, что мы называем функцией памяти. Что такое память? В душе остаётся нечто от картины пережитого нами события, точно так же, как в книге, которую мы читаем, остаётся нечто от того, что думал автор, написавший эту книгу. Если перед вами книга, вы можете читать всё, можете думать всё то, что думал тот, кто написал эту книгу; иногда не можете, но теперь дело не в этом. Воспоминание является подсознательной функцией чтения: то, что остаётся - это знаки, которые эфирное тело выгравировало в физическом теле. Если вы годы тому назад пережили нечто, то вы испытали то, что было вами пережито. То, что осталось, является впечатлением, оттиском, который эфирное тело производит в физическом теле; и если вы сейчас вспоминаете, то это воспоминание является подсознательным чтением.

Тайные процессы, протекающие в организме для того, чтобы эфирное тело могло выгравировать те знаки, которые лежат в основе памяти, были приведены в действие в течение древнего сатурнического развития. На деле это обстоит так, что мы в нашем организме несём этот самый тайный сатурнический организм. Он изживается так, что мы можем видеть в нём нечто сущностное, куда

эфирное тело может заносить в знаках то, что переживается внешним образом, заносить для того, чтобы затем снова извлекать это в качестве воспоминания. То, что человек выполняет эту подсознательную деятельность по записыванию, в сущности, зависит от того, что в первые семь лет жизни тело, - а именно то в физическом теле, что воспринимает эти отпечатки, - тело ещё эластично. Поэтому не следует, - на что, например, я обращал внимание в моей книге *«Воспитание ребенка»*(62), - мучить ребенка, чтобы разрабатывать его память. В первые семь лет речь идет о том, чтобы эластичный организм сохранил возможность употреблять свои собственные элементарные силы, с ними нельзя обращаться дурно, вымучивать их. Вот почему мы должны как можно больше рассказывать ребёнку, но не придавать слишком большого значения тому, чтобы ребёнок уже сейчас искусственно вырабатывал память; надо предоставить его ему самому в отношении выработки памяти. Тем самым духовная наука представляет собой большую важность для педагогики.

Как способность воспоминания относится к древнейшим составным частям человеческой природы, точно также и деятельность, лежащая в основе нашего мышления, принадлежит к тому, что выработано на (древнем) Солнце. Это тоже было сравнительно очень давно. Солнечные силы содержат то, что в человек эфирное тело организовано так, что оно может выполнять эту своеобразную деятельность мышления и представления. Отсюда вы видите, что следует заглянуть далеко, далеко назад в Космос, если хотят ответить на вопрос: почему человек может вспоминать и почему он может мыслить? Следует вернуться назад до эволюции (древнего) Сатурна и эволюции (древнего) Солнца.

Если же мы обратим внимание на эмоциональную деятельность человека, нам придётся вернуться до (древней) лунной эволюции; а в случае волевой деятельности - до земной эволюции. Так вы кое-что поймёте. Люди, получившие совершенно особенный отпечаток от своих более ранних инкарнаций, не эластичны, они получили чёткий отпечаток, в их организм многое впрессовано. Могут быть люди, имеющие почти автоматическую память, однако они не очень продуктивно развиваются относительно их мышления. В то время, как вы преимущественно должны сопоставлять функцию памяти с физическим телом, функцию мышления - с эфирным телом, эмоциональную деятельность - в астральном теле, с «я» вы должны преимущественно сопоставлять волевую деятельность человека. Человек говорит себе «я» только потому, что он является волевым существом. Если бы он только мыслил, его жизнь протекала бы как во сне. Таким образом мы, - можно сказать, - являемся органической связью внутренних душевных функций,

которые по ходу развития были напечатлены нашему душевному существу. Я говорил в отношении нашей воли, что она была выработана только в течение земной эволюции, а на (древней) Луне за человека волила более высокая Иерархия: Ангелы. Вследствие этого всё воление человека во время (древней) лунной эволюции было таким, что - если снова обратиться к ясновидящему сознанию, - что хотя и наблюдалась более высокая ступень воления, но она имела у человека произвольный характер, такой, какой мы имеем на Земле в случае развития животных. Животное следует по необходимости тому, что кипит и бурлит в нём, оно включено в общую волю своего родового, видового существа (групповой души - примеч. перев.)

Как в течение (древнего) лунного развития духовные существа высшего типа, то есть Ангелы, волили за нас, так сейчас действуют духовные существа более высокого типа, когда они определяют нашу карму от одной инкарнации к другой. Ангелы действуют не в нашей воле, но они действуют в продолжающемся потоке нашей кармы. Как в (древнем) лунном развитии человек не чувствовал волю как свою, но как волю Ангела, точно так же и мы, как люди, живущие на Земле, не считаем, что мы делаем нашу карму; она упорядочивается духами более высокой Иерархии. Только тогда, когда наша воля может некоторым образом умолкнуть, может случиться так, что в сознание, не ставшее ясновидящим, может проникнуть нечто от хода кармы, который в ином случае остаётся скрытым.

Придерживайтесь того, что я сообщил о том, как в человеке формируется некое ядро, которое через врата смерти входит в духовное царство; это ядро является носителем нашей кармы. Что каждый из нас будет делать завтра, кармически определено в нём уже сегодня. Если бы мы не имели на Земле задачи развивать волю, мы бы могли прозревать нашу карму. Мы могли бы прозревать её настолько далеко, что могли бы предвидеть обстоятельства нашей жизни на ближайшее время. Но когда в кармический поток ударяет воля, для нас затемняется перспектива того, что произойдёт с нами, скажем, в ближайший день. Только тогда, когда воля полностью умолкла, может случиться так, что нечто проглянет из того, что произойдёт с нами, но не из-за нас. *Я хочу привести пример, который описывает Эразм Франческо, пример, основанный на истине. Эразм Франческо (Эразм Финкс 1627-1694 - (63) когда был юношей, жил у своей тёти; и вот однажды ему приснилось, что один человек, чьё имя тоже было сообщено ему во сне, выстрелил в него. Однако он не был застрелен, так как его тетка спасла ему жизнь. Вот что ему приснилось. На следующий день, перед тем, как что-либо произошло, он рассказал свой сон тете. Она была очень*

обеспокоена этим сном и сказала ему, что совсем недавно у неё по соседству действительно кого-то застрелили, и наставительно советовала своему племяннику лучше оставаться дома, чтобы с ним ничего не случилось. Ещё она дала ему ключ от каморки с яблоками, чтобы он мог в любое время подняться туда и взять яблоко. Он поднялся в свою комнату, уселся за свой стол, чтобы что-то почитать. То, что он читал в тот момент интересовало его меньше, чем ключ от каморки с яблоками в его кармане, ключ, который ему дала тетя. Он решил подняться наверх в каморку. Но едва только он встал, прогремел выстрел, который был направлен именно так, что пуля прошла по тому месту, где находилась его голова, когда он читал. Если бы он не встал, пуля прошла бы как раз через него. Слуга в соседнем доме, чьё имя звучало именно так, как это было сказано во сне Эразму Франческо, которое он не знал, - этот слуга тоже не знал, что два ружья, которыми он должен был заняться, были заряжены; когда он начал возиться с ними, одно ружьё выстрелило. Если бы Франческо не встал в этот момент, чтобы пойти в каморку с яблоками, он наверняка был бы застрелен. Итак, сон был абсолютной передачей того, что разыгралось в ближайший день.

Вы видите, здесь произошло событие, о котором мы можем сказать, что в данном случае воля не была задействована, так как с волей Франческо не мог иметь дела; он не мог защититься сам. Нечто было привнесено извне; это нечто совпало с кармой человека так, что человек остался жить дальше. Случилось так, что дух, регулирующий карму, уже имел спасительные мысли. Этот сон был предупреждением от духа, управляющего кармой, который созерцал то, что произошло на следующий день, и, поскольку у этого молодого человека были такие душевные задатки, что благодаря природной медитации душа испытала определённое углубление. Вследствие этого произошло то, что я мог бы сравнить с чем-то во внешней жизни. Не правда ли, этот человек, хотя и в ограниченной мере, был пророком, провидцем в отношении внешней физической жизни. В известном смысле все мы являемся провидцами, ибо все мы знаем, что завтра в определённое время будет светло и так далее. Или каждый, кто сегодня шел через поле, может предсказать, как будет это поле выглядеть завтра; однако он не может предвидеть, будет ли на этом поле завтра дождь и так далее. Так обстоит дело и в отношении внутреннего мира. Человек живёт в соответствии со своей волей, а карма вклинивается в эту волю. И как человек может усвоить некое осязающее познание ближайших событий, так у некоторых людей, переживших внутреннее углубление души, може возникнуть такое просветление во внутреннем мире относительно тех событий, где воля должна

умолкнуть. Для изучения духовной науки важно иногда бросать взгляд на такие вещи, которые показывают нам, как во внутреннем мире человека живёт нечто такое, что указывает будущее, то, что человек не может обозреть посредством обычного сознания. Через умолкнувшую волю проходит карма.

Все эти вещи, которые таким образом могут выступит перед нашей душой благодаря духовнонаучному исследованию, пригодны для того, чтобы показать нам, как то, что называют великой майей, иллюзией, по преимуществу состоит из того, что человек посредством своего обычного сознания не может разобраться в том, что же это такое; что человек принадлежит миру в целом, в то время как благодаря его обычному сознанию ему показывается лишь замкнутая оболочка, скорлупа, нечто, заключённое внутри кожи и так далее. Однако то, что обнаруживается для него в этой замкнутости, есть лишь отрывок того, чем человек является в действительности, и оно столь же велико, как мир. Уже в обычной жизни мы оглядываемся на нашего человека извне, смотрим на него назад со стороны. Мы можем, ясно доводя эти вещи до сознания, постепенно усвоить себе чувство, как в человеке существует то, что называют эфирным телом человека. И действительно, уже в обычной жизни можно произвести наблюдения, которые покажут нам, по крайней мере, как помещён в физическом человеке этот второй человек, эфирный человек; нам надо только наблюдать жизнь более тонко, нежели она наблюдается обычно. Представьте себе как-нибудь, что утром вы так разленились в кровати, вам не хочется вставать, хочется, чтобы за вами ухаживали; вы с трудом решаетесь встать. Если вы берёте на помощь только то, что находится в вас, вам трудно встать. Но представьте себе, что вам приходит в голову, будто в другой комнате может лежать нечто, чего вы ожидали пару дней. Возникает мысль, направленная на то, что находится вовне; тут вы видите, что эта мысль может произвести маленькое чудо. Вы увидите, что отдавшись этой мысли, вы просто выпрыгнете из кровати! Что же здесь происходит? Когда вы при пробуждении погружаетесь в физическое тело, вы ощущаете то, что позволяет вам ощущать это физическое тело, - но это не подходит для того, чтобы создать в вас мысль о подъёме. Эфирное тело начинает самостоятельно функционировать, так как вы ангажировали его чем-то внешним. Тут вы на деле видите, как вы противопоставили ваше эфирное тело вашему физическому телу, и как эфирное тело охватывает вас и поднимает из кровати. Человек приходит к совершенно определённом чувству по отношению к самому себе, а именно, чувству, как наблюдать и различать между двумя видами человеческих функций. Это чувство испытывают. Это та функция, которую реализует человек в обычной сумятице жизни,

и та функция, в случае которой человек ощущает проявление внутренней активности. Это тонкие наблюдения, которые при желании можно отрицать. Надо свои наблюдения приводить в соответствие с жизнью, и действительно разбираться в жизни так, как она предстоит; тогда все ощущения человека будут двигаться в правильном направлении. Надо уяснить себе, что путь в духовный мир не может быть пройден сразу; нет, только постепенно мы выходим из этого мира и поднимаемся к тому, что я только что сообщил, где то, чем был для нас мир раньше, теряет своё мёртвое начало и сам мир становится для нас существом.

Таким путём, человек, познавая, срастается с духовным миром. Он срастается с тем, о чём мы можем сказать, что это есть его часть, когда он, сложил с себя то, что он имел, благодаря инструменту физического тела и что преимущественно являлось его жизнью между рождением и смертью. Переступая через порог смерти, мы вырастаем в мир очень сходный с тем, о чём только что говорилось как о том, что дается благодаря высшему познанию. А затем мы замечаем нечто бесконечно важное: в том мире, в который мы вступаем, проходя через врата смерти, мы нуждаемся, - если мы хотим вжиться в этот мир правильно, - мы нуждаемся в том, - подобно тому, как находясь в тёмной комнате нам надо включить свет, - нуждаемся в том, что в глубочайших, интимнейших внутренних основах нашей души может развиваться тут, на Земле. Земная жизнь не есть то, что мы должны рассматривать всего лишь как лишение свободы, тюрьму. Конечно, естественный поступательный ход развития состоит в том, что человек проходит через врата смерти. Само собой разумеется, человек может жить в жизни между смертью и новым рождением; но эта общая жизнь способствует тому, чтобы каждая наша часть дополнялась чем-то необходимым, чем-то новым; когда же мы проходим через весь тот цикл, который имеет место сейчас, жизнь должна дать нам то, что зажжется как факел там, где мы живём, вследствие чего мы не только живём в этой жизни духа, но вследствие чего мы познаём и живём в этой жизни освещая её. Свет, который светит нам, - это то, что как нечто непреходящее обретается нами между рождением и смертью для жизни между смертью и новым рождением.

Вот то, о чём следует говорить всегда: именно в наше время как можно больше людей должно понять: то, что понято о духовном мире здесь, в физическом мире, должно стать сияющим пламенем для духовной жизни. В известном отношении все те трудности, которые в настоящее время испытывает наиболее развитая часть человечества должны стать предостерегающим знаменем для углубления душевной жизни; должны стать тем, что поднимет из глубин человеческой души страстное стремление по тому миру, к

которому человек принадлежит как душа. Пусть же в то время, когда мы живём, будет подготовлено это страстное стремление, когда каждая душа скажет себе: человек - это ещё нечто иное, кроме того, чем он кажется нам из-за того, что он как в одежду облечён в тело. Пусть то, что переживают, станет предостерегающим знаменем, призывом к углублению, к погружению души в духовные ощущения, в духовное видение. И опять-таки, пусть из этого осознания необходимости духовнонаучного углубления в наше время, из сознания, что трудности нашего времени должны быть предостережением, призывом, перед тем, как мы разойдёмся, наша заключительная часть будет такой, какой она была всегда. Надеюсь, что в не очень отдалённое время мы снова сможем продолжить здесь эти рассуждения, которые сегодня да будут завершены словами:

Из мужества бойцов,
Из крови павших,
Из страданий оставленных,
Из жертвенных дел народа,
Взростёт духовный плод -
Если, сознавая Дух,
Души направят свои чувства
В царство Духа.

ДВЕНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ **Берлин, 10 июня 1915(64)**

Давайте сначала снова подумаем о тех, кто стоит на великих полях событий современности:

Духи ваших душ, деящие стражи
Ваши крылья могут донести
Наших душ молящую любовь
Вашей защите доверенным
Людам Земли,

Чтобы соединяясь с вашей мощью
Наша просьба, помогая, сияла
Душам, которых она, любя, ищет

И для тех, кто вследствие этих событий уже прошел через врата смерти:

Духи ваших душ, деящие стражи
Ваши крылья могут донести
Наших душ молящую любовь
Вашей защите доверенным
Людям сфер,
Чтобы соединяясь с вашей мощью
Наша просьба, помогая, сияла
Душам, которых она, любя, ищет

Дух, Которого мы ищем посредством наших устремлений в духовопознании, Дух, Который на благо Земли и ради человеческой свободы и прогресса прошёл через Мистерию Голгофы, будет с вами и с вашим тяжким долгом!

Мои дорогие друзья, если карма времени, карма нашего движения позволит когда-либо, чтобы здание, которое должно являться предметом заботы со стороны нашего движения в Дорнахе, будет завершено, тогда в наиболее исполненном значении месте, на месте, расположенном на Востоке, будет стоять скульптурная группа.

Это стремление, посредством художественной, даже в духовнонаучном смысле художественной интерпретации действительно представить в нашем здании, а также и перед нашими глазами, нашими физическими глазами то, что должно быть содержанием и субстанцией нашего духовного движения; что, прежде всего, должно знаменовать это время и поступательное развитие человечества в духовной и культурной областях. Я хотел бы сказать: в отдельное должно быть упорядочено так, чтобы оно явилось частью не только духовнонаучной общности, но явилось как часть художественной формы, а также художественной композиции. Мы пытаемся решить акустические проблемы в этом здании. Естественно, такие проблемы нельзя решить с налета, но, по крайней мере, будет задано направление, где будет показано, что посредством геометрических расчетов или посредством обычных внешних акустических архитектурных правил проблему акустики решить нельзя, это возможно лишь на пути духовнонаучного мышления.

Куполообразное перекрытие должно представлять собой двойной купол, он будет действовать по принципу скрипичного резонатора, частично выражая тем самым акустическую идею пространства. Пришлось бы рассмотреть много отдельных подробностей, желая уяснить себе общую композицию в отношении того, чтобы слово или звук проявлялось иным образом, нежели столь часто проявляются они в наше время, когда создаются преимущественно не округлые строения типа ротонды, которые замышлялись в целях акустики, но строения, где, прежде всего, отдельный звук не может прозвучать наряду с предыдущим и последующим звуками, поскольку при этом в некоторых точках пространства один звук всегда стал бы наплывать на другой. Стремятся, чтобы один звук во всех точках помещения звучал бы четко в отдельности от другого, и также могло бы проявиться ясно сказанное слово. Но мне хотелось всего лишь указать на это. Главным же образом я хочу говорить о группе, которая будет стоять на Востоке, на самом важном месте здания. Скульптура должна изображать группу из трёх существ. О том, что будет там ещё, можно будет упомянуть при других обстоятельствах, поскольку эти вещи были разработаны не посредством абстрактного мышления, забегающего вперед, планирующего заранее, но посредством интуиции из духовного мира, как они давались в процессе работы.

В первую очередь рассматриваются три существа. Одно стоит здесь прямо. Оно представляет собой, если мне будет позволено так сказать, - не в образной, не в символической форме, как это часто пытаются истолковать даже в наших кругах, нет, оно в художественной форме выражает то, чем является человек как таковой.

Несомненно, в этой фигуре можно видеть то, что как земное человеческое начало выразилось в наиболее концентрированном виде в том облике, в котором в течение трёх лет жил Христос; несомненно, в этом облике можно видеть выражение Христа. Но эти вещи нельзя утрировать, нельзя подступать к данной группе с идеей: вот сейчас я увижу Христа. Если кто-либо приходит к такой идее, исходя из собственного ощущения и из художественной интуиции, то это хорошо; но было бы неправильно подступать к этой группе, сразу же имея идею, как если бы это был Христос. Дело не в том, чтобы сразу же рассматривать данную вещь символически, как если бы это был Христос.

Фигура эта стоит на маленьком откосе скалы, за ней в высоту возвышается скала. Фигура стоит, опираясь ногами на выступ скалы. На этом выступе имеется глубоко проникающая пещера. В этой пещере находится другое существо; я хотел бы сказать, оно, скорчившись, притаилось там; это существо отчасти связано с тем

существом, которое стоит сверху. Это существо видится таким образом, что оно как бы излучает какую-то силу из своих рук, оно даёт ей струиться. Мы видим в пещере скалы как эта сила излучается. Внутри скальной пещеры находится рука; силы излучаются и выражаются в форме руки в скале. Надо видеть руку, но это уже не рука, это силы, которые выражаются в форме руки.

Одно существо имеет единственно голову, напоминающую нечто человеческое, похожую на человеческий облик. Кроме этого оно имеет мощные перепончатые, как у летучей мыши, крылья и драконоподобное или червеобразное тело. Видно, как вокруг данной фигуры нечто извивается, и под чем извивается и сама фигура. Видно, как то, что извивается вокруг этой фигуры, связано с той прямостоящей фигурой, как оно связано с фигурой с простёртой рукой. От неё излучаются силы, в результате чего нечто обвивается. Впечатление, оказываемое этим на собственную душу, может привести к ощущению того, что это золото, текущее здесь внутри в силах земли, и что эта фигура там внутри золотом скована в земной расщелине.

Другая рука поднята вверх. Там вверху на скале находится ещё одна фигура, чья голова подобна человеческой, но не с перепончатыми крыльями летучей мыши, а с крыльями, свисающими до земли; тело сформировано таким образом, что может возникнуть чувство: что же это за тело? Тело представляет собой нечто, как если бы весь человек стал лицом; как если бы лицо вытянулось в длину, вытянулось эластично, и вследствие этого возникли телесные формы. Эта фигура находится наверху, на самой высшей точке скалы, и она низвергается вниз; при низвержении она ломает себе крылья. Мы видим, как поднятая вверх рука центральной фигуры отпечатывается на крыльях.

Итак, мы имеем три фигуры, три образа: тут стоит человек в своей сущности; под ним, - как вы чувствуете, - Ариман, который закован в земной расщелине посредством того действия, которое от простертой руки центральной фигуры золото производится на золото, находящееся в расщелине Земли: вследствие этого Ариман сам себя заковывает. Другая рука простерта вверх, она ведет крылья Люцифера к разрушению, вследствие чего он падает в глубину.

Дело в том, что никто в современности, исходя из законов пластического искусства, не делал таких вещей, - немного похожая попытка имела место, когда эта идея была высказана в одной лекции. Дело здесь не в наглядном образном символизме, но в том, что каждая отдельная черта в трёх существах во всех мельчайших подробностях создана из духовнонаучного созерцания. В этом изображении следует видеть два напоминающие человеческие лица

Аримана и Люцифера: так надо мыслить их в этом противостоянии. В случае Люцифера мы имеем дело с находящимся вверху образом головы странного вида, которая лишь напоминает человеческую. Всё здесь является движением духовности, здесь нет ничего, что принуждало бы нас удерживать отдельные части лба в прочных границах, как это имеет место в случае человека, нет, тут каждая отдельная часть головы, находящейся вверху, столь подвижна, как подвижны пальцы и кисти рук. Само собой разумеется, человек должен лишь представлять себе, что эти движения являются настоящими движениями, как это имеет место у Люцифера. И тогда надо в первую очередь заметить, что в этом облике имеется то, что в существе Люцифера осталось от лунного бытия. Это накладывается поверх собственно лица, которое очень глубоко отступает назад.

Из этого описания вы уже можете думать о том, что мы имеем тут дело с чем-то совершенно иным, нежели обычное человеческое лицо. Как если бы это само по себе было черепом, и внизу помещалось то, что у человека является лицом. Затем добавлено ещё кое-что: а именно, некоторая связь между ухом и гортанью у Люцифера. Ухо и гортань у людей отделились друг от друга только с наступлением их земной эволюции; в (древнем) лунном бытии они были единым органом. То, что является маленькими крыльями на гортани, было мощными широкими образованиями, которые сформировали затем нижнюю ушную раковину. Мощные ушные раковины образовывались здесь, в то время как верхнее ухо, которое теперь расположено снаружи, образовалось из лба. Что сегодня разделено, так что если мы говорим или поём, это выходит наружу, и мы слышим это только благодаря уху, это во время (древнего) лунного времени шло внутрь, и отсюда в сферу музыки. Весь человек был ухом. Это пришло оттуда, что уши были крыльями; так что вы имели уши, гортань и образования, подобные крыльям, которые гармонически-мелодически двигались в соответствие с колебаниями мирового эфира, которые затем породили своеобразное явление Люцифера; они принесли то, что является макрокосмическим, ибо Люцифер лишь локализует то, что, в сущности, является только космическим.

Вы увидите, что приходится делать отступления, чтобы не напугать людей, если они увидят лицо, которое не покажется нам человеческим обликом. Вы затем увидите, что его лицо должно быть вытянуто в длину. Люцифер должен выглядеть так, что его лицо должно быть вытянуто в длину, так как весь он является ухом, крылья являются ушами, некой вытянутой в длину ушной раковиной. Ариман напротив точная противоположность, и естественно, что в модели всюду, где у Люцифера нечто сильно

распространено, где мы проработали полностью, у Аримана лишь в намеке. В то время как у Люцифера лобные крылья сформированы мощно, у Аримана они являются нижней челюстью. Весь материализм мира выражен в построении жевательной системы и системы зубов.

Конечно, всё это могло быть сделано не на основе описания: описание дано задним числом. Однако то, что особенно важно, мои дорогие друзья, это вот что; возникла необходимость у центральной фигуры несколько отступить от того, что кажется столь естественным каждому, от симметричности человеческого лица. Как правило, лицо является симметричным. В малом асимметрия наличествует у каждого, просто она не так явно видна, чтобы её замечали. Но у этой центральной фигуры обнаруживается, что вся левая сторона имеет тенденцию вверх, к Люциферу, и что левая часть лба сформирована иначе, нежели правая, которая имеет тенденцию вниз, к Ариману. Левая половина лица следует за рукой, движущейся вверх, а правая половина - за правой рукой, движущейся вниз. Проявляется и то, что в центральной фигуре должна быть заложена большая внутренняя подвижность, чем это может быть у человека.

Существует живописное изображение всего мотива относительно этого скульптурного образования; можно видеть их рядом друг с другом и видеть, что вследствие отличия живописи как искусства, изображение не может быть дано тем же самым образом; в случае художественного оформления всё должен быть иным.

Что мне хочется подчеркнуть, так это следующее; было бы весьма существенно, чтобы мы скульптурно проследили движения руки центральной фигуры; это движение вверх левой руки и движение вниз другой руки. Ведь каждому на первый взгляд может показаться само собой разумеющимся, что главная фигура протягивает левую руку вверх, в сторону Люцифера и своими излучениями ломает Люциферу крылья, правой же обвивает Аримана золотыми жилами; от такой трактовки надо отказаться по той причине, что мы только посредством духовной науки стали действительно понимать Христа. Христос не является ни ненавидящим, ни несправедливо любящим. Он не простирает руку, чтобы сломать крылья Люциферу; нет, Христос - Тот, Кто простирает руку, поскольку должен делать это, исходя из своей внутренней сущности. Он не ломает крылья Люциферу, но Люцифер вверху не выносит того, что излучает рука и сам себе ломает крылья. Вот почему в фигуре Люцифера должно быть выражено то, что не Христос ломает ему крылья, но что он сам себе ломает крылья. В жизни часто случается, что люди, которые живут в окружении добрых людей, не могут вынести этого, поскольку

чувствуют неудобство от того, что исходит от добрых людей. Люцифер чувствует внутри себя нечто, обуславливающее то, что он сам себе ломает крылья. Это самопознание в Люцифере, его самоощущение. Точно также обстоит и с Ариманом. Христос не делает обоим ничего, так что как левая, так и правая рука не простёрты так, как если бы Он что-либо делал Люциферу или Ариману. Он ничего не делает им, но, то, что с ними происходит, они делают себе сами.

Тем самым мы опираемся на почву, на которой стоит духовная наука в наше время, для того, чтобы впервые дать правильно ориентированное понимание Христа. Понимая это так, мы должны сказать следующее; со всей скромностью должно быть сказано, что это здание - суть всего лишь начало, самое первое начало, начало слабое, с ошибками, начало, которое должно лишь показать, куда ведет этот, никоим образом не завершённый, путь. Поэтому надо принимать это не как проявление высокомерия, а как нечто чисто фактическое.

Мировая история видела много изображений Христа; среди прочих наиболее величественное то, которое находится в Сикстинской капелле. Это «Страшный Суд» Микельанджело. Если вы будете изучать Христа в этом «Страшном Суде», как Он там вверху в наполеоновской величии и в то же время с необъятной силой парит в воздухе и по одну Его сторону указывает добрых, а по другую - злых, то вы имеете тут такого Христа, который не может быть Христом в будущем, ибо Он по одну сторону хвалит добрых, а по другую - прокликает злых, в то время как Христос будущего должен быть таким, чтобы каждый, оттого, что тут присутствует Христос, - или сам оправдал себя, или сам проклял себя. Микельанджело жил именно в такое время, когда человек ещё не мог выразить нечто глубокое относительно Христа. Фигура, написанная Микельанджело, имеет больше по одну сторону чего-то люциферического, а по другую - чего-то ариманического. Эти слова сегодня произносятся с болью. Но человеческое развитие продвинется в своей культуре дальше только благодаря тому, что будет показано, что идеалы прошлого не могут быть идеалами будущего. В качестве идеала будущего Существо Христа как таковое должно быть понято не в соответствие с тем, что Оно делает, или будет делать, когда наступит конец земного развития. Это Существо своим бытием обуславливает то, что должно происходить в душах само. В этой степени данная группа, которую мы поставим в наиболее значительном месте нашего здания, является выражением того, что прежнее понимание Христа не подходит для будущего, ибо правильные соотношения между Христом, Люцифером и Ариманом ещё не были познаны. Нельзя

понять Христа, не поняв правильные соотношения к тем силам, которые надо принимать к сведению как с одной стороны люциферические и, с другой стороны как ариманические и которые являются действительными мировыми силами.

Эти вещи можно уяснить себе посредством сравнения, всё снова и снова указывая на маятник. Маятник раскачивается то влево, то вправо. Откачнувшись в одну сторону он не находится в положении равновесия; откачнувшись в другую он тоже не находится в положении равновесия. Было бы проявлением бездействия, инертности, лени, желать, чтобы он всегда был в равновесии, желать, чтобы он не качался. Правильным является то его положение, когда он стоит в середине; но он не может стоять только в середине, он должен отклоняться то вправо, то влево.

Так обстоит дело и человеческой жизнью. Дело не в том, чтобы говорить: я убегу от Люцифера, я убегу от Аримана. Если бы захотели сказать, я избегну Люцифера, я избегну Аримана, то жизни бы не было. Это было бы подобно маятнику, который не раскачивается. Человеческая жизнь действительно раскачивается; в одну сторону к Люциферу, в другую сторону - к Ариману. И не следует бояться этого, это самое важное. Если бы стали избегать Люцифера, то не было бы никакого искусства; если бы стали избегать Аримана, то не было бы никакой внешней науки. Ибо всякое искусство, не проникнутое духовной наукой, люциферично, и всякая внешняя наука, поскольку она не является духовной наукой, ариманична. Так человек раскачивается то туда, то сюда. Важно то, что он не хочет быть в равновесии и покое. Было время, когда говорили: человек должен избегать люциферического и по своей воле вести себя аскетически. Не избегать люциферического, но противостоять глядя в люциферический лик, - вот в чём дело; действительно откачиваться в одну сторону к Люциферу, в другую - к Ариману. Это то, что действительно является силами, противодействующими друг другу, подобно другим силам природы, как, например двум полюсам электричества, двум полюсам магнетизма и так далее. Итак, дело в том, чтобы человек познал эту троичность люциферического, ариманического и того, чем является существо Христа, чтобы человек внутренне познал истинное, на самом себе построенное величие Христа, которого ещё не имел Христос, изображённый Микельанджело. Это, мои дорогие друзья и есть задача духовнонаучной работы. Но тем самым мы стоим только в самом начале познания, которое должно стать привычным для нас.

Видите ли, в этом месте мною в последние недели было отмечено то, что с известной точки зрения нельзя было бы говорить о более величественной поэме, нежели поэма «Фауст» Гёте.(65)

«Фауст» Гёте, поскольку он извлекает человеческое начало из таких глубин, выражает величайшее, что могло создать человечество. В Фаусте Гёте попытался изобразить истинного представителя человечества.

Я уже часто сообщал о том, что Мефистофель представляет собой ничто иное, как перемешанных друг с другом Люцифера и Аримана(66). Но как обстояло дело в случае Гёте? Дело обстояло так, что он ещё не осознавал двойственности Люцифера и Аримана, и в Мефистофеле Ариман и Люцифер наличествуют вместе. Оба существуют в его Мефистофеле, и вследствие этого в целом гётевский «Фауст» не стал тем, чем он мог бы стать, если бы Гёте был в состоянии поставить рядом с Фаустом по одну сторону Люцифера, по другую - Аримана, так, чтобы можно было видеть троичность, проходящую через всё человечество. *В этом состояла вся трудность, с которой столкнулся Гёте в отношении своего «Фауста»(67).* Видите ли, когда Гёте начал своего «Фауста», он смог довести его только до того уровня, каким он был сам в семидесятые годы восемнадцатого столетия. Он чувствовал: что дело не пойдёт со всей этой наукой, выражающей себя в четырёх частях - философии, юриспруденции, медицине, и уввы! - как сказал Гёте, - в теологии. Это ариманическое знание не удовлетворяло Фауста; благодаря ему он приходил всего лишь в ариманическую рассудочную связь с мировой взаимосвязью; но он хотел по-настоящему обрести эту мировую взаимосвязь, хотел с помощью источников жизни обрести живое, не надуманное. Живое; и вот проходит Дух Земли. Но вынести Его Фауст не в состоянии. И после этого в дверь входит, - в самом первом наброске это выглядит так, - в дверь входит Вагнер. Да, если сегодня многие люди часто говорят о Фаусте, а также и о Вагнере, возникает чувство, что тут Вагнер говорит о Вагнере, ибо о сценической постановке «Фауста» в наше время, главным образом говорят с точки зрения Вагнера. Так что же представляет собой этот «Вагнер»? Что сопутствует Духу Земли?

Мы знаем, что всякое познание мира есть в то же время и самопознание. Это (*Вагнер*) есть часть самого Фауста, - то, что сопутствует Духу Земли; во всяком случае, относительно той расширенной души, которая идентифицируется с Космосом. Но Фауст ещё не может понять её. Он ещё не дорос до того, что является частью его собственного «я». Показано, до коих пор он дошёл. И если бы Фауст когда-либо был показан правильно, возможно, правильней, чем сделал это сам Гёте, то сегодня Вагнер должен был бы входить как карикатурный портрет в маске и костюме Фауста, ибо в Вагнере приходит другая часть, другой член Фауста. После этого Фауст говорит сам себе: он был «*червь, в страхе корчившийся на дороге*»(68). Теперь он понимает самого

себя. «Ты подобен духу, которого ты понимаешь, не Мне!» («Ты близок лишь тому, кого ты постигаешь, не Мне!» - перевод Холодковского) - вот что говорит ему Дух Земли. И вот теперь приходит дух, которого он постигает, - приходит Вагнер. Так это, можно сказать, продолжается и дальше. После того, как Дух Земли не был понят, приходит иная фигура Духа Земли: Мефистофель, который сейчас в большей степени выступает как Люцифер - он ведёт Фауста через всё, что может пережить человек, следующим только своим страстям, низшим страстям в подвале Ауэрбаха, благородным страстям, которые, однако приводят в кухню ведьмы и к черной магии, - и так до второй части, когда на место Люцифера должен встать Ариман. Всё это можно увидеть, если читать «Фауста» с настоящим пониманием. Но достаточно внешних доказательств этому. *Я уже говорил о том, что среди отрывков, которые Гёте позднее исключил, есть место, где Мефистофель один раз назван Люцифером.*(69)

Гёте всегда испытывал неприятное чувство, имея дело с этим образом, который, в сущности, состоит из двоих. Люциферическое особенно видно там, где выступают религиозные чувства Фауста, которые проскальзывают в беседе с Вагнером как нечто особенно курьёзное. Если Фауст излагает катехизис перед Гретхен в беседе о Боге:

«Нет имени Ему. Всё в чувстве!

А имя - только дым и звук,

Туман, который нам свет неба затемняет.»(70)

(Перевод Холодковского)

то это видится как высшее изображение Божества, чувствуется как высшее изображение религиозного. Нет нужды мысленно разбираться с этим: «Всё в чувстве!»; тем самым сказано, что единственное, что человек хочет иметь как религиозное, это то, что может понять Гретхен; забывают, что Фауст даёт этот урок шестнадцатилетней Гретхен, и даёт только то, что Гретхен может понять. Не для философов звучит то, что Фауст говорит про «Туман, который нам свет неба затемняет». Это было бы плохим пониманием, если бы этот урок для Гретхен видели в профессорском облачении.

Всё это показывает, что Гёте должен был в первую очередь выразить люциферическое существо в его двойственной маске. Во второй части в большей степени выступает ариманическое, там, где Мефистофель ведёт к созданию Гомункулуса, к вызову Елены посредством заклинания и ко всему тому, что действительно приводит Фауста к познанию мира, который является чем-то совершенно иным, нежели то, что Фауст изучал «с усердием и трудом».(71)

Можно сказать: даже в наше время отдельные подробности понимаются неправильно всё снова и снова. Так, когда настоятельно указывается на то, что Гомункулус хотел бы иметь нечто во внутреннем мире человека, то, что должно развиться до полного человеческого начала: «со временем ты дорастёшь до человека», - это сводят к низкому; говорят: «только не стремись к высшим орденам (наградам)».(72) Пояснение этого весьма курьёзно. В действительности здесь должно стоять, - ибо Гёте говорил на франкфуртском диалекте, - «Только не стремись к высоким местам», что не является указанием на то, будто бы такое существо как Гомункулус было прельщено человеческими наградами, знаками почёта.

Другое то, где Гомункулус создаётся, где Вагнер описывает, как он зашевелился в реторте:

*Свершается! Масса явно шевелиться,
Сверхубежденность всё сильнее, сильнее!*

«Свершается! Вот в массе всё яснее

Сквозит уж форма! Всё сильнее, сильнее

Уверенность глубокая во мне!» («Фауст» часть вторая, действие второе «Лаборатория в средневековом стиле», перевод Н.Холодковского)(73)

Сверхуверенность, сверхубежденность (Ueberzeugung) образовано от слова Zeugung - уверенность, убежденность, как слово «сверхчеловек» от слова «человек». Только после Ницше стали говорить о «сверхчеловеке», люди заговорили о том, что есть сверхчеловек, хотя Гёте говорил о сверхчеловеке задолго до этого. (74) И как читают здесь люди «сверхубежденность»; в противоположность «убежденности» это «сверхубежденность» подобно тому, как говорят: «человек» и «сверхчеловек».

Эти вещи должны быть поняты во всех подробностях, для того, чтобы увидеть, что хотел сказать Гёте. Надо, однако, достигнуть высокой, свободной точки зрения, надо увидеть, что духовная наука является посланничеством нашего времени, увидеть, что такой дух, как Гёте пытался подготовить своё время к такому посланничеству.

Когда Шиллер в 1797 году обратил внимание Гёте на то, что он должен закончить «Фауста», Гёте тогда сказал, что он снова извлечет на свет старого «трагелъафена» - это существо, наполовину зверь, наполовину человек. Гёте назвал его «трагелъафеном»; в конце восемнадцатого столетия он называет его «варварским космополитом»(75). Это надо воспринимать со всей серьезностью, ибо Гёте уже понимал, как хорош и как плох был его «Фауст». Всё это имеет отношение к тому, что следует привлечь духовную науку, чтобы мы смогли подняться к свободной точке зрения на эти вещи. То, что Гёте хотел отобразить как работу

спиритуального «я», работу бессмертного начала в человеке в направлении вверх к высотам, он обнаруживает в том, что между восемнадцатым и девятнадцатым столетиями *он создаёт сцену о том, чем должен стать Фауст(76)*, где вначале он говорит: «Радость жизни личности, рассмотренная со стороны»; затем он дописывает «Творческая радость (рассмотренная) изнутри» и затем в завершении, после того как он завершил весь путь Фауста, он дописывает: «Эпилог в хаосе на пути в ад».

То, что всё это я должен был поставить на обсуждение, действительно представляет собой нечто такое, что может вызвать самое внутреннее ошеломление; ведь до сих пор люди рассуждали так: Разве Гёте на повороте от 18 к 19 столетиям ещё полагал, что его Фауст должен попасть в ад? Решение просто и состоит в том, что говорит это не Фауст, но отвлѣкшийся Мефистофель продолжает Эпилог, после того, как Фауст отправился в путь к своему бессмертному «я».

Так в «Фаусте» Гёте мы также видим нечто, что находится на пути, но только на пути к тому, что должно быть выражено посредством основной группы нашего здания: действительно конкретное понимание человеческого образа, где по одну и по другую стороны явлено то, чего должна отвергать душа. Пока человек удерживает всё вместе, или ищет только двойственности, он не сможет придти к истинному познанию человека. Это существенно, это следует утверждать. Надо утверждать, что эта идея воплотилась благодаря немецкой культуре. На Земле имеется два противоположных полюса культуры, оба правомерны; указывая на них, следует отображать их не как неправомерное, но как правомерное. По одну сторону мы имеем чисто восточную культуру. В чём состоит эта «восточность» культуры? Восточное начало в культуре состоит в том, что ищут только внутреннего углубления, отказываясь от всего того, что является внешним процессом бытия. Мы видим, что в высшей точке расцвета этой восточной культуры, в индийской культуре, все наставления, все знания направлены на то, чтобы сформировать душу так, чтобы она была свободна от физического тела. Это чисто люциферическая культура, исключительно люциферическая культура. И чем дальше заходим мы на Восток, тем дальше заходим в люциферическое.

А куда приходим мы, идя на Запад? Возьмём сначала самый крайний Запад. Если мы кое-что приняли из духовной науки, для нас должно быть ясно, - что я могу показать на одном примере, - для нас ясно, что когда мы видим, как человек от материалистического мировоззрения переходит к более спиритуальному мировоззрению, мы спрашиваем себя: что же происходит в душе такого человека? Как раз в том случае, когда

воспринимаем такой перелом в его душе, мы должны вникнуть во внутренний мир этого человека, для того, чтобы сопережить с ним то, что он испытывает в своей душе. И ничего не представляется нам значительнее, чем такое сопереживание человека.

Видите ли, в Америке тоже можно увидеть, что люди испытывают нечто, называемое обращением, изменением образа мыслей; что означает перелом от материалистического мировоззрения к спиритуальному. Что делают при этом? Человек садится, - это обстоит именно так, если несколько радикально рассказывать об этом, - человек садится и пишет к людям, испытавшим нечто подобное, письмо, где отвечает на вопрос: а по каким же причинам они испытали этот перелом? И вот тогда, тогда создаётся схема, проставляются категории, например:

1. категория: страх перед смертью и адом (такие письма лежат, будучи собраны в куче)

2. категория: альтруистические мотивы, самоотверженность.

3. категория: эгоцентрические мотивы.

4. категория: стремление к нравственному идеалу.

5. категория: укоры совести и осознание греховности. (1.2.3. письма)

6. категория: следование учению (1.2.3. письма)

7. категория: то, что люди достигают того или иного возраста. (1.2.3. письма) Затем

8. категория: подражание (1.2.3. письма) Опять-таки категория людей, которые видят, что люди верили в какого-то Бога, и подражают этому. Итак:

14% - страх перед адом. 6% - иные мотивы. 7% стремление к идеалу. 8% осознание греховности. 13% - подражание и пример. 19% (жизненные) удары.

Так обращаются люди.

Итак, мы имеем противоположность. В индийском элементе не обращают внимание на то, что происходит вовне. Индусу свойственно обратное: он назвал бы «безумием», когда хотят дать внешнюю процентное соотношение тех, кто обратился, изменил мировоззрение, изменил по тем или иным мотивам. На Западе не заботятся о внутреннем мире, так как на Западе все в этом внутреннем мире стирается. Рассматривается самая внешняя часть внешнего, чисто ариманическое. Пойдём на Восток: самая внутренняя часть внутреннего, чисто люциферическое. Так, могу я сказать, предстает перед нами сам земной шар как противоположность ариманического и люциферического. И между этим ариманическим и люциферическим человек остается не в покое, но в равновесии. Речь идёт не о том, что человек всего лишь отказывается от того или иного, но о том, что человек осознаёт. Что

достойная будущего культура состоит в том, чтобы и то, и другое принять в правильной мере, что надо иметь одно, как противовес другому.

Я могу сказать, что здесь в нашей (скульптурной) группе, вы видите выражение всей земной судьбы. Задачей Европы является: установить равновесие между Востоком и Западом. На Востоке маятник отклоняется в одну сторону, на Западе - в другую. В Европе не подобает быть обезьяной Востока, или обезьяной Запада, нет, нам подобает совершенно самостоятельно стоять на своей почве, полностью признавая правомерность одного, как и правомерность другого. Это и выражено в нашей группе. Так что то, что занимает особенное место в нашем здании, также и в географическом смысле связано с нашей задачей. Она (будет) поставлена на востоке, однако спиной к Востоку, она смотрит на Запад, но стоит в равновесии, неся в себе то, что она испытала в долгом странствии по Востоку, и не позволяет себе довольствоваться тем, что как чисто ариманическую культуру может принести человечеству Запад.

Если наше время, мои дорогие друзья, когда-нибудь рассмотрит эти вещи, рассмотрит мысля, чувствуя, проникая в них посредством ощущения, - при этом не должно быть места высокомерию, - тогда этому времени станет ясно, как даже эти в высшей степени болезненные, в высшей степени угнетающие события современности осуществляются ради того, чтобы возбудить в человечестве чувство задачи, которую должно будет это человечество выполнить в ближайшем будущем. Можно лишь надеяться на то, что, то великое и болезнетворное, переживаемое человечеством теперь, сможет привести к истинному углублению души. Правда, что, к сожалению, в том, что находит себе выражение в сказанном или написанном литературно, нет той большой серьёзности, которую требует от нас наше время; многое, ещё многое должно войти в человеческие души для того, чтобы эта большая серьёзность, - можно сказать, - исполненная утешения серьёзность, могла бы поистине так наполнить души, чтобы человек мог нести задачи, поставленные ему. С одной стороны, серьёзно то, что ставит перед нами задачи; но, с другой стороны, эта серьёзность утешает, вселяет надежду и уверенность. Только надо увидеть, что мы живём в то время, которое требует от нас многого, но оно может быть исполнено нами. Даже в такое время не следует предаваться пессимистическому мировоззрению.

Я продолжу это сегодняшнее обсуждение во вторник, 22 июня для того, чтобы изложить все эти вещи в их интимном, проникновенном образе, изложить то, что является задачей

ближайшего будущего человечества, и то, как духовная наука будет помогать решать эти задачи.

(Медитация в записи отсутствует)

ТРИНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ **Берлин, 22 июня 1915**

Мои дорогие друзья, давайте опять сначала подумаем о тех, кто стоит на великих полях событий современности:

Духи ваших душ, деящие стражи
Ваши крылья могут донести
Наших душ молящую любовь
Вашей защите доверенным
Людям Земли,
Чтобы соединяясь с вашей мощью
Наша просьба, помогая, сияла
Душам, которых она, любя, ищет

И для тех, кто вследствие этих событий уже прошел через врата смерти:

Духи ваших душ, деящие стражи
Ваши крылья могут донести
Наших душ молящую любовь
Вашей защите доверенным
Людям сфер,
Чтобы соединяясь с вашей мощью
Наша просьба, помогая, сияла
Душам, которых она, любя, ищет

Дух, Которого мы ищем посредством наших устремлений в духопознании, Дух, Который на благо Земли и ради человеческой свободы и прогресса прошёл через Мистерию Голгофы, будет с вами и с вашим тяжким долгом!

Сегодня моей задачей является обобщить кое-что из того, что мы уже знаем частично, но что может быть резюмировано, чтобы дать нам основное направление для духовнонаучных стремлений. Прежде всего, мы должны чаще знакомиться с мыслью о том, что наша земная жизнь, так как мы проводим её между рождением и смертью, является, в сущности промежуточной жизнью между прошлыми многочисленными земными жизнями и многими жизнями, протекавшими между смертью и новым рождением, и, опять-таки, между тем, что предстоит в будущем во многих земных жизнях и во многих жизнях между смертью и новым рождением. Я говорю, что эта наша жизнь является промежуточной. Поэтому мы можем ожидать, что в нашей жизни обнаружится нечто, что мы можем рассматривать как следствие прошлого, предшествующего; но в нашей жизни заложено и ещё нечто, что мы можем рассматривать как нечто, указывающее на будущее. Это последнее и будет сегодня особенным предметом обсуждения.

Человек, рассматривая свою жизнь, мог бы легко поверить, что в этой жизни, в сущности, ничего не указывает ему на то, что в нас уже заложены зародыши, своего рода семена для будущей жизни. Тем не менее, это так. Действительно, в нас самих готовится то, что должно произойти с нами в будущем. Мы только должны правильным образом истолковывать нашу жизнь, и тогда мы сможем подойти к тому, что скрыто заложено в нас для будущего, как в реальном растении заложены семена для будущего растения, растения, которое ещё только должно возникнуть. Нечто непонятное в современной жизни тиражирует достаточно известную нам всем сновидческую жизнь. Эта сновидческая жизнь, конечно, имеет в себе некую часть, о которой мы можем действительно сказать: она до некоторой степени понятна нам. Мы видим сны о вещах, которые напоминают нам то или иное, пережитое нами в жизни. Несомненно, очень часто происходит так, что те вещи, которые мы переживали вчера или ранее и о которых мы видим сны, затем изменяются, они пронимают во сне другой образ, они как-либо меняются. Но мы в некоторых случаях часто можем с легкостью увидеть, как в том, что нам снится, включена внутри, хотя и в измененной форме, часть нашей жизни, оставленной нами позади. Но я полагаю, ни один человек, который обращает хоть сколько-нибудь внимания на свой мир сновидений, не мог бы утаить от себя то, как сон, сновидения, демонстрируют нам столько удивительного, что мы поистине не можем сказать, будто бы он всего лишь возвращает нас к тому, что тут или там мы испытали в жизни. Дело действительно обстоит так, что человеку достаточно немного поразмыслить над своими снами и он сможет

ясно заметить, что ему, если можно так выразиться, снятся вещи, которые он сам, насколько он себя помнит, не мог бы придумать, к которым не мог бы когда-либо придти.

Всю эту связь мы будем понимать, если вообразим себе природу того, что происходит в сновидениях. Как нам известно, в спящем состоянии мы, с нашим астральным телом и нашим «я», находимся вне нашего физического и эфирного тела. Физическое и эфирное тело лежат в постели; мы находимся снаружи с нашим астральным телом и нашим «я». Для человека, каков он на Земле в настоящее время, - если только он не обладает какими-либо особыми способностями, - невозможно осознано переживать то, что испытывают астральное тело и «я», когда человек спит. Это происходит в подсознании. Но ясновидящее познание показывает нам, как то, что переживается здесь, в точно таком же многообразии, что находящееся вне физического тела отпечатывается точно также, как и то, что переживается в физической жизни, что оно столь же разнообразно, столь же многогранно как то, что переживается здесь на физическом плане; и хотя сознание не может вместить, вобрать в себя всё это, однако оно и существует, и переживается. Сновидения возникают вследствие того, что астральное тело и «я», - которые в ином случае находятся настолько далеко вне физического и эфирного тел, что физическое и эфирное тела не замечают процессов, происходящих с астральным телом и «я», - так сближаются с физическим и эфирным телом, что эфирное тело как таковое оказывается теперь в состоянии принимать впечатления от астрального тела и «я». Когда вы пробуждаетесь и знаете: я спал и видел сны, это то же самое, если сказать: то, что является содержанием вашего сна входит в ваше сознание благодаря тому, что астральное тело и «я» погружаются; и перед тем, как физическое тело становится способным придти в сознание, снова обретая в себе астральное тело и «я», это происходит с эфирным телом; и вот, когда эфирное тело быстро воспринимает то, что пережили астральное тело и «я», возникает сновидение. Итак, возникновение сновидения является следствием взаимодействия между астральным и эфирным телами.

Вследствие этого, однако, сновидение получают совершенно определенную окраску. Оно получает, - я бы сказал, - своего рода чехол, оболочку. Вы знаете, что если при смерти человек выходит с астральным телом, «я» и эфирным телом, он имеет в эфирном теле непосредственную панораму земной жизни. Эта панорама, ретроспективный обзор, привязана к эфирному телу; если оно растворяется, ретроспекция завершается. Итак, в этом эфирном теле заложена возможность отпечатлеть все события нашей

жизни. Итак, в эфирном теле отпечатывается всё, что мы испытываем в жизни.

Это эфирное тело является очень сложным образованием. Если бы мы могли исследовать это эфирное тело в его собственном облике, оно было бы для нас зеркалом нашей настоящей жизни, образом нашей жизни до того момента, до того пункта, где мы могли помнить себя. Вследствие того, что мы погружаемся с нашим астральным телом и «я» в эфирное тело, и эфирное тело встречается с погружающимся астральным телом, эфирное тело выносит вещи, воспоминания о вещах, пережитых им, навстречу тому, что входит в астральное тело, и облекает то, что находится в астральном теле в свои собственные образы.

Я хочу высказаться точнее. Допустим, кто-то снаружи в сонном состоянии в астральном теле и в «я» переживает, - скажем мы, - встречу с какой-либо личностью. Затем человек ничего не знает об этом. Он переживает такую встречу; он переживает, что он у него было по отношению к этой личности весьма дружелюбное чувство, что он с этой личностью предпринял бы что-то сообща. Допустим, что он переживает это, будучи вне своего эфирного тела. Это может быть; но он об этом ничего не знает. И вот наступает момент пробуждения. Астральное тело и «я» возвращаются обратно в эфирное тело и несут навстречу эфирному телу свои переживания. Эфирное же тело несёт то, что в нём есть, свой образный мир, навстречу астральному телу, и человек видит сон. Он видит сон о деле, которое было предпринято им, возможно десять или двадцать лет тому назад. Тут человек говорит себе: да, я видел сон о том, что я переживал десять или двадцать лет тому назад. Однако, если он поразмыслит над собой, это будет выглядеть совсем наоборот. Но ведь он вспоминает о том, что было пережито им раньше. Что, собственно, происходит? Если мы исследуем этот процесс с помощью ясновидческого познания, мы увидим, что «я» и астральное тело пережили нечто, что, в сущности, может разыграться только в следующей инкарнации: встречу с какой-то личностью, нечто такое, что человек собирался делать вместе с этой личностью. Но человек ещё не может охватить этого в своём эфирном теле, которое содержит в себе, может охватить в себе только образы настоящей жизни. Теперь, когда астральное тело погружается, сходит вниз, эфирное тело облекает то, что должно произойти в будущей жизни, в образы нынешней жизни. Этот своеобразный, сложный процесс происходит постоянно с людьми, когда они видят сны.

Если вы объедините всё, что вы до сих пор слышали в духовной науке, вам это не покажется странным. Мы должны осознать, как в том, что выходит из нашего физического и нашего эфирного тела,

- в нашем астральном теле и «я» внутри содержится то, что хочет перейти в ближайшую инкарнацию, то, что подготавливает себя в нас для ближайшей инкарнации. И если человек учится постепенно отделять сновидения от того, что является образами повседневной жизни, то он учится познавать пророческую природу снов. Можно действительно раскрыть для себя пророческую природу снов, надо только учиться высвобождать сновидения от тех повседневных образов, в которые они облакаются. В случае снов надо больше смотреть на вид и форму, как их переживают, нежели на то, что переживается. Например, говорят себе: то, что мне снится одна личность, происходит от типа моего эфирного тела, от той формы, в какой моё эфирное тело с его повседневными образами выступает навстречу переживаниям астрального тела. В связи с тем, что переживает человек, он, чтобы понять, что же готовится для следующей жизни, должен больше внимания уделять этим виду и форме (снов), чтобы отделить это от образов в нашем эфирном теле. На самом деле в снах мы действительно имеем вложенное в нас пророчество о наших будущих переживаниях. Чрезвычайно важно, надлежащим образом обратить на это внимание. Человеческая жизнь раскрывается всё больше и больше, по мере того, как мы рассматриваем её как нечто сложное. Человек хочет упростить всё это, так ему было бы удобнее, но дело обстоит именно так, что это сложно.

Видите ли, человек, стоящий во внешнем физическом мире, не сознаёт, что в нём заключено всё, что только возможно, всякая всячина. Теперь мы познакомились с тем, что включено в нас как пророчество грядущей жизни. Но в нас включено ещё и многое другое, и самопознание основано на том, что мы всё больше и больше познаём то, что заложено в нас, что работает в нас, делает нас счастливыми или несчастными, ибо все заложенные в нас вещи делают нас счастливыми и несчастными. Так обычно людям становится неясно, через что они проделали перед этой земной жизнью - имеется в виду то, что сделало их земными людьми, не они сами, - (древняя) лунная жизнь. Мы кое-то знаем об этой лунной жизни, также и предшествовавшей ей (древней) солнечной жизни и древней сатурнической жизни. Взглянем сначала на лунную жизнь! В настоящее время мы, конечно, ведем земную жизнь, но лунная жизнь была необходима, для того, чтобы могла осуществиться эта земная жизнь. В лунной жизни подготавливались причины, предпосылки для земной жизни, и в некотором роде эта лунная жизнь ещё включена, встроена в нас. На (древней) Луне человек был ясновидящим сновидцем. В себе он воспринимал действительность в сновидческих образах. Однако то, чем мы были на (древней) Луне, мы ещё носим в себе, это встроено в нас.

Конечно, лунный человек стал земным человеком. Но в это следствие ещё включена причина, мы ещё носим в себе этого лунного человека. Взглянув на этого лунного человека, мы можем сказать: он является в нас тем, что мы называем сновидцем. На самом деле все мы носим в себе сновидца, сновидца, который хотя и менее плотен, который слабее мыслит, чувствует и волит, но который, в сущности, мудрее, чем мы, как земные люди. Мы носим в нас сновидца. Некогого сублильного человека носим в себе все мы. То, что мы так оперируем с нашими мыслями, нашими чувствами и волей есть результат того, что дало нам развитие, эволюция. От лунной эволюции в нас нечто осталось, и это в нас - человек, видящий сны, сновидец. Но в этом сновидце нам дано больше, чем в том, что мы можем иметь посредством наших мыслей, чувств и волевых импульсов, причём этот сновидец не совсем уж бездейтелен. Мы не обращаем внимания на этого сновидца, но мы делаем многое, очень многое, что мы всего лишь наполовину умеем, чем этот сновидец руководит в нас и что он ориентирует. Мы полагаем, обдумываем нечто, тогда как сновидец тоже нечто делает в нас, направляя наше мышление то туда, то сюда; например, мы придумываем какой-либо тезис; сновидец делает так, что мы высказываем этот тезис совершенно определенным образом, придаём ему остроту, одеваем его в какие-либо эмоциональные нюансы. Этот сновидец и есть то, что осталось в нас от (древней) Луны. Я могу указать на одну выдающуюся личность, обратив внимание на то, как заметить в ней этого сновидца. Если люди в жизни знакомятся друг с другом, или если они знакомятся с выдающимися людьми с помощью публикаций, они по большей части заботятся тут о том, что представляет собой этот другой как земной человек, а не о том, чем является он как сновидец, как поэт. Но в этом он высказывает себя глубже.

Есть один великий писатель: Эмерсон(77). Эмерсон действительно обладал свойством всегда углубляться в предмет, которым он занимался, так что ему могли указывать на противоречия, ибо он всегда совершенно погружался в тот предмет, который занимал его непосредственно, совершенно входил в предмет. Его не заботило, если то, что он характеризовал затем, противоречило тому, что он характеризовал прежде, когда он погружался внутрь другого предмета. Но именно у Эмерсона всегда заметно, что если он совершенно углубляется в человека или другой предмет, вместе с ним говорит тихий отголосок лунного человека Эмерсона, его сновидец. Эмерсон написал два прекрасных трактата: один о Шекспире как наиболее характерном представителе поэзии; ещё один о Гёте как представителе писателей. Дело обстоит так, что люди читали подряд в трактате

Эмерсона о Шекспире, читали всё подряд в трактате о Гёте, и были довольны, были удовлетворены этим. Но можно пойти дальше и спросить себя: не чувствуется ли как тут у Эмерсона тихо резонирует нечто особенное? Тогда открывается нечто в высшей степени удивительное: Эмерсон хочет характеризовать Шекспира не просто как Шекспира, он хочет представить его как пример, как образец для поэта. Весьма своеобразно то, что, когда Эмерсон точно углубляется в Шекспира, происходит нечто, как если бы слышался тихий перезвон нижних тонов, оттенков.

Вы не допустите, что я, исходя из шовинизма, из национальных мотивов хочу сказать что-либо дурное о Шекспире. Шекспир, несомненно является для меня великим поэтом, само собой разумеется, я рассматриваю его как одного из величайших поэтов всех времен. Но мне хочется извлечь наружу те тихие оттенки, которые выявляет Эмерсон, характеризуя Шекспира. Он говорит, что оригинальность, в сущности, не является тем, что делает человека великим. Даже если мы характеризуем великого поэта, мы не должны требовать, чтобы эта великая личность была оригинальной.

Видно, что Эмерсон, характеризуя Шекспира, подчеркивает, что поэт ищет повсюду, чтобы взять то, что ему нравится и внести это в свою поэму. Эмерсон как бы старается извиниться, что Шекспир не оригинален, что он всюду, из итальянских, испанских, французских и немецких источников, и, конечно, из английской истории собирает вместе всё, что он затем перерабатывает в свою поэзию. Весьма своеобразно то, что Эмерсон, который с такой любовью углубляется в Шекспира, использует в отношении Шекспира такие слова, чтобы характеризовать Шекспира: « Великие мужи вырисовываются в большей степени благодаря всеобъемлющему духу, уму и благодаря высокой точке зрения, с которой они смотрят, нежели благодаря оригинальности. Если мы требуем той оригинальности, которая подобно пауку из своего собственного нутра вытягивает свою собственную паутину, которая сама находит глину, формирует из неё кирпичи и сооружает дом, то великие мужи не оригинальны. Сущность истинно полноценной оригинальности состоит не в том, что она не похожа на другое».

Итак, он извиняет Шекспира за то, что тот был столь мало оригинален, что должен был повсюду всё заимствовать. Он заходит столь далеко, что говорит: чтобы понять Шекспира, надо взглянуть на всю английскую публику того времени, чьим вкусам старался идти навстречу Шекспир. Достойные внимание слова говорит Эмерсон о Шекспире: «Легко понять, что всё, когда-либо наилучшим образом написанное или сделанное в мире, не было трудом только одного человека, но было широко разветвлённой,

общей работой, где тысяча как один, все движимы одним импульсом, приложили руку к осуществлению». И вот, пожалуйста, послушайте наиболее достойное внимания, из того, что говорит Эмерсон о Шекспире, с любовью характеризуя его: «У писателей есть своего рода практическое правило, что, обнаружив у себя однажды способность самостоятельно создавать нечто оригинальное, позволяет себе, потом дискретным образом обкрадывать произведения других.»

Итак, Эмерсон пытается показать, как мировое положение Шекспира обусловлено тем, что великие люди обкрадывают других. Что, в сущности, мотивы многих его работ заимствованы. Вот что обнаруживается в эмерсоновской характеристике Шекспира как легкий оттенок.

А теперь обратимся к исполненному любви рассмотрению Гёте. Гёте Эмерсон характеризует как представителя писателей. Но Эмерсон говорит по отношению к Гёте: Природа всюду обнаруживает стремление дать высказаться своим чудесным произведениям. Каждый камень, каждое растение, каждое существо в природе ожидают того, чтобы когда-нибудь высказать себя через человеческую душу. Писатель всегда находится в непосредственной связи с природой. Как будто бы сам Творец готовит те мысли, с которыми выступает писатель. Замечательно, - говорит Эмерсон в отношении Гёте, - что этот муж своим талантом совсем не обязан, ни своему народу, ни своей стране, ни своему окружению, но всё, подобно ключу бьёт из него самого. Даже об истине и заблуждении он принимает решение сам, один, производя всё из самого себя.

Когда Эмерсон характеризует Гёте, он пытается со всех сторон набрать понятия; в то время, как Шекспира он характеризует как величайшего разбойника, Гёте он изображает как личность из центра мира, как бы из самой природы. Послушаем некоторые места, где Эмерсон говорит о Гёте: «Тайна гения в том, чтобы не терпеть существующую для нас ложь. Всё, что мы осознаём, доводить до истины; в изошрённости современной жизни, в искусстве и науке, в книгах и человеческих верованиях будить определенность и доверие; вначале, в конце и в середине пути на все времена почитать любую истину, причем, не только тем, что мы её познаём, но и тем, что мы делаем её направляющей линией наших поступков» Или говорит он о Гёте; «В моих глазах этот писатель стоит как человек, чья позиция была предусмотрена при построении мира».

Шекспира он характеризует как человека, который таков, как того хочет публика; Гёте - как человека, который был предусмотрен от начала мира; чья профессия, положением «которого он достиг, он не обязан никому; от своего рождения он

выступает в мире как свободный, сверхпробуждённый гений...» или: «Он весь представляет собой глаз и инстинктивно обращается туда, где заложена истина. Скажи кто-либо что-то, он сразу же знает то ли это правда, то ли фальшь. Ему было ненавистно бездумно повторять и давать себя одурачивать старушечьими историями, хотя они на протяжении тысячи лет пользовались доброй верой человечества.»

Эта фраза стоит в характеристике Гёте. В характеристике Шекспира стоит, что он не мог ничего сделать достаточным образом, кроме того, как собирать всё, написанное им. Самым, - я бы сказал, - удивительным образом Эмерсону удалось проработать в характеристике Шекспира и Гёте различие между Шекспиром и Гёте. Однако затем, исходя из чувства, может быть найдено то, что в обоих творил сновидец; это означает, как Эмерсон пришёл к тому, чтобы характеризовать Шекспира как большого разбойника, а Гёте характеризовать как великого (человека), связанного с истиной. Это в высшей степени интересно, ибо это не было сознательным волеизъявлением; это дыхание, однако распространяется на оба трактата.

Вы видите, что существует чтение, отличное от того, как только просто взять в руки книгу и прочесть её. Самое важное о вещах человек вообще узнаёт не тогда, когда просто принимает в себя нечто отдельное, но когда он сравнивает это, когда он позволяет воздействовать на себя, то одному, то другому.

Я позволил себе привести этот пример, поскольку в Эмерсоне действительно часто говорит сновидец. Так можно поистине осязаемо обнаружить, как в нём говорят две личности, ибо то, что обыкновенный читатель находит как противоречие, Эмерсон, в конце концов, тоже знал. В конце концов, у Эмерсона противоречия столь грубы, что должны бросаться в глаза каждому. С одной стороны он называет англичан первым народом мира, с другой стороны он ставит выше немцев. Один раз это высказывается из верхнего сознания, в другой раз - из сновидца. Особенно интересно, если вы прочтете обе заключительные части трактатов о Шекспире и о Гёте; просто прочтете эти завершения друг за другом. В случае Шекспира Эмерсон приходит к тому, что говорит: Все, кто действовал до сих пор, ещё не достигли того, чем является поэт в мире: «Мир ещё ждёт поэта-священника». Это подобно отречению, которое как чувство в конце пронизывает трактат о Шекспире. И напротив, в конце трактата о Гёте стоит: благодаря ему человек побуждается почитать всякую истину тем, чтобы не просто познавать её, но делать её направляющей линией нашего поведения. В то время как в конце трактата о Шекспире стоит фраза

отречения, фраза, исполненная уверенности стоит в конце трактата о Гёте.

Мы живём сейчас в то время, когда следует немного обращать внимание на такие вещи, хоть немного познавать их. Тогда мы найдём, что в каждом человеке живёт этот сновидец, он возвещает о себе в поступках человека, и когда он становится видимым ясновидческому сознанию, мы можем, изучая людей, познать его и в обычной жизни. Это мы можем и в случае Эмерсона. Изучать Эмерсона интересно.

Этот сновидец в нас является тем, на кого действует всё, что, без того, чтобы мы об этом знали, должно действовать на нас из духовного мира. В том, что мы переживаем в качестве земных людей, мы создаём мысли, формируем волевые импульсы. То, что мы знаем, есть то, что мы находим в нашей жизни. Но в наших сновидениях играют роль инспирации Ангелов, Архангелов, которые в свою очередь инспирируются существами более высоких Иерархий. В наши сны, - у одного человека больше, у другого меньше, - входит нечто более разумное, чем то, что имеем мы в себе из нашей обычной жизни, чем всё, что обзираем мы в повседневной жизни в мышлении, чувстве и волеии. То, откуда нами руководят, то, что больше, чем был и есть земной человек - входит в нашего сновидца.

Видите ли, этот сновидец, что может вызвать в нас многое, но на бессознательном уровне. Конечно, всё то, что воздействует на нас окольным путём через существ, принадлежащих к Иерархии Ангелов, действует на сновидца; но также и всё ариманическое, всё люциферическое действует, прежде всего, на этого «мечтательного сновидца», действительно действует в сновидце, так что большая часть того, чему люди придают цену, исходя не из своего сознания, но из инстинкта, есть действие из духовного мира в этом сновидце, в этом мечтателе (Traeumer).

Мне хотелось бы привести вам пример на эту тему. Я хочу привести пример касающийся большого исторического промежутка времени. Я часто говорил вам, что европейские народы можно познать благодаря пониманию того, как к итальянцам Народная Душа говорит через душу ощущающую, к французам - через душу рассудочную или характера, к англичанам - через душу сознательную, к немцам - через «я», к русским - через Самодух. Но эта речь через Самодух обуславливает то, что у русских есть сегодня инстинкты, которые должны будут развиваться только в будущем. Только в далёком будущем выступит то, что должна говорить русская Народная Душа, если когда-либо человеческая душа разовьётся до Самодуха. Поэтому всё, выступающее на Востоке, носит ещё зачаточный характер. Но эти народы Востока

инстинктивно чувствуют, что они относятся к другому культурному потоку. Они чувствуют, что им необходимо ждать. Но ни один человек не ждет охотно, если он мыслит о себе, будучи в своём современном сознании. Дело именно в том, что они должны ждать и сознательно вбирать то, чем является европейская культура. Напротив, в них живёт инстинкт, что они должны направлять и руководить, что они недостаточно быстро убивают Европу, в то время как естественный ход вещей состоит в том, чтобы развить себе в Средней Европе то, что может развиться из диалога Народной Души с «я».

У русской Народной Души задатки таковы, что она должна пройти школу в Средней Европе, и если она переработает то, что было предварительно проработано в Средней Европе, тогда она когда-нибудь сможет внести в европейскую культуру тот вклад, который она должна внести. Вместо этого в неупорядоченных, хаотических инстинктах осуществляется нечто странное, в чём мы можем видеть, что эти инстинкты возбуждаются в этом «мечтательном сновидце» всевозможными ариманическими и люциферическими импульсами. Эти ариманические и люциферические импульсы вообще являются причиной того, что Восток таким ужасным образом обратился против Германии.

Видите ли, есть один мыслитель, из которого говорит его «сновидец» - это Южаков (*Южаков Сергей Николаевич [17 (29). 12. 1849, г. Вознесенск Херсонской губернии, ныне Николаевской области УССР, — 29. 11 (12. 12). 1910, Петербург], русский публицист и социолог, либеральный народник, брат революционерки Е.Южаковой -примеч. перев.)*(78)

Я хотел бы обратить ваше внимание на идеи этого мыслителя, который в 1885 году высказывался об отношении русской культуры к английской культуре; хотелось, чтобы большое количество людей современности ознакомились с такими идеями, которые незадолго до этого возникли в одной русской голове и распространились. Мы должны рассматривать эти идеи не в связи с их содержанием, а как симптом того, что живёт во всём русском народе.

Южаков говорит: здесь мы имеем загнивающий Запад, который созрел для гибели. Всё, что есть на Западе, перестало соответствовать своему времени, должно раствориться. Тут должна выступить Россия. Но Россия не должна культивировать один только Запад, спасти Запад от его варварства, нет, Россия должна спасти весь мир вообще, особенно Азию. И это спасение Азии для души Южаков изображает следующим образом.

Давайте взглянем на Азию. Настоящая азиатская культура исходит из Ирана. Эта иранская культура идёт от Ормузда; иранцы знают о борьбе между Ормуздом и Ариманом. Всегда можно было видеть, как иранцы делали всё, чтобы распространить в Иране

благословение Ормузда. Но тут пришли туранские народы, зависимые от Аримана, она постоянно притесняли культуру Ормузда, боролись и побеждали её. Сначала Ормузд и Ариман боролись в Иране. Но если мы посмотрим, как народы Европы действовали против этой культуры Ормузда, мы увидим, что эта прекрасная культура Ормузда распространилась в тех областях, которые в первую очередь были завоёваны англичанами. Англичане проявили себя по отношению к культуре Ормузда как самые худшие варвары. При этом Россия должна сделать в Азии много хорошего по отношению к тому, что было в Азии разрушено этими нечестивыми англичанами. Придя туда, англичане захватили целую часть Азии, они использовали, высосали эту культуру Ормузда. Что представляли себе эти англичане? Англичанин считал, что эта культура существует для них, такой англичанин говорил, что вся эта Азия не годится для чего-либо другого, как только облечься в английскую одежду, сражаться друг с другом английским оружием, работать английскими инструментами, пить и есть из английской посуды и играть английскими безделушками. Ничего иного азиатская культура собой не представляет. Вся Азия – это, якобы всего лишь трофей Англии. Южаков выражает это очень точно: «Англия эксплуатирует миллионы индусов, но её существование зависит от послушности различных народов, населяющих богатый полуостров; я не желаю моему отечеству ничего подобного, - я могу лишь радоваться тому, что оно достаточно далеко отстоит от этой как блестящего, так и печального состояния». Южаков писал это на русском языке в 1885 году. Что же сделали русские? – говорит Южаков, - русские до сих пор не могли поступать так, как поступали западноевропейские народы, как делали англичане – противозаконно нападать и присваивать себе то, что было в Азии как культура Ормузда. Русские приходили только туда, где была культура Аримана, причем они останавливали те народы, в которых действовал Ариман, чтобы они не могли дальше вредить тому, что совершал в Азии Ормузд. После того, как русские освободили народы Азии от злого Аримана, они освободили в этих областях эти народы также и от прегрешений англичан в отношении культуры Ормузда. Тем самым они смогли подготовиться к тому, что было их дальнейшей задачей в Азии, после того как они освободили её от Аримана; они должны были исправить то, что наделали с культурой Ормузда европейские народы, а именно англичане. На вопрос, а почему эти народы не могли продолжить культуру Ормузда, Южаков отвечает, что эти народы подпали индустриализму и индивидуализму, что они в первую очередь всегда думали о самих себе, в то время как русские думают о самих себе в последнюю очередь. Такие люди (европейцы) не годятся; они запутаны в

индустриализме и индивидуализме, они стали кровопийцами для Азии. Россия принесёт новые комбинации; сочетание блестящего военизированного казачества с природой хозяйственного земледельца. Из этого сочетания в Азии возникнет освободитель человечества. Избавитель человеческого развития возникнет в Азии. - Идеал Южакова состоит в том, что из сочетания казачества с земледельцем, обрабатывающем землю возникнет избавитель мира.

Вы видите, мои дорогие друзья, сформирован идеал, относительно которого вы едва ли усомнитесь в том, что в собственном духе Южакова есть кое-что воздействующее от духа Аримана, хотя и воздействующее в «мечтателе-сновидце». Однако это влияние, оказываемое на «сновидца» постепенно становилось всеобщим настроением народа и вызвало то, что обнаруживается теперь как общее настроение народа на Востоке Европы; ибо здесь мы имеем дело именно с таким умонастроением народа, как оно выражено в словах Южакова.

Видите ли, я хотел указать также на то, в духовной науке есть нечто, позволяющее нам всё ближе вглядываться, всё больше вглядываться в то, что говорят люди и о чём они грезят, мечтают; ибо этого «мечтательного сновидца» все мы носим в себе, этот «сновидец» есть во всех нас. На этого «сновидца» оказывают влияние как добрые, так и злые силы.

Также как мы имеем в себе этого «мечтательного сновидца», который вносит в нас (древнюю) лунную природу, также носим мы в себе и солнечного человека из (древней) солнечной эволюции. Однако он уже больше ни в коем случае не может видеть сны, грезить. Его сознание сформировано подобно сознанию растения. Мы носим в себе некоего спящего растительного или солнечного человека. А затем мы носим в себе полностью мёртвого, мёртвого как камень (древнего) сатурнического человека. Также как солнечного человека, который спит (сном без сновидений - прим. перев.), мы несём в себе сатурнического человека, который ещё в своём сознании находится на ещё более глубоком уровне, уровне, находящемся под уровнем сознания сна без сновидений. То, чем является в нас «мечтательный сновидец» - есть лунный человек; то, что живёт в нас с постоянным сознанием без сновидений, сонным сознанием, есть солнечный человек; сатурнический человек располагается в нас как, я бы сказал, наша древнейшая первопричина, как самое внутреннее ядро в нас. Но и этот сатурнический человек имеет глубокое значение в всей нашей жизни. Все те познания, которых человек достиг сегодня, будь то во внешней жизни, будь то в науке, возникают потому, что внешний мир действует на человека как на сатурнического человека. Это

воздействие не доходит до сознания человека, но оно существует. То, что мы думаем, чувствуем и волим, входит вплоть до этого сатурнического человека. Этот сатурнический человек и есть то, что в конце концов остаётся от нас нашей Земле, независимо от того, будем ли мы сожжены как физическое тело, или истлеем.

То, чем является «мечтательный сновидец», не остаётся; то, чем является солнечный человек, тоже не остаётся. Сатурнический человек переходит в виде тонких, тонких пылинок в элементарный мир Земли, это остаётся, и они несут в себе следы того, что в нас было. Вы можете, проверяя элементарный мир найти сегодня то, пусть даже в тончайших пылинках, что было останками Авраама, Платона, Сократа, Аристотеля, вы можете найти то, что было их сатурническим человеком. То, что было сатурническим человеком отдается Земле, оно остаётся в Земле, остаётся в Земле с нашим постоянным характером.

В прежние времена это ещё было не так. Именно в наше время, с пятнадцатого, шестнадцатого столетия это стало так. Раньше весь человек растворялся; лишь те, кто опережал своё время как Авраам, Платон, Сократ, Аристотель, отдавали свои останки Земле. Теперь, несомненно, так обстоит со всеми людьми. Своеобразие состоит вот в чём: всё то, что в настоящее время достигается на пути внешней науки, отпечатывается в этом сатурническом человеке и вместе с этим сатурническим человеком входит в Землю.

Всё остальное, что имеет человек, потеряется, растворится в Космосе, когда Земля однажды достигнет своей цели. То, что мы имеем вокруг себя как минералы, растения, животные, прейдёт, погибнет, только то, чем вы были как сатурнический человек, останется существовать в виде тонких пылевидных частичек, перейдёт от Земли к состоянию Юпитера, и образует затем твёрдый остов Юпитера. Это будут настоящими атомами для Юпитера. Те люди, которые сегодня изучают внешнюю науку, которые сегодня мыслят внешне, воздействуют на своего сатурнического человека так, что образуют в этом сатурническом человеке атомы для Юпитера. Тем самым Юпитер получит свои атомы. Но если бы не было только это, весь Юпитер возник бы так, что он был бы, в сущности, всего лишь минеральным или минералоподобным шаром, и никакие растения на нём бы не росли. То, что мы можем перенести на Юпитер посредством нашего сатурнического человека, способствует лишь тому, чтобы Юпитер мог стать минеральным шаром. Произрастить растения на нём мы не можем. Если же на Юпитере должны расти растения, тогда солнечный человек в нас тоже должен получать кое-что. Но этот солнечный человек в нас, правильным образом получает от нас нечто с данного момента и в будущем только благодаря тому, что люди

принимают в себя понятия духовной науки, ибо те понятия, которые мы принимаем извне, уходят в сатурнического человека. То, что мы принимаем как мысли из духовной науки, идёт в солнечного человека. Поэтому духовная наука требует большой активности. Её мысли отличаются от мыслей внешней науки тем, что они активны. Они должны быть схвачены живо; человек не должен вести себя пассивно по отношению к мыслям как во внешнем мире. В духовной науке, следует всё мыслить активно, тут мы должны быть внутренне деятельными. Это воздействует на нашего солнечного человека. Если бы в человеке не было солнечного существа, то на возникшем Юпитере всё было бы минеральным, там не было бы растительного мира. Люди, развивающиеся духовно, переносят туда нечто, что приведёт на Юпитере к растительному миру. Вместе с солнечным человеком в нас мы переносим то, что возникнет как растительный мир; чтобы сделать Юпитер безжизненным, голым, надо лишь отвергнуть духовную науку. Теперь нам удалось основать духовную науку, чтобы на Юпитере возникла вегетация.

Мы, исследователи духовной науки всё же не таковы, чтобы говорить, как говорят другие люди, что «по сравнению с ним чудесно далеко продвинулись мы сами!» (*слова Вагнера, «Фауст»* - примеч. перев.) Вы только послушайте современных врачей, которые так прочно стоят на современной точке зрения, или послушайте философов и так далее, они говорят: нам нет необходимости углубляться в далекое прошлое, там мы встречаем людей, которые ничего собой не представляют; такой человек как Парацельс был, в сущности, идиотом, и преподаватель гимназии сегодня умнее, чем Платон. Такова философия, злословящая от Геббеля. Как драматическая идея в его дневнике находится мысль, как у одного учителя гимназии в классе был перевоплощённый Платон. Геббель захотел изобразить некую драматическую фигуру (79) и показать, как школьный учитель обходился с этим перевоплощённым Платоном, который абсолютно ничего не понимал из того, что этот школьный учитель говорил о Платоне. Геббель хотел изобразить это в драме. Действительно жаль, что он не отобразил эту идею в драме, ибо это действительно весьма прекрасная идея.

Мы, впрочем, не придерживаемся той точки зрения, что «как, по сравнению с ним, чудесно далеко продвинулись мы сами». Мы придерживаемся другой точки зрения. То, что сегодня называется философией, придерживается заносчивой точки зрения: чему минуло десять лет, представляет собой уже преодолённую точку зрения. Впрочем, мы знаем, что мы сообщаем духовную науку так, как мы и должны сообщать, говорить о ней. Но мы знаем также и то, что придёт время, когда то, что мы высказываем как духовную

науку станет в будущем бессмыслицей, время, когда среди человечества должно будет действовать нечто совершенно иное. То, что мы теперь должны сообщать как духовную науку, имеет современную форму, изыскивая в вечности то, что в современности может послужить во благо и на пользу. Но придёт время, когда будет необходимым, чтобы мы точно также, как мы теперь оказываем влияние, воздействуем на солнечного человека, попытались воздействовать на «мечтательного сновидца» (Traeumer), подобно тому, как вся наша внешняя наука действует на сатурнического человека. То, что создаёт внешняя наука из сатурнического человека, оснует Юпитер как минеральную массу; то, что духовная наука делает из солнечного человека, оснует вегетацию, растительный мир Юпитера. То, что станет животной жизнью, фауной Юпитера, будет образовано посредством того, что последует за нашей нынешней духовной наукой, будет основано благодаря тому, чем стане духовная наука в будущем. Затем последует ещё нечто, что будет на Юпитере действовать на человека (*то есть действовать для создания уже не минерального, растительного, животного, а человеческого царства - примеч. перев.*); это ещё будет образовано и это станет для нас основой для собственной культуры Юпитера.

Так мы стоим теперь в жизни в таком периоде, когда посредством внешней науки мы подготавливаем для Юпитера минеральное ядро, и когда духовная наука влияет на растительное бытие Юпитера и оснует его вегетацию. Придёт и нечто, оказывающее влияние на «мечтающего сновидца», троймера, что будет содействовать животному миру Юпитера. И только затем то, что соответствует нынешним проявлениям мышления, чувства и воли человека, будет посредством высшей мудрости направлено так, что когда земная эволюция завершится, сам человек сможет перенести себя на Юпитер.

Таково наше положение в эволюции Земли, так из нашего человеческого начала мы видим, каким образом мы включены в великий мир, в Макрокосм. Мы узнаём, что мы не совершаем ничего, что не было бы важно. Мы знаем также, что когда мы вместе развиваем духовную науку, мы содействуем вегетации Юпитера, а посредством того, что мы запечатлеваем в словах, мы создаём то, что в состоянии Юпитера будет передано миру будущего.

Вспомните, мои дорогие друзья, ведь я говорил: всё, что является минеральным миром, исчезнет в мире; всё, что является растительным миром, исчезнет; всё, что является животным миром, исчезнет. Ничего не перейдёт туда от Земли, кроме минеральных атомов от людей, от сатурнической части человека. От минералов,

растений и животных на Юпитер ничего не перейдёт. Перейдёт только то, что теперь является в нас сатурническим человеком; это будет минеральным царством Юпитера.

Я не знаю, помнят ли некоторые наши друзья о нашей исходной точке, кода много лет назад в Берлине, - сначала в небольшом составе, некоторые среди нас пережили это, - мы начали рассмотрения на эту тему. Перенесемся на более поздний Юпитер. Что представляют собой атомы Юпитера? Это сатурнические частицы современных людей. Бессмысленно говорить о таких атомах, о которых говорят физики. То, что человек достигает на всей Земле, входит в сатурнического человека и становится атомами Юпитера. Говорить о том, что в наши минералы, в животных и растениях находится то, что ищут там физики - чистая бессмыслица. То, что сейчас является земными атомами, подготавливало себя в (древнем) лунном бытии, это то, что готовило в нас солнечного человека, подобно тому как теперь мы готовим нашего сатурнического человека. *Об атоме, подготовленном из всего Космоса, я уже говорил однажды раньше(80)*. В старых лекциях вы можете это найти снова, в тех, что были прочитаны в начале нашей деятельности в Берлине. Теперь я могу сделать это лишь вкратце, после того, как было предпослано то, что мы проделали за это время.

Однако с тем, чем являются наши светила, внешние физические светила, с физическим Солнцем, физической Луной, которых мы наблюдаем в Космосе, дело обстоит не так, как это видят физики. Физики были бы очень удивлены, если бы она смогли когда-либо приблизиться к Солнцу, и не обнаружили бы там того, что они смоделировали. Они были бы весьма удивлены тем, что им пришлось бы там увидеть. Что бы обнаружили там, если бы когда-либо смогли туда подняться, - в соответствие со временем это было бы на воздушном шар будущего, на эфирном шаре, - то, что обнаружили бы там, было бы весьма необычно. Там не нашли бы того, что моделируют физики; там не нашли бы совершенно никакого физического тела. Это лишь выглядит так. То, что окружает нас как Солнце, Луна и звёзды, принадлежит к целому, которое возникло когда-то после (древней) лунной эволюции, лунного развития. После лунной эволюции погибла не только (древняя) Луна; нет, всё, что было тогда видимым Космосом, погрузилось в ночь. И всё, что является Космосом теперь, в сущности, добавилось как принадлежащее к Земле, так что если когда-либо Земля погибнет, то не только растительное и животное царства погибнут вместе с Землей, но вместе с ней погибнет и всё то, что находится вовне, в Космосе; современные формы звёзд погибнет в ночи. А затем будет выстраиваться то, что станет

Юпитером. Его атомами будут сатурнические части человека. Его окружение будет выглядеть совершенно иначе, нежели наше земное окружение.

Рассмотрев всё это, человек, который сегодня понимает это, мог бы сказать следующее: так что же останется от современного мира, когда эволюция Земли завершится? Минеральное, растительное, животное царства, - всё это распылится, прейдёт. То, что сегодня достигает человек как таковой, то, что он сегодня образует из внешней силы суждения, перейдёт в минеральное царство Юпитера; то, что человек достигает как духовную науку, в качестве солнечного человека перейдёт туда и ляжет в основу вегетации; то, что мы говорим - слова - перейдёт туда; то, что происходит как моральное, перейдёт туда.

Разве Тот, Кто должен был задавать смысл и направление всему земному развитию, не сказал совершенно особенных слов, разве Он не сказал: *«Небо и Земля прейдут, но слова Мои не прейдут»*?(81) - Разве мы не начинаем теперь понимать глубочайший смысл слова Христа: *«Небо и Земля прейдут, но слова мои не прейдут»*? Разве это не верно, в буквальном смысле?

Слова, вытекающие из внешней науки и действующие на сатурнического человека, перейдут туда и образуют атомы Юпитера. Слова, которые возникают из духовной науки и действуют на солнечного человека, перейдут туда и образуют вегетацию Юпитера; то затем воздействует на «сновидца» перейдёт туда и образует животное царство Юпитера; то, чего достигнет человек посредством морального и посредством слов духовной науки будущего, превратиться в человека Юпитера. Им станут слова, им станет мыслительная мудрость. Это будет существовать. То, что находится вокруг в Космосе, прейдёт. *«Небо и Земля прейдут, но мои слова не прейдут»*.

Так постепенно мы замечаем, как от этой центральной мастерской, которую мы называем Мистерией Голгофы, проистекают слова глубокой мудрости. Они проистекают оттуда. Я говорил однажды: Всё последующее земное развитие будет существовать для того, чтобы постепенно понять то, что было сказано Тем, Кто прошёл через Мистерию Голгофы. Сегодня я попытался, исходя из всей духовной науки, развитой нами до сих пор, объяснить Слово, Слово Христа: *«Небо и Земля прейдут, но слова мои не прейдут»*. Всё снова и снова будут приходить люди, которые на основе того, что умеет объяснить духовная наука, будут толковать другие слова Христа. Многие должны будут придти, чтобы понять весь смысл слов Христа, ибо эти слова являются направляющими, являются словами, даваемыми нам из Духа,

словами, которые могут быть поняты только в ходе времен благодаря тому, что будет принесено из науки Духа.

Если мы воспримем это на уровне чувства, только тогда у нас возникнет ощущение всей неповторимости, единственности Мистерии Голгофы, возникнет благодаря восприятию, которое взирает к бесконечному, чудесному познанию того, что Мистерия Голгофы даёт смысл Земле от начала мира до его конца.

Сегодня, мои дорогие друзья, моей задачей было, - поскольку предстоят ещё две недели, когда мы не сможем говорить друг с другом, - сказать о том, что мы можем принять в наши души, и в ближайшие недели усиленно медитировать над этим. Мне хотелось заложить в ваши души некоторые мысли, которые вы затем можете разрабатывать дальше. Нашей летней духовнонаучной задачей всегда было то, чтобы то, что нашло себе место в нашей душе, мы разрабатывали дальше и, чтобы благодаря этому наша душа делалась более живой и более зрелой; ибо мы продвигаемся дальше в духовной науке не потому, что воспринимаем духовную науку как теорию, не вследствие только лишь того, что мы принимаем идеи, но благодаря тому, что мы преобразуем эти мысли во всю нашу душевную жизнь, в наше живое ощущение. Да, если мы дадим этим мыслям о нахождении человека в Макрокосме именно так действовать на наши души, мы, как люди, почувствуем себя внутри целого. Всякое малодушие, всякая боязливость, всякая безнадёжность должны исчезнуть перед величием этих мыслей. Со всей скромностью мы должны почувствовать себя как человека. И всё то, что мы можем принять в себя как духовную науку, всё то, что как нечто живое от духовной науки может и должно действовать в нас, - что до сих пор всегда было нашим принципом, - мы должны особенным образом акцентировать в современности; ибо всегда, всё снова и снова мы при наших рассматриваниях в настоящее время помнить о том, что, предостерегая, предстаёт в великих событиях времени. Мы всё снова должны думать о тех, которые оставляют нам свои эфирные тела в юном возрасте, эфирные тела, которые смогут оказать помощь для одухотворения культуры будущего. И если это одухотворение должно наступить, тут должны найтись души, которые понимают кое-что в этих духовных связях, души, которые смотрят в этот мир и знают, что там, вверху находится не только то, что в абстрактном смысле называют притяжением, но что там, вверху находятся живые умершие, находится то, что они из своей собственной жизни отдали земному человечеству, - неиспользованные эфирные тела. Те души, которые кое-что понимают в этих вещах, души, чьи мысли восходят к тому, что струится вниз от неиспользованных эфирных тел преждевременно ушедших, должны будут взаимодействовать.

То, что мы должны пронизать наши души этим духовным и земным взаимным течением, и прежде всего с нашими мыслями, а также вместе с тем, что стало духовным в нас самих, обращаться вверх, к духовному, - всё это я, как всегда в завершении, обобщаю в словах, которые и сегодня должны стать окончанием нашего рассмотрения:

Из мужества бойцов,
Из крови павших,
Из страданий оставленных,
Из жертвенных дел народа,
Взрастёт духовный плод -
Если, сознавая Дух,
Души направят свои чувства
В царство Духа.

ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ ЛЕКЦИЯ **Берлин, 6 июля 1915**

Мои дорогие друзья, давайте опять сначала вспомним о тех, кто стоит на великих полях событий современности:

Духи ваших душ, деящие стражи
Ваши крылья могут донести
Наших душ молящую любовь
Вашей защите доверенным
Людям Земли,
Чтобы соединяясь с вашей мощью
Наша просьба, помогая, сияла
Душам, которых она, любя, ищет

И о тех, кто вследствие этих событий уже прошел через врата смерти:

Духи ваших душ, деящие стражи
Ваши крылья могут донести
Наших душ молящую любовь

Вашей защите доверенным
Людям сфер,
Чтобы соединяясь с вашей мощью
Наша просьба, помогая, сияла
Душам, которых она, любя, ищет

Дух, Которого мы ищем посредством наших устремлений в духопознании, Дух, Который на благо Земли и ради человеческой свободы и прогресса прошёл через Мистерию Голгофы, будет с вами и с вашим тяжким долгом!

В этом сегодняшнем экстраординарном рассмотрении мне хотелось бы вспомнить кое-что, относящееся к предмету нашего изложения; то, что мы хотим сегодня резюмировать с определенной точки зрения, оттуда и отсюда бросив свет на уже рассмотренное, уже данное нам. Принятию духовнонаучного познания в наше время как предубеждение, как предчувствие, как предварительное ощущение противостоит то, что так мало предчувствуют, сколь малая часть из того, что совершает человек ежечасно и ежесекундно, он, как человек физического мира, имеет в своём обычном сознании. Достаточно всего лишь вспомнить о том, сколь мало было бы у нас возможностей вообще жить в качестве человека, если бы мы хотели держать в сознании всё необходимое для того, чтобы жить, будучи человеком. С правом всё снова и снова отмечают, как мало ещё знает сегодня человек, - возьмём хотя бы чисто физическую организацию его тела, - как работают головной мозг, печень, сердце и так далее, осуществляя то, что должен осуществлять человек, чтобы как физическое существо жить на Земле. Но ведь всё то, что таким образом приходится осуществлять человеку только для развития своего внешнего физического тела, он должен делать. Вспомните о том, насколько мало соприкасается человек со всем этим в своём сознании. Надо только обратить внимание на самые незначительные события жизни, чтобы увидеть: человек как существо мира, как земное существо есть нечто совершенно иное чем то, что можно назвать сознательным человеком; последнее есть нечто такое, что по отношению к тому, чем является человек во всей своей полноте, есть нечто очень малое, поистине очень малое. Поэтому никому не стоит удивляться, что в человеческой природе возникает влечение постоянно расширять этого маленького сознательного человека до размеров той области, которая открывается, если рассматривать человека как мировое существо. Вот это мы хотим сегодня взять за отправную точку, которая нам уже предлагалась, которую мы только хотим рассмотреть ещё раз в иной связи.

Наше сознательное бытие в качестве человека начинается, в некотором отношении благодаря восприятиям наших органов чувств, благодаря тому, что мы нашими органами чувств воспринимаем во внешнем мире. То, что наши органы чувств воспринимают, означает, что на эти органы чувств производятся впечатления, и эти впечатления возникают посредством известных процессов, которые представляют собой нечто совершенно иное, нежели то, что мы об этом имеем в своём сознании. Представьте себе, что вы, - подобно тому, как это делают зайцы, - спали бы не с закрытыми, но открытыми глазами; тогда окружение глаза, если не совсем темно, всегда производило бы впечатления на этот глаз и только сознание об этом впечатлении отсутствовало бы. Уши, в сущности, всегда открыты, и любой шорох, всё, что встречается днём в бодрственном состоянии сознания, само собой разумеется, разыгрывается в процессах, происходящих в ухе, точно так же и тогда, когда человек спит. Все наши органы чувств всегда могут быть задействованы во всём процессе земной жизни; но то, какое значение имеют они для нас, зависит от того, сопровождает ли мы сознанием этот процесс органов чувств. Ведь только то, что мы принимаем в своё сознание, принадлежит нам как земным людям.

Имеет ли то, что мы называем нашими чувственными восприятиями, способностью восприятия наших глаз, ушей и так далее, значение лишь для нас, как земных людей, или же это имеет ещё какое-либо иное мировое значение? Ответить на этот вопрос можно только тогда, если попытаться с помощью ясновидческого познания составить себе представление о том, чем является то, что мы видим как звёзды в мировом пространстве. Не правда ли, те, кто стоит на позиции нашей материалистической физики, говорит: если мы видим планеты, так это свет Солнца, который падает на них и отражается снова, вот почему мы и видим планеты. - Так видят предметы на нашей Земле. То, что и планеты мы видим таким же образом есть всего лишь умозаключение физиков, сделанное по аналогии. Дело в том, что нет ни малейшего достаточного основания считать, будто то, что применимо на нашей Земле - вывод о том, что свет освещает предметы и если он отражается, то предметы становятся видимыми, - что этот вывод справедлив и по отношению к небесным телам. Не существует причины, чтобы распространять этот вывод на Космос. Относительно фиксированных звезд эти физики говорят: они светят сами. Я знаю, что когда я был ещё совсем молодым мальчиком, я спрашивал своих товарищей в сельской школе: как вас всё-таки учат о свете? Уже тогда я с известным детским скепсисом слышал о так называемых реальных причинах света, а именно о танцующих маленьких эфирных шариках и волнах света, но мальчик, который тогда учился

на семинаре, ещё ничего об этом не слышал и сказал: что такое свет? Свет – это причина светимости тела. – Видите ли, было сказано прямо-таки нечто «грандиозное» о свете, было сказано: Свет есть причина светимости тел. Но, в сущности, немногим более говорят сегодня материалистические физики: мировые тела видят, когда они излучают свет. Ведь это, по существу то же самое.

При иных обстоятельствах я уже упоминал о том, что материалистических физиков ошеломило бы то, если бы им удалось совершить путешествие на Солнце и посмотреть там, чем, в сущности, является Солнце. Я говорил об этом, поскольку там, где находится Солнце, на самом деле совершенно ничего нет. Однако то, что нашли бы там, было бы взаимосвязью чисто духовных существ и сил; чего-либо материального там вообще нет. Если с таким ясновидческим сознанием исследовать звёзды и задаваться вопросом о причине из свечения, обнаружится; то, что тут существует, обозначается нами как их свечение вследствие большей или меньшей грубости способности к восприятию у земных людей; в случае же тонко сформированной способности к восприятию то, что там существует, состоит из существ. Если бы какие-либо существа на Венере или на Марсе смотрели вниз на Землю, то эти существа, видя Землю светящейся, должны были бы сказать себе: Земля сияет, светится, не потому, что она отражает солнечные лучи, но потому, что на Земле находятся люди, которые воспринимают благодаря своим глазам. Этот процесс зрения имеет значение не только для нашего сознания, но излучается далее во всё мировое пространство; то, что делают люди, когда смотрят – это и есть свет данного мирового тела. Мы смотрим не только для того, чтобы воспринять нашим сознанием результаты увиденного, нет, мы смотрим для того, чтобы посредством процесса нашего зрения, Земля светилась вовне, в мировом пространстве. Любой наш орган чувств имеет на самом деле задачу, быть не только тем, что служит нам, но имеет кроме того и мировую задачу. Благодаря своему чувственному восприятию человек становится мировым существом. Он не есть лишь то существо, которым он является благодаря своему сознанию как земного человека, но он является мировым существом.

Если мы далее проникаем во внутреннюю формацию нашей души, то мы имеем мышление. Это мышление мы больше не представляем себе как всего лишь наше собственное достояние. Не только существует поговорка « мышление свободно от пошлин» (то есть всякий мыслит, как хочет), которая подразумевает, что мышление имеет значение лишь для нашей отдельной индивидуальности, но и в самых широких кругах бытует сознание, будто бы каждый посредством собственного мышления выполняет всего лишь некий

внутренний процесс, что это мышление имеет, - более или менее, - значение лишь для самого мыслящего. Но действительность совершенно иная. Мышление является, в сущности, процессом нашего эфирного тела. И о том, что собственно, происходит при мышлении, человек знает исключительно мало. Исключительно мало из того, что происходит в его мышлении, человек сопровождает своим сознанием. Когда человек мыслит, он знает кое-что о том, о чём он мыслит. Но даже при дневном мышлении раскрывается нечто гораздо большее, нежели мышление, которому сопутствует сознание. Сюда относится то, что ночью, когда мы спим, мы продолжаем мыслить. Неверно, что мышление прекращается при засыпании и возобновляется при пробуждении. Мышление продолжается. Среди некоторых процессов сна, процессов сновидческой жизни, есть и тот, что человек при пробуждении своим астральным телом и своим «я» погружается в своё эфирное тело и физическое тело. При погружении он приходит в волнение, в ткущую жизнь (жизненную ткань) о которой он, если он, хотя бы немного видит, может знать: это ткущие мысли, здесь я погружаюсь как бы в море, которое состоит только из ткущих мыслей. Уже при пробуждении некоторые говорят себе: если бы я только мог вспомнить то, что я думал тут; это было нечто весьма разумное, это могло бы мне помочь гораздо больше, если бы я только смог вспомнить это! Это не заблуждение. Тут внизу действительно находится нечто, подобное волнующемуся морю; это и есть волнующийся, ткущий эфирный мир. *Он не является только какой-то тонкой материей, как охотно представляет его себе английская теософия, нет, это ткущий мыслительный мир сам по себе, это действительно нечто духовное.*(82) Человек погружается в ткущий мыслительный мир.

Поистине то, чем мы являемся как люди, гораздо разумней того, чем мы являемся как сознательные люди. Не лишне это признать. Было бы даже печально, если бы мы, будучи бессознательными, не оказывались умнее, чем, будучи в сознании; ибо в ином случае мы бы не могли делать ничего, как только в каждой жизни повторять себя, оставаясь на той же самой ступени разумности. На самом деле мы уже в настоящей жизни несём в себе то, чем мы можем стать в следующей жизни; это подобно плоду. И если бы мы всегда были в состоянии уловить то, во что мы погружаемся, мы могли бы многое уловить и из того, чем мы будем в следующей жизни. Итак, здесь внизу нечто ткёт и волнуется; это зародыш нашего ближайшего воплощения, и мы принимаем это в себя. Отсюда происходит пророческий характер сновидческой жизни. Мышление представляет собой нечто исключительно сложное, и лишь часть от того, что происходит в мышлении, человек принимает в своё

сознание. В мыслях происходит то, что является неким временн'ым процессом. Когда мы воспринимаем посредством пробуждённых органов чувств, мы в то же время являемся космическим человеком. Наш процесс зрения обуславливает свечение, так как мы являемся космическим пространственным человеком. Посредством того, что происходит в мышлении, мы являемся космическим временн'ым человеком, тут содействует всё, что происходило до нашего рождения и что произойдёт после нашей смерти ит.д. Таким образом, мы благодаря нашему мышлению участвуем во всём космическом временн'ом процессе, тогда как благодаря нашим чувственным восприятиям мы участвуем во всём космическом пространственном процессе. И лишь земной процесс чувственного восприятия предназначен для нас самих.

Приступим к чувству. От чувства мы в нашем сознании имеем ещё меньше, чем от чувственных восприятий (ощущений) и от мышления. Чувство является очень глубоким процессом. Если человек хочет познакомиться с истинным значением мышления, хочет ознакомиться с истиной, что мышление имеет космическое значение, он должен возвысить себя до имагинативного видения, как это описано в книге «Как достигнуть познания высших миров?»(83) Как только человек отбрасывает ту абстрактность мышления, которую оно имеет для нашего сознания, и погружается в то море ткущего мыслительного мира, у него возникает необходимость тут, внутри, иметь не только абстрактные мысли как у земного человека, но иметь образы. Ибо из образов создаётся всё, образы являются истинными причинами вещей, образа лежат внутри всего, что нас окружает, и мы окунаемся в эти образы, погружаясь в море мышления. Эти образы имел ввиду Платон, эти образы имели ввиду все, говорившие о духовных подосновах, эти образы имел ввиду Гёте, говоря о своём прарастении. Эти образы человек обретает в имагинативном мышлении. Но это имагинативное мышление есть некая действительность, и в неё мы погружаемся, окунаясь в это волнующееся (море), в этот поток мышления, идущего в ногу со временем.

В чувство мы погружаемся только тогда, когда мы подходим к так называемой инспирации, которая представляет собой более высокий вид познания, чем имагинация. Всё то, что лежит в основе нашего чувства, является, в сущности, волнами инспирации. И как образ, отраженный зеркалом является лишь образом того, что существует во внешнем мире как предмет, так наши чувства тоже являются лишь зеркальным образом инспирации, отраженном посредством нашего собственного организма, инспирации, которая доходит до нас из Космоса. Но как зеркало не в состоянии воссоздать всё, - ведь оно может воссоздать лишь внешние формы, отразить только

неорганическое, но не жизнь, - так наши чувства тоже не могут воссоздать то, что заложено в элементах мира как инспирация; но эти чувства являются зеркальным отражением, которое также относится к тому, что струится в мире, как мертвое отражение в зеркале относится к живому существу, которое зеркало отражает. Ибо в каждом таком образе отражаются свойства существ высших иерархий, которые высказывают себя в мире посредством инспирации. И так как мы не останавливаемся на чувствах, но продвигаемся дальше к познанию, основанному на яснослышании, мы воспринимаем мир в его взаимодействии, состоящем из многообразных чистых существ высших Иерархий. Мир представляет собой эту сущность, это взаимодействие существ иерархий. В мире совершаются деяния высших Иерархий. Мы вплетены, мы находимся внутри зеркала, и посредством этого нашего зеркала отражаются деяния высших Иерархий. И тогда это отражение мы воспринимаем посредством своего сознания. Так мы живём в лоне свойств Иерархий как чувствующие люди и воспринимаем эти свойства посредством нашего сознания. По отношению к тому чем, в сущности, является человек благодаря своим чувствам, до его сознания достигает в случае чувства ещё меньше, нежели это имело место в случае сознания человека по отношению к его чувственному восприятию и его мышлению. Ибо благодаря тому, что мы являемся чувствующими людьми, мы также являемся и существами Иерархий, действуем внутри того, где действуют Иерархии. Мы задействованы в этой ткани, мы совершаем деяния, посредством которых мы содействуем во всём построении мира. Посредством наших чувств мы являемся слугами высших, созидающих мир сущностей. В то время, как мы полагаем, что, - я хотел бы сказать, - стоя напротив «Сикстинской Мадонны», довольствуемся только тем чувством, которое поднимается в нас, - на самом деле фактом является то, что человек, стоя перед «Сикстинской Мадонной», своё чувство направляет к Ней; тут существует реальный процесс, именно реальный процесс! Если бы это чувство отсутствовало, если бы это сентиментальное чувство отсутствовало, то те существа, которые должны содействовать при построении небесного тела Венеры, не имели бы сил, которые им необходимы при этом. Наши чувства необходимы для дома, который, как мир, строят Божества; необходимы как кирпичи, используемые при постройке дома; а то, что мы знаем об этих чувствах, есть всего лишь часть. Мы знаем, что нам доставляет радость то, что мы стоим перед «Сикстинской Мадонной», но то, что при этом происходит, является частью в мировом целом, независимо от того, насколько мы сопровождаем это своим сознанием, осознаём.

Если же мы взглянем на нашу волю, то это снова всего лишь зеркало, но зеркало существ отдельных иерархических членов. Мы тоже являемся существом Иерархий, только на другой ступени. Наша реальность состоит в нашей воле, мы даём миру субстанцию тем, что позволяем нашей воле каким-либо образом жить в действительности. И снова дело обстоит так: то, что мы сопровождаем сознанием, осознаём нашу волю, имеет значение только для нас самих как для людей; наряду с этим наша воля представляет собой реальность, которая является материалом для Богов, чтобы из неё строить мир.

Вы видите, что наше чувственное восприятие, наше мышление, чувство и воля имеют космическое значение, как они присоединяют себя ко всей космической жизни. Всё же кажется, что в настоящее время человеку надо иметь достаточную способность понимания, для того, чтобы, имея добрую волю, принять это. Иногда случается так, что люди обладают сознанием того, что маленький человек находится здесь, а большой человек – это космическая реальность. *Фридрих Ницше в своём «Заратустре» тоже говорил об этом факте(84)*, он предчувствовал нечто от этого факта. Так обстоит дело со многими, они только не прилагают усилий, чтобы найти путь, посредством которого познают: как от маленького человека подняться к большому человеку. Однако действительно необходимо, чтобы гораздо большее число людей увидело, что прошло то время, когда можно было обходиться без этого воззрения. В старые времена ещё имелись остатки древнего ясновидения, посредством которого в глубокой древности люди ещё смотрели в духовный мир, где они действительно видели, что делает человек, когда он со своим «я» и астральным телом находится снаружи в Космосе, вне своего физического и эфирного тела. Тут человек никогда не пришёл бы к полной свободе, к индивидуальности; несамостоятельность имела бы место, если бы осталось древнее ясновидение. Человек должен был потерять древнее ясновидение; он должен был стать достоянием своего физического «я». Мышление, которое он стал бы развивать, если бы видел всё то, что волнует в подсознании, - видеть то, что существует там как мышление, чувство и воля, - было бы небесным мышлением, но не самостоятельным мышлением. Как приходит человек к этому самостоятельному мышлению? Представьте себе, что вы ночью спите, что вы лежите в кровати. Это означает, что в кровати лежит физическое тело и эфирное тело. При пробуждении «я» и астральное тело входят извне. Дальше надо представлять их себе в эфирном теле. Так как «я» и астральное тело теперь погружаются, они охватывают, прежде всего, эфирное тело. Но это длится недолго, хотя в этот момент может осенить нечто такое: о чём же я

только что думал, ведь это было нечто весьма разумное? Однако у человека существует вожделение сразу же погружаться в физическое тело, а в этот момент всё это сразу исчезает; теперь человек всецело находится в сфере земной жизни. Поэтому и происходит так, что человек, сразу же охватывая земное тело, не может донести до сознания это тонкое волнение эфирного мышления. Для того, чтобы развить сознание: «тот, кто здесь мыслит – есть «я», человек должен охватить своё земное тело как инструмент, иначе его сознанием будет не «тот, кто здесь мыслит, – есть «я», но « тот, кто здесь мыслит, – есть мой Ангел-Хранитель». Такое сознание, – « я мыслю», – возможно, только благодаря захвату земного тела. Поэтому необходимо, чтобы в земной жизни человек стал способен использовать своё земное тело. В ближайшие времена он должен будет всё больше и больше, – посредством того, что даёт ему Земля, – охватывать это земное тело. Его оправданный, правомерный эгоизм будет становиться всё больше и больше. Эгоизму должен быть создан противовес посредством того, что человек – с другой стороны – достигнет познаний, которые даёт духовная наука. Мы стоим в исходной точке этого времени. Люди могли бы сказать: мы не должны в дальнейшем чувствовать угрызений совести, заботясь о том, чего хотят от нас Боги. Но разве не должны мы сначала открыть эту волю Богов! Что дали нам Боги в ходе земной жизни, мы принимаем; они дали нам физическое тело как сильнейший инструмент физического мышления; но испытывать преждевременные угрызения совести насчёт того, что мы должны начать что-то иное, нежели овладение силой, было бы неудобно. Человек не обязан выполнять это; ведь Боги могли бы проложить другой путь! Так говорят люди, но они же говорят и то, что они открыли философию и так далее.

Надо уяснить себе, что в мире ничего не зависит от желания человека ограничить то, что должно произойти, подгоняя его под свои субъективные удобства; совершенно невозможно уменьшить меру того, что поручено человеку. И если человек в какую-то определённую эпоху должен развить определённые силы, но развивает только часть их, то остальные, всё же выходят наружу. Не правда, что они не выходят наружу! Если вы нагреваете машину, то теплота от нагрева не исчезает, но излучается; столь же мало может исчезнуть что-либо в человеческой жизни. Не правда, будто бы то, что человек сегодня презирает, – мистические силы, – не существуют. Человек может отрицать их. Но в том, что принадлежит миру, они продолжают существовать. Вы можете их отрицать, вы можете быть в своём сознании большим материалистом, но человеком в целом вы быть не можете. В этом случае развитие происходит так, – хотя человек об этом и не знает, – что он

наделяет Люцифера и Аримана тем, чем в ином случае он наделил бы регулярных Богов. Ибо всё, что вы подавили в своём сознании, не привели к раскрытию, вы предоставляете Люциферу и Ариману.

Видите ли, мои дорогие друзья, нет в настоящее время более современной культуры, которая вплоть до внутренних фибр развивала бы более интенсивный материализм, чем итальянская культура. Итальянская культура современности как национальная культура является культурой, возникшей вследствие того, что Народная Душа действует на людей через душу ощущающую. Если английская культура производит материализм, то это её миссия; материализм находится там на поверхности, но он таков, каким он должен быть. Осуществляется то, что Земле когда-либо материализм становится необходимым. Миссия британского народа состоит в том, чтобы дать Земной эволюции материализм. Тут он может гнездиться не столь глубоко, в душе, как в случае итальянца, который всё принимает в глубочайшие ощущения; тут материализм живёт вплоть до самых глубочайших основ. Вот почему современная итальянская культура всей душой впала в настоящее время в форменное неистовство, буйное помешательство на почве националистического материализма, в то время как материализм не должен захватывать всю душу. По отношению к миру человек может быть представителем материализма, но не следовало бы одушевляться им, если на внешнем уровне человек относится к итальянской Народной Душе. Хотя и правда то, что наше время вообще является материалистическим, точно также правда и то, что у южных народов именно из души ощущающей выходят наружу материалистические ощущения. Помните, что *высказывал Фихте; «кто верит в духовную свободу, тот принадлежит нам!»*(85) - У него всецело характеризуется посредством духа то, чем в своём собственном смысле должен быть национализм: духовным понятием. Ничего этого нет в итальянском понятии национализма; материя крови - вот из чего тут исходят; это всецело натуралистический национализм. Если один говорит о нации, он подразумевает нечто совершенно иное, нежели когда о нации говорит другой. Всецело материалистический национализм живёт в итальянском народе. Само собой разумеется, что всё сказанное относится лишь к нынешнему времени. Подумайте о том, что если столь решительным образом душа устремляется к натуралистическому материализму в сфере намерений страны, это ещё не даёт возможности пройти мимо мистического смысла; он остаётся. Он всего лишь выбрасывается из сознания и вкладывается затем во что-то другое, он не может быть выброшен из самого истинного самого внутреннего бытия, он лишь переходит на службу тех властей, которые мы обозначаем техническим термином

как люциферические и ариманические; силы эти не идут тогда по пути поступательно развивающихся Божеств, а идут по пути ариманических и люциферических сил. Можно допустить, как нечто подобное происходило в этом народе вследствие того, что силы мистической направленности были вброшены в общественную жизнь. Найдём ли мы что-либо подобное на юге, - нечто как правильно вброшенный мистический поток воли?

В 1347 году в воскресенье Троицына дня в мае, когда в Рим вернулся Кола ди Риенци во главе большого шествия в древнеримских доспехах,(86) - в духе того времени, - с четырьмя штандартами и поднялся на Капитолий, на то место, откуда всегда говорили, если речь шла о римском начале и обращалась к римлянам. И Риенци возвестил оттуда о том, что он благовествует как доверенное лицо Иисуса Христа, как тот, который во имя свободы всего мира должен говорить к римлянам. Затем, фактически было высказано тогда невероятно много фраз. В то время -1347 - они имели известное значение, но не были реализованы. В целом это было нечто, что вспыхнуло прогорело как огонь. И всё же я ещё так не думаю. Мне хотелось бы указать на то, что произошло в воскресенье Троицына Дня 20 мая 1347 года. Тогда случилось так, что предводитель всего этого потока назвал себя доверенным лицом Христа. И позднее, когда он всё больше вырабатывал своё учение, он также называл себя человеком, которого инспирирует Святой Дух. И снова в одно воскресенье Троицына Дня последовало объявление войны Австрии. Этому предшествовало, что тот, кто хотя не называл себя доверенным лицом Христа, но не стеснялся говорить, что он пронизан Святым Духом, говорил перед большим шествием в Риме непосредственно перед этим событием. Тот, у кого, несомненно, не было в душе и следа той мистики, во имя которой говорил когда-то Риенци. Однако, - тут вы имеете дело с выброшенной вовне мистикой, - это было сказано в правильный день, снова в воскресенье Троицына Дня. Но высказанное служило другим силам. Импульс Христа был выброшен из сознания. Немногие слова показывают, что высказанное тогда носило крайне ариманический характер, чего и следовало ожидать в это время. В двадцатом веке, оратор, само собой разумеется, на этот раз пришёл не в доспехах с четырьмя стандартами, но приехал на машине. Само собой разумеется, надо же было принести жертву нашему материалистически ориентированному времени. Но ведь он должен был, в конце концов, принять в расчёт, - возможно бессознательно, - то, что как мистическая человеческая сила было выброшено наружу и передано совсем другой власти и, обратившись в свою противоположность, втекало во внешний мир. В своей речи -

человек, который дал сам себе имя Д'Аннунцио, хотя в действительности его звали иначе,(87) - в своей речи говорил не только так, что ему верили, - на итальянском языке сделать это нетрудно, - но и воскресил все великие пламенные слова Риенци, о которых он хотел напомнить в каждом её предложении. После того как он произнёс эту речь, в которой с точки зрения средневропейского сознания можно было видеть всего лишь фразы, он взял в руки шпагу, поцеловал эту шпагу, в знак того, что он хочет теперь силу своей речи отдать силе этой шпаги. Эта шпага принадлежала редактору одного журнала, которого часто можно было увидеть, приезжая в Италию. Это была та шпага, которую редактор журнала в этих обстоятельствах передал бургомистру Рима как некий священный завет. Эта шпага принадлежала редактору юмористического журнала «Азино». Когда-нибудь в будущем мир увидит, - если, конечно, он будет судить на иных основаниях, нежели те, посредством которых выносят суждения теперь, - мир увидит, что о некоторых вещах, происходящих в настоящее время, надо судить с духовной точки зрения, увидят, как то, что является мистической силой в человеке, выбрасывается наружу, передается мировому процессу, но не теряется, а становится добычей ариманических и люциферических сил. Ирония мировой истории при непосредственном рассмотрении редко обнаруживается с такой ясностью, как это произошло здесь, как это произошло в указанном случае.

Мы хотим именно из того, что мы можем принять в себя благодаря нашим стремлениям последних лет, попытаться уяснить себе то, что некоторая мера спиритуальных сил уместна в природе человека. С одной стороны, вследствие захвата телесности, внедрения в телесность человечество может стать свободным; но из-за этого мистическая спиритуальность должна быть выброшена из сознания. С другой стороны она должна быть принята в сознание, иначе, будучи выброшенной из сознания она будет захвачена ариманическими и люциферическими властями. Мне, мои дорогие друзья, всё снова и снова хочется напоминать о том, что мы, стремясь в течение долгих лет, принимаем её в сознание и создаём в самих себе чувство, что из этих кровавых событий современности должно возникнуть нечто, что приведёт человечество к спиритуальности, к признанию духовности. В этом смысле, как я уже часто говорил об этом, должны найтись души, которые благодаря духовной науке способны смотреть вверх в духовный мир, туда, где находятся всё эфирные тела, вышедшие из молодых людей, поднявшиеся в духовный мир, и продолжающие существовать там, поскольку на этом поле силы тоже не исчезают. К ним мы должны поднять свой взор; тогда они будут связаны с силами духовного

мира, которые светят навстречу нам. То, что должны сказать умершие, станет в импульсами для будущего, если тут найдутся души, которые поймут их речи. В этом смысле мы снова произнесём простые слова:

Из мужества бойцов,
Из крови павших,
Из страданий оставленных,
Из жертвенных дел народа,
Взрастёт духовный плод -
Если, сознавая Дух,
Души направят свои чувства
В царство Духа.

ПРИМЕЧАНИЯ

1..... здание, которое мы хотели воздвигнуть подобно страже духовной жизни нового времени См. Рудольф Штейнер, «Строительная мысль Гётеанума» (1921), 104 иллюстрации первого Гётеанума в Дорнахе, ПС библи №290

2.....26 июля в Дорнахе, обращаясь к собравшимся там друзьям я, завершая лекцию о делах нашего здания, См. Р.Штейнер «Путь к новому строительному стилю» (1914) с 16 иллюстрациями первого Гётеанума ПС библи № 286

3..... ряд уроков, инструктирующих в отношении таких перевязок на случай, с 13 по 16 августа 1914 Рудольф Штейнер прочёл курс для санитаров

4..... О ты, дух моего земного пространства : Рудольф Штейнер позднее изменил строчку «Тебя, звуча в хвале и силе» на «Тебя, звучащего от силы и света». См. «Wahrspruchworte – Richtigspruchworte» 3 изд. Дорнах 1951, предусмотрено для ПС библи № 41

5..... в цикле лекций о Народных Душах См. Рудольф Штейнер «Миссия отдельных Народных Душ в связи с северо-германской мифологией» , Христиания (Осло) 1910 ПС библи №121

6..... в фаустовском складе души, рассмотренном в последних открытых лекциях, фаустовском душевном характере, развиваемом в Средней Европе, заложено нечто омолаживающее,; см. 27 октября 1914 «Духовный склад Гёте в наши судьбоносные дни и немецкая культура» в: Рудольф Штейнер «Из судьбоносного времени» (1914-1915) ПС библ.№ 64

7..... Это я делал там несколько дней тому назад; см. лекции Рудольфа Штейнера в Дорнахе «Дорнахское здание как истинный знак исторического становления и преобразующего испульса в искусстве» (1914) Дорнах, 1937 (предусмотрено для ПС библ.№ 287)

8..... *Voltaire* (фр. *Voltaire*; 21 ноября 1694, Париж — 30 мая 1778, Париж; имя при рождении Франсуа-Мари Аруэ, фр. *François Marie Arouet*; *Voltaire* — анаграмма «Arouet le j(eune)» — «Аруэ младший» (латинское написание — AROVETLI) — один из крупнейших французских философов-просветителей XVIII века, поэт, прозаик, сатирик, историк, публицист, правозащитник; основоположник вольтерьянства.

Пьер Корнель (фр. *Pierre Corneille*; 6 июня 1606, Руан — 1 октября 1684, Париж) — французский драматург, «отец французской трагедии». Член Французской Академии (1647)
Расин Жан (*Racine Jean*)

Расин Жан Баптист (1639-1699) Французский драматург, творчество которого представляет собой вершину французского классицистического театра.

Мольер Жан Баптист (*Moliere Jean-Baptiste Poquelin*, 1622-1673). крещён 15 января 1622, Париж — 17 февраля 1673, там же) — комедиограф Франции и новой Европы, создатель классической комедии, по профессии актёр и директор театра.

Аристотель (384-322 до Р.Х.)

9..... что стало первым изданием книги «Загадки философии»,; Рудольф Штейнер «Загадки философии в её истории представленные в очерке» ПС библ. №18 появилась 1914 как переработанное и расширенное издание книги «Миро- и жизневоззрения в 19 столетии», Берлин 1901

Уильям Шекспир(1564-1616)

Фридрих Великий (1712-1786): 1740-1786 король Пруссии

10.....*Готфрид Вильгельм Лейбниц* (1646-1716)

Чарльз Дарвин (1809-1882)

Учение о цвете (хроматика) Гёте: см. «Естественнонаучные труды Гёте» изданные с комментариями Р.Штейнера в Кюршнеровской «Немецкой национальной литературе» (1883-1897), 5 том, изд. Дорнах 1975 ПС библ.№1 том 3 «Учение о цвете»

Исаак Ньютон (1642-1727)

11..... *В нашем движении был переведен великий русский философ Соловьев.:* Владимир Соловьёв «Избранные сочинения», перевод Гарри Кёллера с введением Р.Штейнера, Штутгарт 1921, далее «Стихи Владимира Соловьёва» переданные Марией Штейнер 2 изд. Дорнах 1949

Петр I Великий (1672-1725): Царь 1682-1721, Император Всероссийский 1721-1725

12..... *Что говорит Мережковский в конце книги, которую я приводил вчера?:* Дмитрий Мережковский (1865-1941) «Грядущий хам» перевод Х. Хершельмана, Мюнхен и Лейпциг 1907

13..... *вследствие нашего первого (уставного) положения :* при основании Антропософского Общества 1912-1913 Рудольф Штейнер сформулировал первое положение: «В обществе могут по-братски взаимодействовать все те люди, которые рассматривают как основу для исполненного любви взаимодействия всеобщую духовность во всех человеческих душах, которая может быть различной в отношении веры, нации, сословия, пола и так далее».

13..... *Индивидуальность, которая тогда была убита:* Франц Фердинанд фон Габсбург, (1863-1914) эрцгерцог Австро-Венгерской Империи, наследник престола, был убит 28 июня 1914г социалистом Гаврилою Принципом в Сараево, что послужило причиной австрийского военного демарша в Сербию, объявлению в России сначала частичной, а потом всеобщей мобилизации, а затем началу Первой Мировой войны.

14..... *в наши нынешние дни в открытых лекциях, как это было вчера и позавчера:* лекция от 26 ноября 1914: «Человеческая душа в жизни и в смерти»; лекция от 27 ноября 1914 «Народные Души», обе напечатаны в томе «Из судьбоносного времени» 1914-1915, ПС библ. № 64

в смысле учения Кришны: см. «Бхагават-Гита» и первая лекция в данном томе.

15..... *приводят в эти дни слова древнего Гераклита, который считал войну «отцом всех вещей».*; Гераклит из Эфеса, ок.54-480 до Р.Х, Фрагмент В 53 в книге Х.Диельс «Фрагменты досократиков» том 1

16.....*Константин:* Константин I Великий 274-337, римский император с 313г после того, как он в 312 г победил августа Максенция на Мульвийском мосту. См. также лекция от 30 января 1915, Дорнах в «Путь духовного познания и обновление художественного мировоззрения», ПС библ. № 161

Юлиан Апостат; Флавий Клавдий Юлиан, 331-363, христиане называли его Апостат, Отступник; римский Император 361-363 по Р.Х.

17..... *Жанна д'Арк*; Орлеанская Дева (6 января 1412 по 30 мая 1431)

18..... *Того, Кого вы ищите, здесь нет, Он там, где вы Его не ищите, ибо вы не знаете Его.*: Матф.28-6, Марк. 16-6 Лука 24-5,6

19..... *Такие факты, как, например, указанные мною в открытой лекции в последний четверг «Германская Душа и немецкий Дух»*,: лекция от 14 января 1915 «Германская Душа и немецкий Дух с точки зрения духовной науки» напечатана в «Мз судьбоносного времени» 1914-1915 ПС библ № 64

Вальтер фон Фогельвейде (нем. *Walther von der Vogelweide*, около 1160—1170 — после 1228) — немецкий поэт и композитор периода классического миннезанга.

20.....*Лессинг...идея повторных земных жизней*: см. Готфрид Эфраим Лессинг, «Воспитание человеческого рода» 1780, параграф 98: «Почему я не могу приходить настолько часто, насколько способен достигнуть новых знаний, новых умений? Разве я не теряю сразу столь много, чтобы не стоило усилий придти снова?»

21..... *как Гёте изобразил в Фаусте представителя человечества*,: см.Рудольф Штейнер, «Духовнонаучные толкования к «Фаусту» Гёте», том 1 «Фауст, стремящийся человек», и том 2 «Проблема Фауста», ПС библ. № 272 и 273

он должен был взять на помощь наглядные представления христианства,:см. И.П Экерман, Разговоры с Гёте в последние годы его жизни, биюля 1831: «Впрочем, Вы согласитесь, что конец, где спасённая душа поднимается вверх, сделать было очень трудно; в сверхчувственных, едва осязаемых вещах мне было очень легко потеряться в неопределённости, если бы я, в соответствии с моей поэтической интенцией, не придал чётко очерченным, церковно-христианским фигурам и представлениям достойно ограниченную форму и прочность».

Рафаэль Санти (1483-1520)

22..... *Анатоль Франс(1844-1924) «Жанна д'Арк»*: том 2 стр. 49 Париж 1927

Шиллер говорил: «Мир любит светлое чернить и в прах великое ввергать.» : 3 строфа стихотворения «Орлеанская Дева»

23..... *нимфа Эгерия; нимфа ручья, возлюбленная Нумы Помпилия, второго царя Рима, установившего культовые ритуалы Рима – примеч. перев.;*

24..... *норвежская легенда об Олафе Эстесоне; см. Р.Штейнер, «Мировой Новый год. Сновидческая песнь Олафа Эстесона» 31.12 1914 (отдельное изд.), см. также Р.Штейнер «Калевала. Связь человека с элементарным миром, Олаф Эстесон. Русский народ» ПС библ. № 158*

25..... *Я часто упоминал об этом в самых различных контекстах: это событие, которое состоялось за кулисами нашего бытия в духовном мире примерно в ноябре 1879г.: см. особенно обе лекции Р.Штейнера в Штутгарте 18 и 20 мая 1913 в «Предварительные ступени Мистерии Голгофы» ПС библ. № 152*

26..... *в Мейстере Экарте и Иоганне Таулере, как расцвела она затем в Якобе Бёме(и Ангеле Силезском; Мейстер Экарт (1260-1327); Иоганн Таулер (1300-1361); Якоб Бёме (1575-1624); Ангел Силезский (Иоганн Шеффлер) 1624—1677; см. приведенных мистиках Р.Штейнер «Мистика на заре духовной жизни нового времени и её отношение к современному мировоззрению» ПС библ. № 7*

27..... *благодаря гётевской «Сказки о Зелёной Змее и Прекрасной Лилии» привело к драматическому выражению основных сил посвящения,;см. во-первых Р.Штейнер «Духовный склад Гёте в его откровении в «Фаусте» и «Сказке о Змее и Лилии» 1918, ПС библ. № 22; во вторых её преобразование в Драматическую Мистерию «Врата посвящения» см. Р.Штейнер «Четыре Драматические Мистерии» 1910-1913 ПС библ. № 14*

28..... *философ Бергсон; Генри Бергсон 1859-1941, см. Сигнификация войны Париж 1915г.*

29..... *одной из брошюр, которые появляются теперь в связи с войной, - к двенадцатому номеру сочинения, написанного известным профессором д-р. О. Бинсвангером под названием: «Душевные последствия войны»: в ряду: «немецкая война. Политические заметки», Штутгарт и Берлин 1914*

30..... *Роберт Гамерлинг : 1830-1889*

31..... *Достоевский Федор Михайлович: 1821-1881*

32..... *нескоро будут поняты ошибки мировоззрения Коперника: ведь дело обстоит иначе, нежели учат сегодня.; Николай Коперник, 1473-1543*

33..... *Латунь вместо золота: Готфрид Вильгельм Гегель 1770-1831 в «Феноменология духа», Пояснения (философская библиотека том 114 Лейпциг 1907 стр.358)*

34..... *наш старейший сочлен: речь идёт о Лине Гросхейнц-Роер, см. Р.Штейнер, «Наши умершие» 1906-1924 ПС библ. № 261, Выступление в Базеле 10 января 1915*

35..... *мы потеряли на физическом плане другого друга нашего движения, другого сочлена: речь идёт о Сибилле Колацца, см. «Наши умершие, Выступление в Цюрихе 31 января 1915*

36..... *как сказал об этом из глубокой интуиции Вагнер: «Время становится пространством».:см. сценическая постановка «Парсифаль», 1 картина, реплика Гурнеманца*

37.....*Фриц Митчер; см. Рудольф Штейнер, «Наши умершие» Выступление в Базеле 5 февраля 1915*

38..... *философа доктора Эрнста Маха;1838-1916 «Анализ ощущений и отношение физического к психическому» Йена 1900 стр.3*

39..... *Более подробно вы это найдёте в венском цикле, который тоже напечатан .; см. Рудольф Штейнер «Внутреннее существо человека и жизнь между смертью и новым рождением» 1914, ПС библ. № 153*

40..... *Осенью мы пережили смерть ребенка; речь идёт о Тео Фейсе. См. Рудольф Штейнер, «Наши умершие», Выступление в Дорнахе, 10 октября 1914*

41..... *Берлин, 2 марта 1915 ; см. к этой лекции дорнахские сообщения от 27 марта и 1 мая 1915 в « Путь духовного познания и обновление художественного мировоззрения» ПС библ. № 161*

42.... *Поэтому я даже экзотерически указывал на это в открытых лекциях: этой второй (ступени) человек достигает благодаря тому, что он идентифицируется со своей судьбой. Благодаря этому он получает власть пребывать внутри тканьья мыслей, обладая волей.; см. например, лекцию «Духопознание в счастливые и суровые часы жизни» Берлин 15 января 1915 в «Из судьбоносного времени» ПС библ. № 64*

43..... *И если в наших физических переживаниях наше рождение присутствует в крайне малой степени, - ни один человек с обычными, не разработанными способностями не помнит своего физического рождения, - то смерть наверняка всегда стоит в душе, прошедшей через врата смерти, как только у души всплывает сознание. Смерть всегда существует, но она стоит в духовном мире как самое прекрасное, как то, что пробуждает.; во*

второй записи (очень полных заметках) эта фраза звучит так: «В той же степени, как наше рождение не присутствует в нашем физическом сознании, - рождение, которого, однако, мы во второй половине нашего пребывания в духовном мире страстно ожидаем, поскольку ощущаем необходимость достичь нашего человеческого идеала, - в той же степени смерть предстаёт перед человеком в духовном мире как наиболее прекрасное, ибо там в нас всплывает сознание, ощущение того, что она предстаёт в духовном мире как великая пробудительница». См. 16 ноября 1915 также, как развивал Рудольф Штейнер этот мотив рождения и смерти в лекции в Берлине в цикле «Образование судьбы и жизнь после смерти» (6 лекций), ПС библ. № 157а

44..... *и при определённых обстоятельствах мы ещё будем говорить об этом. Тогда мы увидим, как благодаря этому процессу, который всё же можно наблюдать, можно указать физической науке, что медитативный процесс связан с неким тонким тепловым процессом и неким тонким световым процессом.* ; Эта тема не излагалась снова в этой форме, и со стороны слушателей не поднималась. В ином аспекте см. лекция Р.Штейнера в Дорнахе от 17 декабря 1920 в «Мост между мировой духовностью и физическим началом в человеке», ПС библ. №233 а

45.....*Юлиус Мозен, 1803-1867, «Рыцарь грёза», новое издание по инициативе Р.Штейнера в изд. «Грядущий день» А.О. Штутгарт 1921, «Агасфер» 1838*

46..... *лейпцигский профессор литературы Рудольф фон Готтшаль.*: Карл Рудольф фон Готтшалл, 1823-1909

47..... *другой немецкий поэт, Вильгельм Йордан 1819-1904*

48..... *Это прекрасная поэма тридцатых годов девятнадцатого века, «Альгамбра» фон Ауффенберга. Этот Ауффенберг является спиритуальным поэтом, и «Альгамбра» - его самое значительное произведение.*: Йозеф фон Ауффенберг, 1798-1857, «Альгамбра», эпос в драмаимческой форме, опубликован в трёх частях 1828-1830

49.....-*« Солнце стало бы светить напрасно, если б не было глаза, воспринимающего его свет»;* Гёте, Кроткие Ксении III

50..... *писал под именем д-ра Мизеса;* Густав Теодор Фехнер, 1801-1887, см. «Доказательство, что Луна состоит из соединений йода» 2 изд. Лейпциг 1832

51..... *в открытых лекциях обозначалось как последняя душевная деятельность - способность воспоминания;* см. Берлин 26 февраля 1915 «Что в человеке смертно?» в «Из судьбоносного времени» ПС библ. №64

52.....*Если вы исследуете итальянскую историю, то найдёте важный год, примерно 1530. Это тот год, когда итальянский*

Народный Дух стал столь мощным, что он теперь начал действовать на телесность. Начиная с этого момента, совершенно специфическим образом стал развиваться национальный характер: данный этап итальянской истории отмечен острейшим столкновением католического Рима, где Папой становится Климент VII из рода Медичи, и Флоренцией, столицей итальянского Ренессанса. Если ранние Медичи, Козимо и Лоренцо покровительствовали во Флоренции неоплатонизму, возрождению античности в искусстве и в философии в Академии Платона (1462-1521), то теперь Италию, разделенную на пять областей, пытаются завоевать Римские Папы, испанско-австрийские Габсбурги и французские Валуа - особенно породнившись с Медичи, которые вместо свободомыслия устанавливают тиранию. В 1527 на фоне общеевропейской реформации флорентийцы изгоняют Медичи и восстанавливают Республику во главе с Франческо Карлуччи и Франческо Ферруччи. Микельанджело возводит фортификационные сооружения для защиты Флоренции. Но в 1530 г соединенные войска бывших врагов - Папы Климента VII и испанско-австрийского Императора Карла V, имея трёхкратное превосходство, берут Флоренцию - философскую столицу Возрождения. Ферруччи погибает, а Микельанджело Папа заставляет работать в Риме.(примеч. перев.)

53..... В случае французского Народного Духа мы находим такой же момент, если возьмём примерно 1600 год.: наиболее существенные события во Франции конца 16 века - правление Генриха IV Бурбона (1589-1610), основателя новой династии, и относительное религиозное примирение между кальвинистами (гугенотами) и католиками, подписание королём толерантного Нантского эдикта (1598), почти уравнивающего в правах католиков и протестантов. Религиозный мир во Франции, свадьба Генриха IV и Марии Медичи в 1600г. (примеч. перев.)

54..... у английского Народного Духа - примерно 1650.: острейший момент английской революции, борьба протестантов и католиков, казнь католического короля Карла I Стюарта (1649), правление лорда-протектора Оливера Кромвеля (до 1658). В 1660 г правление Стюартов было восстановлено.(примеч. перев.)

55..... Если же мы посмотрим на эволюцию немецкого Народного Духа, то нечто подобное мы будем воспринимать в период примерно с 1750 по 1850гг. Но здесь мы должны сказать нечто странное, своеобразное; этот Народный Дух спустился, но затем снова поднялся вверх.: начало периода совпадает с рождением Гёте и началом Семилетней войны, середина - распад Первого Рейха, наполеоновские войны, расцвет идеалистической философии, поэзии, классической музыки Шиллер, Гердер,

Шеллинг, Лессинг, Фихте, Гегель; завершение - смерть Гегеля, смерть Гёте и Каспара Хаузера, революция 1848-49г и начало создания централизованного государства.(примеч. перев.)

56..... *Так писал Эрнест Ренан Давиду Фридриху Штраусу в 1870 году: письмо от 13 сентября 1870. Напечатано в Полном Собрании сочинений Давид Штраус, Бонн 1876-78 том 1 5-311f*

57..... *Фихте: Иоганн Готтлиб Фихте, 1762-1814*

58..... *ап. Павла: «А если Христос не воскрес, то вера ваша тщетна...» Апостол Павел Первое Послание к Коринфянам, 15-17*

59.....*часто высказывал, что если мы хотим выбрать сравнение, выражающее действительное положение дел, мы должны использовать другие сравнения, нежели те, в которых мы сравниваем природные процессы вовне и процессы при засыпании и пробуждении. В большей степени мы должны сравнивать нашу жизнь в течение двадцати четырёх часов с годовым оборотом Земли; см. например, лекции Рудольфа Штейнера Аугсбург, 14 марта 1913г и Стокгольм, 8 июня 1913, обе в «Мир духа и его вмешательство в физическое бытие» ПС библ. № 150*

60..... *внутри этого Духа Земли становится наглядным всё то, что было изложено мною относительно импульса Голгофы, ибо тут внутри мы находим оживляющую силу, которой до Мистерии Голгофы на Земле не было.: В дополнении к приведенному здесь изложению может быть указана лекция Нюрнберг, 23 июня 1908 в «Апокалипсис Иоанна», ПС библ. №104, а также лекции; Кассель, 6 и 7 июля в «Евангелие от Иоанна в связи с тремя другими Евангелиями, особенно Евангелием от Луки», ПС библ. № 112*

61..... *сообщено в «Акаше Хронике» и в «Очерке тайноведения»,; «Из Акаша-Хроники» 1904, ПС библ. № 11; «Очерк тайноведения» 1910, ПС, библ. № 13*

62..... *книге «Воспитание ребенка», : Рудольф Штейнер «Воспитание ребенка с точки зрения духовной науки» 1907, отдельное издание; в составе сборника «Люцифер-Гнозис. Основные положения антропософии из 1903-1908гг» библ. № 34*

63..... *Я хочу привести пример, который описывает Эразм Франческо, пример, основанный на истине. Эразм Франческо :Эразм Финкс 1627-1694*

64..... *Берлин, 10 июня 1915см. Рудольф Штейнер, «Архитектурная мысль Гётеанума» 1921, 104 изображения здания первого Гётеанума ПС.библ. №290*

65..... *мною в последние недели было отмечено то, что с известной точки зрения нельзя было бы говорить о более*

величественной поэме, нежели поэма «Фауст» Гёте: лекция от 15 апреля 1915 «Арена мысли как результат немецкого идеализма» (неполная, неопубликованная запись)

66..... Я уже часто сообщал о том, что Мефистофель представляет собой ничто иное, как перемешанных друг с другом Люцифера и Аримана.: см. Рудольф Штейнер, «Духовный склад Гёте в его откровении в «Фаусте» и в «Сказке о Змее и Лилии» 1918, ПС. Библ. № 22

67..... В этом состояла вся трудность, с которой столкнулся Гёте в отношении своего «Фауста»: ср. сообщение Рудольфа Штейнера об этом в лекции Берлин 22 апреля 1915 «Мировой образ немецкого идеализма» в «Из судьбоносного времени» ПС. Библ. №64

68.....«червь, в страхе корчившийся на дороге»: «Ты близок лишь тому, кого ты постигаешь, не Мне!»: «Фауст» часть 1

69..... Я уже говорил о том, что среди отрывков, которые Гёте позднее исключил, есть место, где Мефистофель один раз назван Люцифером.: подразумевается место из «Прафауста», сцена на улице, строка 527 «Он поступает как сын князя; имей Люцифер дюжину князей, они были бы должны ему платить»

70.....«Нет имени Ему. Всё в чувстве!

А имя - только дым и звук,

Туман, который нам свет неба затемняет.» «Фауст» часть 1

(Перевод Холодковского

71..... что Фауст изучал «с усердьем и трудом». «Фауст» часть 1

72.....«со временем ты дорастёшь до человека», - это сводят к низкому; говорят: «только не стремись к высшим орденам (наградам)». «Фауст» часть 2

73..... Другое то, где Гомункулус создаётся, где Вагнер описывает, как он зашевелился в реторте:

Свершается! Масса явно шевелиться,

Сверхубежденность всё сильнее, сильнее!

«Свершается! Вот в массе всё яснее

Сквозит уж форма! Всё сильнее, сильнее

Уверенность глубокая во мне!» («Фауст» часть вторая, действие второе «Лаборатория в средневековом стиле», перевод Н.Холодковского):

«Фауст» часть 2

74..... Только после Ницше стали говорить о «сверхчеловеке», люди заговорили о том, что есть сверхчеловек, хотя Гёте говорил о сверхчеловеке задолго до этого: Ницше, «Так говорил Заратустра»

75.....Когда Шиллер в 1797 году обратил внимание Гёте на то, что он должен закончить «Фауста», Гёте тогда сказал, что он

снова извлечет на свет старого «трагелъфена» - это существо, наполовину зверь, наполовину человек. Гёте назвал его «трагелъфеном»; в конце восемнадцатого столетия он называет его «варварским космополитом»: см. Переписка между Шиллером и Гёте 6 декабря 1797. Уже 22 июня Гёте сообщил Шиллеру о своём плане завершить «Фауста»: интерес Шиллера способствовал этому решению.

76.... он создаёт сцену о том, чем должен стать Фауст,: напечатано в памятном издании, Артемис, Цюрих 1949 том 5, Поэма о Фаусте, Паралипомена

77..... Есть один великий писатель: Эмерсон: Ральф Вальдо Эмерсон 1803-1882, американский философ и эссеист. Цитата из: «Представители человеческого рода», перевод Г.Гримма «Эссе пятнадцатое» Берлин 1882 «Ральф Эмерсон о Гёте и Шекспире»

78.....Южаков Сергей Николаевич: 17 (29). 12. 1849, г. Вознесенск Херсонской губернии, ныне Николаевской области УССР, — 29. 11 (12. 12). 1910, Петербург, русский публицист и социолог, либеральный народник, брат революционерки Е.Южаковой (78)

79..... в его дневнике находится мысль, как у одного учителя гимназии в классе был перевоплощённый Платон. Геббель захотел изобразить некую драматическую фигуру: Дневник, № 1335 «В соответствии с переселением душ, возможно, что Платон сидит за школьной партой и мучается, поскольку сам не понимает Платона»

80..... Об атоме, подготовленном из всего Космоса, я уже говорил однажды раньше: см. лекция от 16 и 23 декабря 1904г Берлин в «Храмовая легенда и золотая легенда» ПС библ. № 93

81..... Небо и Земля прейдут, но слова Мои не прейдут»? : Марк, 13-31

82..... Он не является только какой-то тонкой материей, как охотно представляет его себе английская теософия, нет, .: это, главным образом относится к трудам и сочинениям Чарльза Уэбстера Ледбитера (1847-1934)

83..... описано в книге «Как достигнуть познания высших миров?»: см. Рудольф Штейнер «Как достигнуть познания высших миров» 1904, ПС библ. №10

84..... Фридрих Ницше в своём «Заратустре» тоже говорил об этом факте: см. примечание 74

85..... высказывал Фихте; «кто верит в духовную свободу, тот принадлежит нам!» : Иоганн Готтлиб Фихте, «Речи к немецкой нации» речь седьмая.

86..... В 1347 году в воскресенье Троицына дня в мае, когда в Рим вернулся Кола ди Риенци во главе большого шествия в древнеримских доспехах,: Кола ди Риенци, около 1313-1354,

римский трибун. См. Роберт Давидсон «От средневековья к нашим дням» в «Южнонемецких тетрадах», выпуск 12, тетрадь 9 июнь 1915
87..... человек, который дал сам себе имя Д'Аннунцио, хотя в действительности его звали иначе: Габриэль д'Аннунцио, 1863-1938, итальянский писатель. Его речь на празднике тысячи, см. «Южнонемецкие тетради» выпуск 12, тетрадь 9, июнь 1915. Широко распространенное воззрение, что д'Аннунцио звали Папагнетто, любуется тем, что так первоначально звали его отца, но ещё ребенком его усыновил некий д'Аннунцио